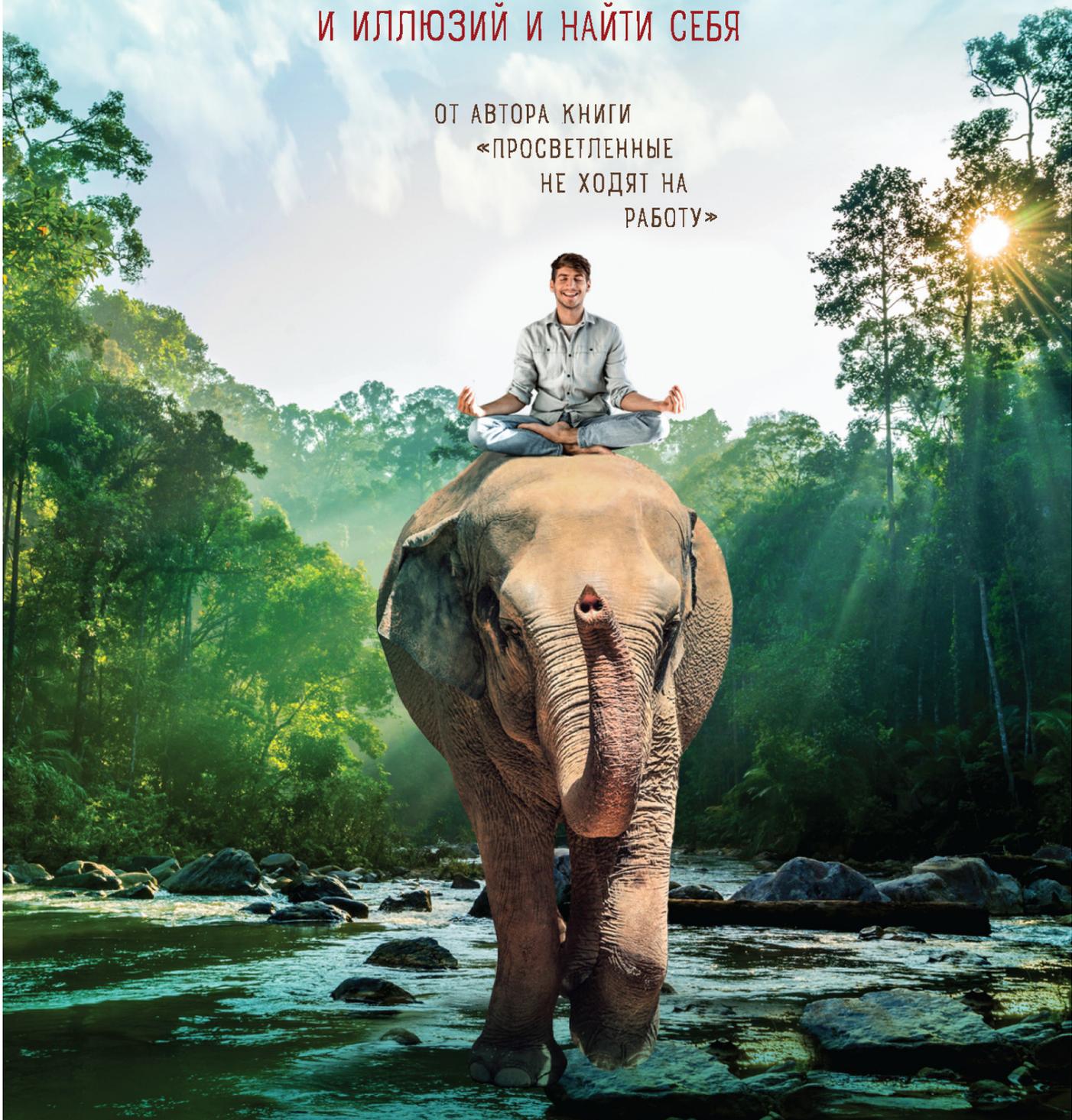

О Л Е Г Г О Р

ПРОСВЕТЛЕННЫЕ РАССКАЗЫВАЮТ СКАЗКИ

9 УРОКОВ, ЧТОБЫ ИЗБАВИТЬСЯ ОТ ДОЛГОВ
И ИЛЛЮЗИЙ И НАЙТИ СЕБЯ

ОТ АВТОРА КНИГИ
«ПРОСВЕТЛЕННЫЕ
НЕ ХОДЯТ НА
РАБОТУ»

Просветление без правил

Олег Гор

**Просветленные рассказывают
сказки. 9 уроков, чтобы
избавиться от долгов и
иллюзий и найти себя**

«ЭКСМО»

2019

УДК 133.4
ББК 86.42

Гор О. Н.

Просветленные рассказывают сказки. 9 уроков, чтобы избавиться от долгов и иллюзий и найти себя / О. Н. Гор — «Эксмо», 2019 — (Просветление без правил)

ISBN 978-5-04-103243-2

Внутри этой книги на самом деле есть сказки – «Сказки Пустоты». Записал и пересказал их бизнесмен Олег Гор. Несколько лет назад волею случая он оказался в маленьком буддийском монастыре на севере Таиланда, где в течение нескольких месяцев проходил обучение у «неправильного монаха» брата Пона. Там были и многочасовые медитации, и сложные духовные практики, и непростые задания неугомонного и ехидного Учителя. И, конечно же, долгие беседы и мудрые притчи – «Сказки Пустоты». Спустя годы, уже в России, Олег Гор рассказал о своих приключениях в серии книг «Просветление без правил», а потом понял, что услышанные им притчи и истории образуют единое повествование, еще один слой учения «неправильного монаха». «Сказки Пустоты» не просто занимательные, но и полезные. Если воспринимать их осознанно, они сами по себе способны вызывать благоприятные изменения в сознании, но еще полезнее сопровождать их практикой. Книга содержит методики и упражнения для тех, кто хочет изменить жизнь в лучшую сторону, обрести истинную свободу и избавиться от проблем, которые мы так охотно вешаем на себя сами.

УДК 133.4

ББК 86.42

ISBN 978-5-04-103243-2

© Гор О. Н., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

Книги для самопознания	7
Предисловие. Сказки Пустоты	9
Глава 1	12
Глава 2	24
Глава 3	37
Глава 4	49
Глава 5	61
Глава 6	74
Глава 7	87
Глава 8	102
Послесловие. Наставления практикующему	114

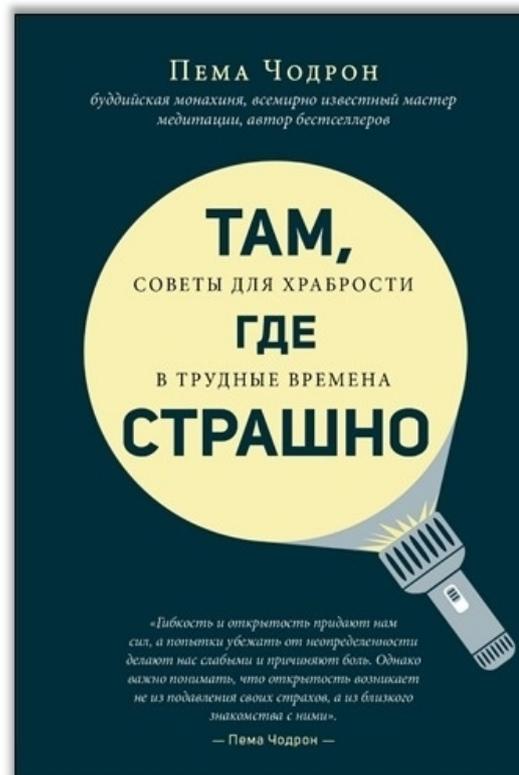
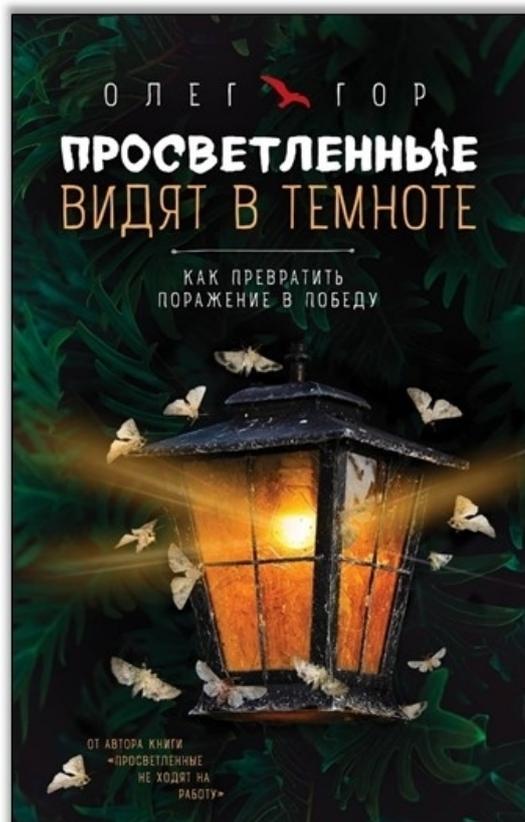
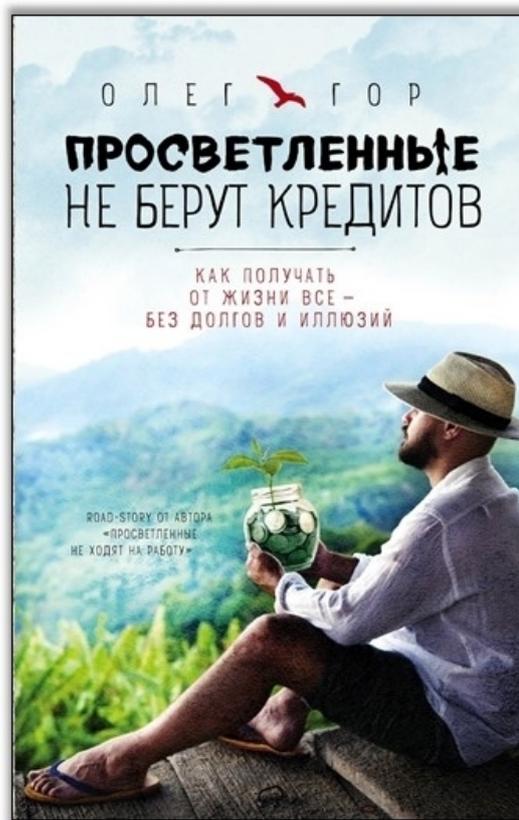
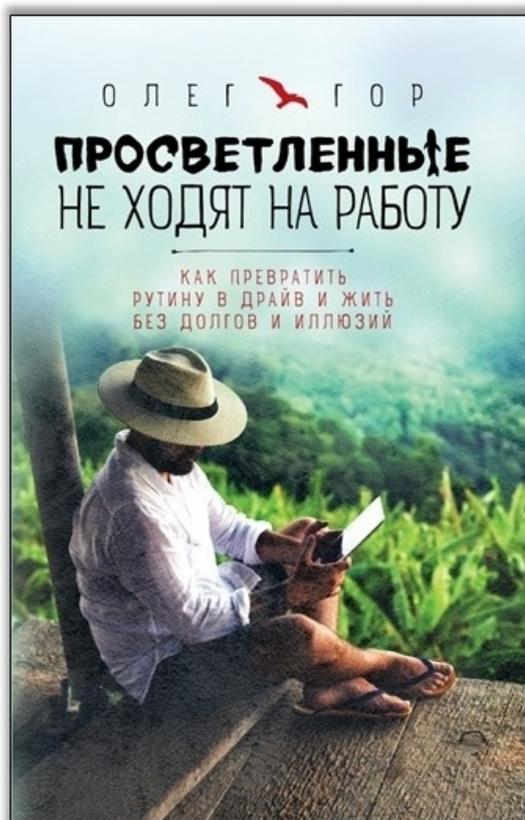
Олег Гор
Просветленные рассказывают
сказки. 9 уроков, чтобы избавиться
от долгов и иллюзий и найти себя

© Гор О., текст, 2019

© Каратаев С., иллюстрации, 2019

© ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Книги для самопознания

Просветленные не ходят на работу. Как превратить рутину в драйв и жить без долгов и иллюзий

Просветленные не ходят на работу – они занимаются куда более интересными вещами. Бизнесмен Олег Гор с юмором рассказывает о своей жизни в буддийском монастыре в Таиланде, о суровых, но захватывающих ученических сессиях с мудрым монахом. Книга содержит подробные описания техник, учащих контролировать ум, тело и эмоции, проживать свободную жизнь – без долгов и иллюзий.

Просветленные не берут кредитов

Вторая книга от автора «Просветленные не ходят на работу». Бизнесмену Олегу Гору уже не нужны кредиты: он сумел прожить без денег и документов целых два месяца и преобразил свою жизнь, освободившись от неуверенности, стресса, тревог и гнева. Более того, он уверен, что это под силу каждому из нас, нужно лишь желание и немного терпения.

Просветленные видят в темноте. Как превратить поражение в победу

Все мы время от времени оказываемся в ситуации, когда любое предприятие заканчивается неудачей, а судьба постоянно ставит подножки. Именно это произошло с автором книги Олегом Гором: в одночасье он потерял бизнес, жилье, друзей и стал объектом пристального внимания тайских бандитов – и пришел к необходимости переосмыслить свою жизнь. А пройти через череду новых испытаний и извлечь из них полезный жизненный урок ему вновь помогает его духовный учитель, брат Пон.

Там, где страшно

Пема Чодрон – буддийская монахиня американского происхождения. Ее бестселлер посвящен взаимодействию со страхом: «Гибкость и открытость придают нам сил, а попытки убежать от неопределенности делают нас слабыми и причиняют боль. Однако важно понимать, что открытость возникает не из подавления своих страхов, а из близкого знакомства с ними. Поэтому очень важно изучить, как мы пытаемся избежать того, что пугает нас».

Предисловие. Сказки Пустоты

О сказках Пустоты я узнал в тот день, когда примерил одеяние послушника в буддийском монастыре.

Как все произошло, как я встретился с братом Поном и очутился в обители Тхам Пу, спрятанной в джунглях Северного Таиланда, – подробно описано в книге «Просветленные не ходят на работу». Но «Просветленные рассказывают сказки» предназначены для всех, их может читать кто угодно, даже тот, кто впервые видит имя Олег Гор на обложке.

Внутри на самом деле есть сказки, не просто занимательные, а еще и полезные. Плюс к ним прилагается некоторое количество практических методик для тех, кто хочет изменить жизнь в лучшую сторону, обрести истинную свободу и избавиться от проблем, которые мы так охотно вешаем на себя сами.

Но сначала вернемся в тот день, когда я узнал о сказках Пустоты...

* * *

Я с унынием смотрел на сандалии и антаравасаку из двух кусков ткани и пояса: ладно – обувь, но как использовать набор деталей, чтобы получилось удобное и симпатичное одеяние! Брат Пон изучал меня, наклонив голову к плечу, и в его черных глазах плясали искры веселья.

– Давай покажу... – он легко вскочил и жестом велел мне встать.

– А может, не надо? – не в первый уже раз буркнул я.

Я прожил в Таиланде не один год, привык к шортам и майке, и мне вовсе не хотелось расставаться с привычным «костюмом» ради того, чтобы превратиться в неудачное подобие служителя Будды.

– Из Пустоты можно извлечь много всего, – сказал брат Пон, крепкий, неопределенного возраста монах со странной прической: тем, кто ушел от мира, в буддизме положено брить голову, он же таскал настоящую гриву из черных косичек, какой не устыдился бы и ямайский растаман.

Термин «Пустота» он употреблял не первый раз, но я не понимал, о чем он говорит, принимал за фигуру речи и пропускал мимо ушей.

– ...в том числе и сказки, которые рассказывали за тысячи лет до этого момента и тысячи километров от места, где мы находимся, – продолжил брат Пон, аккуратно раскладывая части антаравасаки на земле. – Итак, жил в одном монастыре пожилой монах. Отличался он, несмотря на возраст, крепким здоровьем, ясным умом, даром речи и приятным обликом, всеми благими качествами, которыми только может судьба наделить человека...

Я заслушался, и раздражение, вызванное насильственной сменой одежды, понемногу стало гаснуть. – Он участвовал во всех службах, приходил на помощь любому, кто просил, был первым в толковании философских вопросов и при этом никогда не превозносил себя. Любили его все – и братья, и миряне окрестных деревень. Вот только имелась у него одна странность... – брат Пон сделал паузу, и я нетерпеливо заерзал, ожидая продолжения.

Но сначала мне пришлось выслушать инструкцию – как сворачивать куски ткани, как подпоясываться. Затем я рискнул проделать это на практике, но в результате получился не послушник, а пугало, при виде которого умерли бы от смеха макаки из ближайшей чащи.

– ...имелась у него одна странность, – повторил брат Пон. – А именно присказка. Пожилой монах любил повторять «И ведь одна лепешка всему виной! Одна лепешка!» Многим хотелось узнать, что он имеет в виду, но благородный восьмеричный путь обязывает к сдержанности, а уж мирянам и вовсе не положено расспрашивать носителей оранжевых одежд о пустых

делах, так что никто не отваживался. Но однажды перед самым сезоном дождей, когда в небе начали гроздиться облака, а ветер задул с юго-запада, в монастырь явился послушник, молодой, со слегка косящими глазами...

Новая пауза, и новая попытка справиться с непокорным одеянием, совершенно не похожим на то, что мне приходилось носить ранее, и в Европе, и здесь, в Азии.

С братом Поном я общался всего ничего, но понял – он своего добивается всегда.

– Так много лучше, – заявил он, изучив меня от обутых в сандалии ног до мрачной физиономии: я-то ощущал себя совсем некомфортно и понимал, что мне до элегантности моего собеседника так же далеко, как до спутников Юпитера. – Так вот этот послушник... Однажды вечером, когда все дела оказались сделаны, обладатель косящих глаз не утерпел и обратился к пожилому монаху. «Почтеннейший, – сказал он, – позволь задать вопрос». «Конечно, – отозвался тот. – Слушаю тебя». И послушник, облизав пересохшие губы, произнес: «Что вы имеете в виду, когда говорите „И ведь одна лепешка всему виной! Одна лепешка!“?» И все, кто в этот момент находились рядом, затаили дыхание и замерли. Монах же улыбнулся и заявил: «Ты думаешь, ответ на этот вопрос поможет тебе в деле спасения?» Послушник же не смог вымолвить ни слова и только истово кивнул.

Тут брат Пон опять прервался, мне пришлось раздеться и одеться снова, и получилось у меня несколько быстрее: я перестал путаться в деталях одеяния и запомнил, как располагать пояс, чтобы он держал конструкцию.

– «Тогда я отвечу тебе, – сказал монах. – Дело было восемь жизней тому назад. Много воплощений я искупал тяжкую карму и только поднялся до человеческой участи. Родился в семье вора и сам стал вором, нищим, злобным, жадным и уродливым». Слушавшие это братья дружно вздохнули, ибо трудно было представить такое, – тут брат Пон покачал головой и поцокал языком, я же снова поерзал от нетерпения: чего он тянет? – «Очень любил я тогда поесть, и особенно – рисовые лепешки из тонкой муки, вот только доставались они мне редко. Однажды мне улыбнулась удача – я стащил такую лепешку. Удрал от стражников и спрятался в тени, в переулке, надеясь поскорее сожрать ее, набить утробу. Но тут я увидел голодного старика, просившего милостыню на углу, и что-то шевельнулось во мне, и вместо того, чтобы съесть лепешку самому, я взял и отдал ее». Монахи разразились одобрительными возгласами, а послушник растерянно нахмурился. «Только благодаря этому дару я в этой жизни получил крепкое здоровое тело и ясный ум, смог понять пустоту и тлен этого мира и ушел от него, – добавил просветленный монах. – Всего одна лепешка. Одна!»

Брат Пон замолчал, испытующе глядя на меня.

– Это все? – спросил я, понимая, что больше не нервничаю по поводу нелепой одежды и непривычной обуви.

– Нет, – отозвался он. – Монах сказал, что видит прошлое того, кто спросил его. Послушник обрадовался, полагая, что узнает великие тайны... Просветленный же прищурился и заявил: «Глаза твои косы потому, что даже три жизни назад ты отличался неумеренным любопытством и развлекался тем, что подглядывал в окна к соседям». Теперь все. – А мораль?»

– Она на поверхности, – брат Пон улыбнулся широко-широко. – Не бойся отдавать. Лепешка ли, привычная одежда...

Тут я покраснел.

– ...со всем нужно расставаться легко, если к тому есть внешнее или внутреннее побуждение, – закончил монах. – И кроме того, нам неведомы последствия свершений. Своих, чужих, чьих угодно. Вот нацепил ты антаравасаку и не знаешь, к чему это приведет, что благодаря твоему новому одеянию случится с тобой даже через неделю. Нечего говорить о годе или нескольких столетиях!

Я поскреб в затылке – тут он был прав.

– Ну что, осталась еще не обритая голова, – сказал брат Пон, и я понял, что испытания этого дня не закончились.

* * *

Словосочетание «сказки Пустоты» брат Пон больше не использовал, и только спустя годы, уже в России, я понял, что они образуют единое повествование, еще один слой учения, полученного мной от неправильного монаха. Если воспринимать их осознанно, они сами по себе способны вызывать благоприятные изменения в сознании у слушателя, а уж если сопровождать практикой, то эффект окажется сильнее и глубже.

Глава 1

Отверженное «я»

– Дровосек бы лучше справился с этим делом, – пробормотал я, вытирая пот со лба. Ворчал я на самом деле больше по привычке.

Да, я только что выкорчевал дерево в джунглях, на что ушел не один час, устал, как ездовая собака, заработал мозоли на ладонях и боль в мышцах. Солнце обожгло кожу на недавно обритой голове, а комары всласть попиروвали на открытых частях моего тела.

Но злости и раздражения – обычных спутников подобного состояния – я не испытывал, ощущал скорее чувство выполненного долга, как в детстве на даче родителей. Да, я не любил ковыряться на грядках, но уж если приезжал и брался за работу, то потом созерцал ее результат с удовольствием.

– А вот и нет, – отозвался брат Пон, чье лицо в лучах клонившегося к закату солнца казалось глиняной маской.

– Почему? – спросил я. – Он сильнее, привычен к подобной работе и все такое.

– Потому что то, чем ты занимался, не имеет никакого отношения к корчеванию, – монах заулыбался, откровенно наслаждаясь моим замешательством. – Бери лопату. Пойдем к храму, а по дороге я тебе кое-что расскажу. История эта случилась с благословенным Татхагатой задолго до того, как он стал Буддой Шакьямуни, но в те времена, когда он уже много тысяч лет шел по пути праведности и мудрости. Воплотился он в теле волчонка.

Я хмыкнул – конечно, «хорошую религию придумали индусы», как пел Высоцкий, но я все еще не верил в эти самые прошлые жизни в различных обликах. Брат Пон не обратил на мою скептическую физиономию внимания – еще в первый мой день в Тхам Пу он сказал: «Меня не интересует, во что ты веришь. Меня волнует, о чем ты думаешь и что делаешь».

– Был Татхагата одним из юных хищников в большом выводке, и жили они в пещере у корней могучего баньяна в густом лесу, – продолжил он как ни в чем не бывало. – Мать-волчица скоро перестала кормить детей молоком, и волк-отец начал приучать их к крови и охоте. Сначала он приносил им куски мяса, косуль, оленей, зайцев, потом стал таскать придуренных зверьков поменьше, чтобы отпрыски могли поиграть с ними, понять, что такое убийство, проникнуться его жестоким духом и стать настоящими волками, серыми тенями, ужасом джунглей.

Рассказывать брат Пон умел, из его уст занимательно прозвучала бы и инструкция по пользованию ершиком для унитаза.

– Но Татхагата, хоть и в зверином теле, хорошо знал святой закон праведности. Понимал, что нельзя поедать кровоточащую плоть живых существ и тем более лишать их жизни. Поэтому он отказывался от пищи и держался в стороне от жестоких игр, которым предавались на поляне перед логовом его братья и сестры. – А как... – не удержавшись, осмелился перебить я. – Как он вообще оказался волком?

Ну как так, Будда, великий святой и мудрец, воплощение сострадания и милости – в теле беспощадного хищника?

– Увы, все подвержены действию кармы, даже тот, кто идет по дороге к свободе, – монах развел руками. – Миллионы лет, из жизни в жизнь совершал разнообразные деяния тот, кто позже стал учителем нашей эпохи, и среди деяний тех были не только благие. Пришлось Татхагате принять и это рождение, дабы избавиться от семян неблагого, посеянных в глубоком прошлом, – тех самых семян, что мешали ему обрести окончательную мудрость.

Это я мог понять: если накосячил, то исправляй и только после этого претендуй на просветление и все остальное.

– Эту жизнь обычно не вспоминают, когда назидательно рассказывают о прошлых рождениях Будды, – продолжил брат Пон, – или немного изменяют ее, ставят на место волка не столь хищное и свирепое животное. Но как по мне – куда больший подвиг отказаться от мяса, находясь в окружении волков, чем отказаться от мух, будучи всего лишь жабой.

Волк, предающийся медитации, – только буддисты могли выдумать такую штуку...

Я кивнул.

– Утолял голод он плодами смоковницы, банана, зернами и всем, что мог найти. Понятно, что остальные волки смотрели на него с удивлением и презрением, а братья и сестры смеялись над ним и часто кусали, пользуясь тем, что от такой неподобающей пищи тело Татхагаты было слабым, лапы не могли носить его быстро, а мускулы не имели должной мощи. Размерами он уступал всем и ни разу не оскалился, не зарычал на тех, кто издевался над ним, кто причинял ему боль.

Из-за деревьев выглянула крыша святилища. Я поставил лопату в сарай, и мы уселись под навесом. Солнце укатилось за горизонт, и стало быстро, как всегда в тропиках, темнеть. На храм Тхам Пу, расположенный на берегу Меконга, упали скоротечные мерцающие сумерки.

– На очередной охоте волк-отец убил косулю, и его дети, кроме одного, наелись до отвала горячего мяса и сладко уснули в глубине берлоги. Татхагате же, самому слабому и никчемному, досталось место у входа, на холодном и неудобном камне, но он не роптал – он занимался созерцанием, не обращая внимания на слабость и боль во всем теле.

«Волк, предающийся медитации, – только буддисты могли выдумать такую штуку», – подумал я, но потом вспомнил икону, где святого изобразили молящимся рядом с медведем, и озадаченно нахмурился: почему-то эта картинка вызвала у меня беспокойство.

– И бдительность, которой должен отличаться тот, кто хочет стать свободным, позволила Татхагате услышать далекий шум. Он все усиливался и усиливался... – монах сделал паузу (наверняка заметил, что я отвлекся), – превратился в треск, потом в грохот и наконец в ужасный рев... Пожар, истребительный лесной пожар! «Вставайте же! – закричал тогда Татхагата. – Бегите! Иначе огонь пожрет вас!»

Металлический звон, донесшийся со стороны кухни, заставил меня вздрогнуть. Нам всего лишь подали знак, что готов ужин (неизбежный рис с овощами), но я очень глубоко погрузился в рассказ брата Пона, и на миг мне показалось, что это зазвучал настоящий сигнал пожарной тревоги.

Даже вроде бы потянуло дымом.

– Сначала мы закончим нашу историю, – сказал монах. – Так вот, лесной пожар... Ревет пламя, столбы черного как ночь дыма поднимаются к небесам, затмевая их, обезумевшие птицы мечутся в кронах, деревья-исполины, простоявшие века, рушатся, объятые алым пламенем... Душераздирающий стон тысяч живых существ, гибнущих в огне, разносился по чаще, поражая ужасом тех, кто еще был жив... Родители и братья Татхагаты проснулись и в страхе кинулись прочь из логова, по дороге затоптав его так, что он остался лежать весь в крови на своем камне, не в силах пошевелить даже лапой... Стремительные и мощные, помчались они прочь, надеясь спастись, но, увы, пожар был со всех сторон...

Я поежился – даже волку не пожелаешь оказаться в такой ситуации.

Мне доводилось видеть и тушить низовой пожар, когда в сухое лето занялись торфяники, и это «радостное» впечатление я не забуду до конца жизни.

– Завыли они в отчаянии и бросились обратно к берлоге, где Татхагата встал наконец на лапы, – продолжил брат Пон. – А огонь уже мчался к нему со страшной скоростью, пожирая кустарники и траву, превращая их в прах, оставляя после себя черное пепелище, заваленное угольями... Увидев это, в ужасе сжались волки и приготовились к неизбежному. Только Татха-

гата, собравшись с духом, заговорил: «Слабы ноги мои, и мне от тебя, безногого не убежать. Но и тебе, все пожирающее в трех мирах пламя, нет пищи здесь, поверь ты слову моему!»

Монах сделал паузу, и в темноте, что пришла на смену сумеркам, я мог видеть, что он пытливо изучает меня.

– Истинными были речения его, и огонь угас, сгинул, точно обрушился на лес водопад. Уцелел не только сам Татхагата, но и живые существа, благодаря карме ставшие тогда его родственниками.

– Те, кто его унижал, кусал и топтал? – уточнил я.

– Истинно так, – подтвердил брат Пон. – Те, кто помогал ему становиться лучше. Кстати, почему ты не спрашиваешь про мораль? – тут в голосе его мелькнуло ехидство.

– А мораль? – послушно осведомился я, стараясь не обращать внимания на ноющий от голода живот и ползущий от кухни соблазнительный запах. – Ты же вспоминал дровосека, который мог бы свалить то дерево куда быстрее? Наделенного большими мышцами, опытом и сноровкой?

– Ну да, – подтвердил я.

– Так вот никакие навыки и умения, могущество и прочие достоинства, обретенные в обычной жизни, не помогут тому, кто хочет добиться освобождения и идет к нему, – проговорил брат Пон раздельно. – Никакие. И еще – побеждает лишь тот, кто не бьется. Вставший над схваткой найдет победу, вступивший в бой неизбежно потерпит неудачу. Как тебе такая мораль?

Я нахмурился – вывод, сделанный монахом, мне не понравился.

Неужели все, чего я добился в жизни, чего достиг и чему научился почти за сорок лет, не значит ничего?

Но если начну спорить, то разговор может затянуться не на один час, а есть охота. Поэтому я ограничился лишь пожатием плечами и невнятным бурчанием, надеясь, что неправильный монах – так брата Пона называли тук-тукеры из городка Нонгхай, в окрестностях которого мы находились, – этим удовольствуется.

Но тот и не думал униматься.

– Наверняка именно этот случай из прошлого вспомнил уже Будда, когда произносил свою знаменитую третью проповедь у горы Гаяйсиса близ города Гайя, – провозгласил он. – Тогда сказал он: «Всё в огне, братья. Глаз горит, воспринимаемые им формы горят, сознание зрения горит, зрительный контакт горит. Любая эмоция, возникающая из контакта видимого и видящего, будь она приятной, неприятной или нейтральной, тоже пылает»...

Вставший над схваткой найдет победу, вступивший в бой неизбежно потерпит неудачу.

От этих слов жжение расплзлось по моему телу, от бритой макушки до ног в сандалиях.
– Ничего ты сейчас не понял, – совсем другим голосом заговорил брат Пон. – Ничего. Я повторяю эти слова еще не раз, и когда-нибудь они обретут для тебя смысл. Теперь же пойдем ужинать.

Я поспешно вскочил на ноги.

* * *

Увы, наестся как следует мне в этот раз не удалось – порции по неясной причине оказались совсем маленькими. То, что жаловаться в вате Тхам Пу бесполезно, я уже осознал и поэтому лишь тяжело вздохнул, после чего отправился мыть тарелку в специальном чане. В светлое время мы спускались для этой цели к реке, но по вечерам использовали воду из родника.

Закончив с посудой, я обнаружил брата Пона на прежнем месте, под навесом. Монах сделал повелительный жест, и мне ничего не оставалось, как отправиться прямо к нему и занять место напротив: назвался груздем – полезай в кузов, ну а если завербовался в послушники, то подчиняйся наставнику.

Некоторое время он рассматривал меня, а затем повторил ту фразу, которая в свое время стала началом нашего знакомства:

– Ты переполнен до опасной степени.

– С чего бы? Риса было по ложке, – не удержался я.

Но брат Пон не обратил на мою реплику внимания – как всегда, когда я говорил откровенную глупость.

– Много места в тебе занимает твое собственное я, надо его уменьшить, иначе ты лопнешь. То, что ты считаешь собой, то, что полагаешь своим, просто распирает тебя. Слабительное духа нужно тебе как воздух.

– Чтобы меня пронесло прямо здесь? – спросил я.

– Тихо! Слушай! – монах поднял руку, и я прикусил язык. – Обычный человек, не способный зреть истину, видит материальную форму и думает так: «Это мое, это я». Затем он ощущает нечто радостное или печальное и тоже думает «это мое, это я». Приходят ему в голову мысли, и на их счет он снова убежден – «это мое, и это тоже я», совершает поступки и их оценивает точно так же, возглашая про себя «и это мое, и это ведь тоже я». Осознает все это и к осознанию прилагает печать, на которой вырезано «это мое, это я». Все увиденное, услышанное, узнанное, пережитое, найденное – для него всего лишь «я». Подумай над этим несколько минут, а потом можешь задавать вопросы.

Брат Пон замер, словно вообще перестал дышать, а я попытался напрячь мозги. Только вот после тяжелого дня на жаре ничего особенного у меня не получилось, мысли шевелиться отказались.

– А что, не нужно ничего узнавать, переживать, думать или чувствовать? – осведомился я, поняв, что на оригинальные вопросы я сегодня уже не способен.

– Почему? – брови монаха поднялись. – Не нужно считать все это собой, своим, «я». Человек же другого типа полагает: «Внутри этой формы, внутри того, что я думаю, ощущаю, осознаю и делаю, кроется мое настоящее „я“, и оно сохранится после смерти. Вечное, неизменное, то, что не подвержено влиянию этого грязного обыденного мира...»

Много места занимает твое собственное я, надо его уменьшить, иначе лопнешь.

– И кто же прав? – спросил я, поскольку решил, что раз уж мне позволили спрашивать, то надо этим пользоваться.

– Никто, – сказал брат Пон. – И то и другое мнение не имеет никакой ценности.

– Но почему?

– Все эти мнения покоятся на единой основе, на одной и той же ложной вере в «я». Не имеет значения, с чем именно оно отождествляется, с телом или мыслями, с высоким положением и богатством или с полупрозрачной душой, прячущейся где-то между кишочек.

– Но чем душа-то плоха? Может быть, она и вправду есть? – поинтересовался я.

Не то чтобы я на самом деле верил в нечто подобное, но привык думать, что нечто от меня останется и после смерти, некая сущность, которая будет помнить и ценить все, происходившее со мной.

– Тот, кто верит в душу, почему-то считает, что она принадлежит ему, тому Джону Смиуту, который именно сейчас ходит по земле, ест гамбургеры и пьет кока-колу. Он убежден, что душа будет точно такой же, как он, ну разве что без большого зуба, прыщей и поноса, – брат Пон хмыкнул. – То есть для него душа началась в момент рождения тела. Иными словами, прошлое конечно, зато будущее – бесконечно. Получается так? Подумай.

Думать не хотелось, хотелось уйти к себе, немного полежать, и я по привычке бросил взгляд на запястье, где должны быть стрелки часов, которые видно и в темноте. Только сделав это, я осознал, что и часы, и сотовый, и почти все личные вещи у меня отобрали.

Судя по смешку, монах заметил мою попытку узнать время.

По лицу прокатилась горячая волна, я понял, что краснею. Неудобная одежда, скудная пища, идиотские разговоры, глупые изнурительные задания – для чего я вообще сюда явился, что я тут делаю?

– Ты ищешь свободы, – сказал брат Пон. – И нет, я не читаю твои мысли, не бойся. Просто ход их очевиден для того, кто и сам проходил этим путем и провел по нему не одного ученика.

Я угрюмо промолчал.

Да, в Тхам Пу я приехал не из прихоти: жизнь моя, недавно такая приятная, упорядоченная и стабильная, превратилась в настоящий ад, развалилось все, от личных дел до отношений с родней, здоровья и бизнеса. И тогда я вспомнил о странном монахе, с которым столкнулся во время виза-рана в Нонгхае, бросил все, отправился сюда.

Вот только ждал чего-то совсем иного.

– Прошлое конечно, будущее бесконечно – так думает обычный человек, – проговорил брат Пон тихо, почти ласково. – Для того же, кто стремится к освобождению, все обстоит наоборот: прошлое бесконечно, а будущее имеет четкую границу.

– Бесконечно – это прошлые жизни, которые якобы были? – я не пытался скрыть раздражение.

– Не обязательно. Даже нынешняя твоя жизнь, которая определенно имеет место... – он хихикнул, – предлагает неисчерпаемое богатство опыта, колоссальный его объем. Любой день, даже самый скучный, если разобрать его по мгновениям, богат открытиями, радостями, впечатлениями. Просто ты разучился ценить эти радости и открытия. Вспомни, вспомни, как все было иначе в детстве!

В голосе монаха прозвучал приказ, и я словно провалился в прошлое.

Туристическая база в лесу, куда меня привезли родители, работавшие на оборонном предприятии: невыносимо сильный запах хвои, шишки-солдатики, из которых мы с другом Пашкой строили македонскую «черепашу» и рыцарский клин, огромный кузнечик в траве, искрящееся в воде солнце, горячий песок на пляже, вкус жареных со сметаной грибов... один

день, всего один день! А если разобрать на такие частички хотя бы несколько месяцев, то просто утонешь во впечатлениях!

– Да, – прохрипел я, облизав пересохшие губы. – А будущее?

– Будущее ограничено нирваной. Там, где есть нирвана, время не существует. Остается только пространство.

Это я не совсем понял, но решил не уточнять, поскольку несколько лет назад прочел книгу о теории относительности и помнил, что там, где речь идет о времени и пространстве, ум за разум может зайти и безо всякой нирваны.

– И на твоей дороге к свободе стоит твое собственное, раздутое «я», – заговорил брат Пон после небольшой паузы, дав мне немного прийти в себя, вернуться из прошлого. – Ты веришь, что оно существует, но на самом деле это не так.

– И если «я» не существует, то что существует?

– Сознание, – сказал монах.

– Но к чему оно крепится? – спросил я. – Разве не к «я»? Разве оно не мое?

Брат Пон рассмеялся и ударил себя ладонями по коленям.

– Не ломай голову, об этом нам с тобой еще рано говорить, – заявил он. – Бесплезно. Ты не поймешь.

Я почувствовал себя уязвленным, но постарался этого не показать.

– Всему свое время, – продолжил монах. – Как сказал Будда, отвечая на вопрос одного брахмана... «Можно говорить о поэтапном обучении и поэтапной практике в том, что касается моего учения и моей дисциплины. Как умелый объездчик лошадей, выбрав породистого коня, начинает дело с того, что приучает его к удилам, а затем приступает к другим тренировкам, – так же и я, выбрав поддающегося обучению индивида, начинаю его обучение с первых шагов, относящихся к добродетельному поведению». Именно поэтому ты здесь... – он повел рукой, указывая на прячущийся во тьме Тхам Пу, маленький, запущенный ват, в котором было всего три монаха. – Где нет искушений. «Когда освоено добропорядочное поведение, приходит время обуздания и самонаблюдения, бдительности и мудрости, за ними – период овладения чувствами, мыслями и всем прочим, устранения омрачений; поиск истинного бесстрастия. Исключительно таково мое наставление для тех, кто готов слушать, но не достиг совершенства».

Прозвучало это достаточно занудно и неинтересно, и я загрустил.

– А может быть, вы помолитесь или еще что-нибудь сделаете, чтобы все у меня наладилось? – предложил я. – Чтобы сознание мое стало чистое, а жизнь хорошая, ну вот как раньше, только еще лучше и без этих гнусных проблем. Почему так нельзя?

Брат Пон захохотал от души, громко, и ему из темноты ответило неожиданно гулкое эхо.

Чистота и скверна едины в одном. Одному другого не очистить.

– Нет, – сказал он, успокоившись. – Сам человек совершает зло и очерняет себя. Отвращает зло от себя он тоже сам и сам себя очищает. Чистота и скверна едины в одном. Одному другого не очистить.

Это явно была цитата из ужасно мудрого и древнего текста, но мне в тот момент она показалась до ужаса банальной.

– Всему свое время, – сказал брат Пон. – Сейчас же для тебя настало время отдыха. Пользуйся.

*** На следующий день монах разбудил меня ни свет ни заря, постучав в стену крохотной хибары, ставшей для меня жилищем. Я вздрогнул и вывалился из удивительно живого сна, где я гонялся за самим собой по извивающимся, будто живым коридорам, натываясь на вещи из разных мест и времен, от детства до переезда в Таиланд.

– Доброе утро, – сказал брат Пон, должно быть услышав, как я завозился. – Как спалось?

– Хорошо, – соврал я, ответив на приветствие.

– Тогда выходи, займемся делом, пока ты свеж и бодр.

Я не чувствовал себя ни свежим, ни бодрым и напоминал скорее дремотный набор находящегося в ступоре рассудка, слипающихся глаз, вялости во всем теле, ноющих мозолей и саднящей обгорелой макушки.

Но деваться было некуда, поэтому я облачился в антаравасаку, сделал утренние дела и вскоре сидел под тем же навесом, что и вчера, борясь с разрывающей пасть зевотой. Над джунглями висел предутренний туман, солнце ворочалось под его пеленой, но вылезать не спешило, и я ему явно завидовал.

– Вернемся к тому, на чем закончили вчера, – жизнерадостно объявил брат Пон. – К твоему «я», от которого тебе необходимо избавиться, если ты хочешь добиться освобождения.

– Но вы вроде говорили, что этого «я» не существует, – пробормотал я.

– Сложнее всего устранить то, чего не существует! – уверенно заявил монах. – Нельзя взорвать, нельзя закопать, нельзя в море утопить, и при этом оно всегда с тобой, висит на тебе и мешает, как отягченная гирями цепь.

Образ оказался живым, я почти ощутил на плечах холодную тяжесть металла и даже зевать перестал.

– Процесс это не быстрый, за один день все не сделать, – продолжил брат Пон. – Создавал ты эту штуку много лет, вкладывал время, силы, энергию, кропотливо трудился, так что обратный процесс потребует чего-то похожего. Начнем с разрушения опор. Абсолютных истин, на которые опирается твое эго, уверенное в собственном существовании. Вот, например, смотри... – он повел рукой, аккуратно огладил росток, протиснувшийся в щель между досками настила. – Это создание очень мягкое и слабое. Оторвать можно одним движением. Так?

– Ну да, – подтвердил я.

– Так сделай это.

Я протянул руку и дернул, стебель отломился с негромким хрустом, брызнул сок.

– Братьям меньше работы по борьбе с растениями, – брат Пон улыбнулся. – Слабое? Мягкое?

Я кивнул.

– Но оно способно прорасти сквозь асфальт, раскрошить и разрушить бетон, – сообщил монах. – Способен ли на это ты, могучий и сильный, сорвавший ее миг назад? Способен?

– Нет, – я все еще не понимал, к чему клонит брат Пон.

– Так сильный или слабый этот росток? – поинтересовался он.

Я почесал макушку и отдернул руку, поскольку скребанул ногтем солнечный ожог.

– В одном отношении она сильная, а в другом слабая... – начал я.

Я вновь кивнул, чувствуя себя автомобильным котом-игрушкой...

– Вот! В отношении! – провозгласил монах с таким видом, словно мы с ним только что доказали теорему Ферма. – Качества, которые мы приписываем этому объекту, являются относительными. И не только этому объекту, но любому, без исключений. Понимаешь?

Я вновь кивнул, чувствуя себя автомобильным котом-игрушкой, который мотает башкой в такт дорожным ухабам.

– Но почему тогда мы ведем себя так, словно все качества являются абсолютными? – поинтересовался брат Пон, и из леса за моей спиной донесся протяжный крик птицы. – Очисти сознание, успокой его, не придумывай лишнего. Постарайся увидеть свое отношение к тому, что ты держишь в руках... Какой он? Сильный, слабый? Все вместе?

Я закрыл глаза, постарался забыть обо всем: о недосыпе, о вчерашнем дне, о сидящем напротив монахе, о том, где я нахожусь, и что в Паттайе меня уже наверняка ищут (хотя я

сказал, что уезжаю на неделю, но ведь не предупредил, что не буду отвечать на звонки и СМС)

...

Стоп!

Я почти разозлился на себя за невозможность сосредоточиться, и в следующий момент у меня получилось: на кратчайший отрезок времени, две-три секунды, не осталось ничего, кроме зажатого в руке мягкого стебля и меня, этот стебель держащего и о нем думающего.

– Слабый, – сказал я с некоторым удивлением.

– Совершенно верно, – подтвердил брат Пон. – Оставь его. Вот другой предмет.

В руке у него оказался камень, серый, неровный, с кулак размером.

– Велик ли он? – спросил монах.

– Нет конечно.

– А если сравнить с этим? – и брат Пон посадил на камень черного муравья: тот поводил усиками, но убежать не стремился.

– То велик, – признал я.

– Прочен ли?

– Прочен, – вновь согласился я.

Брат Пон аккуратно снял муравья, уложил камень перед собой, а в руке у него оказались щепка и банка с водой.

– Куда прочнее, чем этот кусок древесины и тем более жидкость, – проговорил он. – Однако... – щепка вошла в щель на боку камня, булькнула полившаяся на нее вода, – несколько раз повторить процедуру, и камень разлетится на куски.

– Ну да, все опять относительно, – сказал я.

– Верно, – монах улыбнулся. – Но мы ведем себя так, словно объекты вокруг нас наделены некими абсолютными качествами, долговечностью или мимолетностью, красотой или уродством, крепостью или слабостью, размером или его отсутствием. Так? Вспомни. Я уже не говорю о таких совершенно субъективных определениях, как «вкусный» или «полезный», а ведь обычный человек считает абсолютными и их. Вспомни.

Я задумался.

Ну да, брат всегда удивлялся, когда меня не впечатляло его любимое мороженое, я же поражался, как ему могут нравиться такие неинтересные девушки – ни уму ни сердцу. Огромный и тяжелый внедорожник, само впечатление надежности – не больше спичечного коробка, если окажется на пути не успевшего затормозить трамвая, а тот ничтожен по сравнению с локомотивом; нефтяной танкер, чудовищная громадина, покажется крошечным рядом с каким-нибудь небоскребом Нью-Йорка или Эмиратов.

Голова у меня закружилась.

– Вот, хорошо, вижу, что осознал, – брат Пон удовлетворенно потер ладони. – Осознание это неприятное, поскольку абсолютные качества, которыми мы наделяем все вокруг, дают нам ощущение безопасности, именно из них состоит кольчуга, созданная твоим «я», чтобы ему не дай бог не пострадать, столкнувшись с реальностью. Тяжелая?

И вновь я ощутил холод металла на плечах, и на этот раз ощущение было неприятным, давящим. – Есть маленько, – признал я.

– Мы эту кольчугу расплетем, – сообщил монах. – Вернее, ты сам ее расплетишь. Начинай.

И он протянул мне еще одну банку, меньше предыдущей, на две трети наполненную водой, из которой торчал синий аккуратный цветок, слегка похожий на ромашку.

– Это зачем? – спросил я настороженно.

– Не бойся, не укусит, – брат Пон рассмеялся. – Красивый, правда?

– Очень, – признал я.

Аккуратные, будто вырезанные, лепестки; в голубизне каждого видны темно-синие, словно волокна из сердцевины грозовой тучи, прожилки; по краям еле заметная бахрома. В центре же, там, где у ромашки желтое и мохнатое, здесь было нечто фиолетовое и, казалось, фасетчатое, с виду напоминавшее глаз насекомого.

– Я знал, что тебе понравится, – монах вручил мне банку. – Теперь созерцай это. Смотри на него до тех пор, пока красота для тебя не превратится в уродство, пока облик, радующий твой взор, не начнет вызывать неприязнь, отвращение и прочие гадостные чувства.

– Но как? – спросил я.

– Поставь его так, чтобы было удобно смотреть, – посоветовал брат Пон. – Сосредоточься, разглядывай внимательно, переводя взгляд с лепестка на лепесток, с одного элемента на другой, и в процессе не отвлекайся, не позволяй лишним мыслям увести тебя в сторону...

Я поместил банку перед собой и уставился на цветок как на врага.

– Нет, так не годится, – тут же вмешался брат Пон. – Он же красивый, так? Необходимо осознавать эту красоту – это отправная точка для практики.

Я сделал лицо попроще и начал изучать цветок, водя глазами туда-сюда: этот лепесток чуть меньше, чем тот, и темно-синие прожилки на нем расположены теснее, другой с одной стороны лишен бахромы, и ведь сережки такого цвета носила моя подруга, как ее...

– Не отвлекаться! – возглас брата Пона заставил меня вздрогнуть.

Снова: лепесток, другой, третий, заново... лети-лети, лепесток, через запад на восток, через север, через юг...

– Не отвлекаться! – повторил монах сурово.

Третий раз.

Я поместил банку перед собой и уставился на цветок как на врага.

С четвертого у меня получилось более-менее, я смог глядеть на цветок, не задремывая, не позволяя мыслям захватить меня и не забывая о его красоте. Только вот красота эта стала еще осязаемее, я не просто осознавал ее, я чувствовал ее физически, как приятное теплое давление на лицо, на глаза, на мозг, на все тело!

Это было очень странно, поскольку я осознал, что именно так и воспринимал красивые вещи всю жизнь, не разумом, а словно всем существом.

– Отлично, – отметил мой прогресс брат Пон. – Теперь отталкивайся от нее... Отталкивайся... Вопрос «как» не имеет смысла, поскольку подсказать тебе я не смогу. Никто не сможет... у каждого из нас свой способ преодолеть эту границу, их много, они разные...

Как найти уродливое в столь гармоничном, изящном объекте?

Разве что в самом центре, где поблескивает нечто, похожее на глаз насекомого. Хотя нет, это скорее драгоценный камень, пусть затянутый патиной, но все равно очень красивый.

Я уставился на него так, что заболели зрачки, и тут произошло нечто странное: фасетки словно отделились друг от друга, я увидел их как набор отдельных кусочков, осколков, лежащих на черной поверхности, лишенных какой-либо привлекательности. Случилось это так неожиданно, что я вздрогнул, и все стало как обычно.

– Снова, – проговорил брат Пон. – Ты был на верном пути.

Теперь я понимал... хотя нет, не понимал, просто неким образом знал, чего именно хочу добиться, и действовал с куда большей уверенностью: сосредоточение, взгляд по лепесткам, потом в центр, чтобы воспринимать цветок целиком, периферическим зрением, а затем сделать так, чтобы он превратился из единого объекта в набор деталей, ничем не связанных помимо того, что волею случая они оказались рядом.

И ведь красивым мне кажется цветок сам по себе, а не комплект его кусочков!

В какой-то момент я перестал понимать, на что именно смотрю, сознание то ли помутилось, то ли отключилось совсем, но объект перед моими глазами не вызывал каких-либо эстетических чувств.

– Двигайся дальше, дальше, – я понимал, что слышу тихий голос брата Пона, но его слова не вызывали ни мыслей, ни эмоций, вообще ничего. – Только не напрягайся... Дальше, дальше...

Распад продолжился, теперь я воспринимал сетку из темно-синих волокон и голубую плоть цветков отдельно друг от друга – первая словно лежала на обрывках шелковистой ткани. Картина показалась мне странной и неприятной, поскольку ничего подобного я никогда в жизни не видел и словно оказался на другой планете, где течет совершенно чуждая людям жизнь.

А потом я моргнул в очередной раз и понял, что смотрю на цветок, стоящий в банке с водой, а солнце разогнало туман и понатыкало между деревьями длинных желтых столбов.

– Ощутил? – спросил брат Пон.

– Да... – сказал я потрясенно. – Это было... это было... оно... ну...

– Но сейчас цветок снова красивый? – прервал монах серию моих бессвязных восклицаний.

Я пригляделся.

Да, красота никуда не делась, не пожухла и не растворилась, но теперь я видел в ней определенный налет искусственности, вычурности, и это вызывало мысли о подделке и непонятное, хотя и слабое раздражение.

– Красивый, – буркнул я, понимая, что мне не хватает слов, чтобы выразить мысли, – только иначе...

– Так и должно быть, – брат Пон хлопнул в ладоши. – Значит, ты добился цели. Только не преисполняйся гордости – это всего лишь первый шаг, а их предстоит сделать тысячи. К созерцанию цветка ты вернешься завтра на рассвете, а сейчас поднимайся и отправляйся за водой.

Я поскреб в затылке и с унынием подумал, что завтрака сегодня мне не предложат. И это после жалкого подobia ужина, доставшегося мне вчера?

* * *

К разговору об абсолютных качествах мы вернулись в разгар дня, когда я меньше всего этого ожидал.

Святылище Тхам Пу не поразило роскошью, как некоторые храмы Бангкока, и статуя Будды не могла похвастаться золочением – простое изваяние, грубо высеченное из камня. Но зато внутри прохлада властвовала даже в самый зной, поэтому мы сидели там, а не снаружи.

– Продолжим, – сказал брат Пон, и я непонимающе посмотрел на него.

– Ты думал, это все? – монах усмехнулся. – Когда красивое становится уродливым? А наоборот?

Я вздохнул.

Теперь я видел в красоте налет искусственности, и это вызывало мысли о подделке.

Вторая банка, предъявленная мне братом Поном, мало отличалась от первой, вот только в ней не было воды, а на дне свернулась в кольцо самая отвратительная многоножка, которую я когда-либо видел. Покрытое щетинками тело, судорожно дергающиеся конечности, такие жвала, что Чужой из старого фильма позавидует.

– Ядовитая? – спросил я.

– Наверняка. Хочешь проверить? – и брат Пон наклонил банку так, будто собирался вывалить многоножку мне на колени.

Я отпрянул и едва не свалился на спину – так что пришлось опереться на руку.

– Не бойся, – сказал монах с проказливой улыбкой. – Ты мне нужен живым. Конечно, твое «я» я постараюсь убить, но яд тут не поможет... Что делать понимаешь?

Я мрачно кивнул.

– Разглядывать это... эту живность, пока она не покажется мне воплощением красоты.

– Верно! Приступай.

Я осторожно принял банку, и многоножка внутри зашевелилась, подняла голову.

Как может подобное существо вызвать что-то, кроме омерзения и неприязни? Чтобы любоваться ей, нужно быть полностью свихнувшимся маньяком, который ест на завтрак человеческую печень и коллекционирует глазные яблоки приглянувшихся дамочек.

Но отступить мне было некуда, и я принялся за дело.

Сосредоточиться, заполнить сознание образом длинного тела, многочисленных ног, узора на спине, где бурые пятна чередуются с лимонно-желтыми и бледно-зелеными: идеальная маскировка в опавшей листве джунглей. Забыть о том, где ты и кто ты, помнить только о том, что перед тобой, какие чувства оно у тебя вызывает.

И не отвлекаться, не отвлекаться!

На этот раз мне пришлось труднее, чем утром: первую фазу я преодолел быстрее, а потом застрял – многоножка так и оставалась собой, никак не желала распадаться на «запчасти».

– Негативные чувства обычно сильнее позитивных, – заметил брат Пон, наблюдавший за моими потугами. – Не напрягайся, работай, и эффект придет – обязательно, поверь мне.

Я хмыкнул и продолжил упражнение.

Не знаю, сколько времени прошло – даже будь у меня часы, я не имел возможности на них взглянуть, – но в один момент существо в банке превратилось в червяка и две полоски бахромы, лежащих рядом с ним. Я вытаращил глаза, боясь даже моргать, чтобы эффект не исчез, но через несколько секунд не удержался, и все стало как обычно.

– Еще раз, – брат Пон был неумолим. – До тех пор, пока не получится. Сегодня. Первый раз самый важный, дальше будешь практиковаться сам.

Я снова прошел все те же стадии, не обращая внимания, что ноет спина и болят ноги, затекшие от непривычной позиции – не поза лотоса, конечно, но ведь и не на стуле. Многоножка распалась на фрагменты, и я понял, что разглядываю нечто вроде свернутой из нескольких цветастых платков трубочки, увешанной блестками и висюльками.

Красивой она не выглядела, но и уродливой тоже не казалась.

Трубочка превратилась в браслет из непонятного материала, и даже когда он задвигался, расстегнулся и застегнулся, картинка не исчезла. Я хоть и вспомнил, что передо мной, но опасную ядовитую тварь, неприятного обитателя джунглей не увидел. Некоторое время я просидел, вытаращив глаза, а затем брат Пон мягко похлопал меня по плечу.

– Достаточно, – сказал он. – Это красивое существо поступает в твое распоряжение. Будешь разглядывать его в полдень.

– Э... – держать многоножку, пусть и в банке, у себя в хибаре мне совсем не хотелось. – Может, не надо? Я вроде добился успеха, все у меня получилось как нужно.

– Надо-надо, – монах погрозил мне пальцем. – Один раз не значит вообще ничего. Красивая картинка, игры разума, все это так легко забывается... и вспомни о нашей цели. Зачем мы все это делаем?

– Зачем? – я, честно говоря, несколько увлекся процессом.

– Мы пытаемся уничтожить, разрушить твое «я», – мягко напомнил брат Пон. – Главную иллюзию, которая мешает тебе, приносит бесконечное страдание и повинна в том, что ты переполнился до опасной степени и едва не погиб.

– Ну так уж и «погиб»... – проворчал я.

– На данный момент для всего мира ты – считаешь, что мертв, – прозвучало это достаточно сурово. – И вообще, тот, кто погружен в круговорот смертей и рождений, не знает вкуса истинной жизни. Стрдание от боли телесной, страдание от того, что все изменчиво и непостоянно, страдание от невозможности избежать самого страдания – такова награда тому, кто цепляется за личность, за то, что он есть, чего достиг и чем владеет!

После этих слов на меня накатила печаль. Я начал вспоминать, чего на самом деле добился, – сам сделал себя человеком; выучился без помощи родителей; построил бизнес без богатого дяди; выжил в девяностые, когда сыграть в ящик было так же легко, как и сорвать куш; сумел перебраться в Таиланд, под пальмы; добился не одной красивой женщины; прочел много умных книг...

И что, от всего этого придется отказаться, выкинуть как балласт с падающего воздушного шара?

Кем я тогда стану? Идиотом с очищенным сознанием, фанатичным сектантом? Какая такая свобода, о которой говорит этот монах, существует ли она или это рассказы для легковерного придурка из фарангов?

– А кто сказал, что будет легко? – напомнил о себе брат Пон.

Да уж, мои мысли явно написаны на лице, да еще и заглавными буквами.

ЗАМЕЧАНИЯ ПО ПРАКТИКЕ

Для работы с абсолютными качествами совершенно не обязательно использовать цветок и многоножку, можно взять то, что есть у вас под рукой: один предмет, который кажется вам очень красивым, и другой, вызывающий лишь негативные чувства. Главное, чтобы они всегда имелись в наличии и были удобного для практики размера, – большую статую или мусорный бак в карман не положишь и на стол не поставишь.

Созерцание лучше начать с установления внимания – добиться того, чтобы вы могли смотреть на выбранный предмет не менее пяти минут, не отрываясь и не отвлекаясь. Только после этого имеет смысл переходить к описанной выше практике, при этом лучше разносить по времени работу с «красивым» и «отвратительным» предметами. Например, первый созерцать утром, а на второй тратить некоторое количество времени вечером.

Можно использовать тот метод, к которому прибегал я, но он вовсе не универсален и годится не для всех типов людей. Возможно, вам придется поэкспериментировать, выработать особый способ: не раскладывать предмет на составляющие, а менять перспективу, способ видения, масштаб восприятия, выискивать изъяны (в красивом предмете) или красивые элементы (в отвратительном), что-то еще. Универсальных правил всего два – не торопиться, не форсировать и не симулировать успехи (пользы это не принесет, а навредить может); и не сдаваться, не отступать, если ничего не получается, и практиковать регулярно, без перерывов.

Критерий успеха прост – то, что казалось красивым, начинает выглядеть уродливым, а то, что представлялось уродливым, начинает приносить эстетическое удовольствие, и переключение между состояниями осуществляется легко, без усилия. Чтобы этого добиться, мне понадобилось около двух недель, но без наставника практика может потребовать больше времени.

Упражнение это сравнительно простое и очень полезное, после него куда легче выполнять более сложные техники. Сознание делается гибким, живым, уходят наиболее грубые шаблоны восприятия, появляется свежий взгляд, давно-давно замыленный скучной повседневностью.

Глава 2

Тело как Пустота

Бревно под моими ногами сказало «крак», и я полетел вниз, в густую зелень оврага. Колючие ветви радостно приняли меня в объятия, затрещала ткань, боль вспыхнула в дюжине мест, а правую руку обожгло, словно я схватился за крапиву.

Вроде бы в Таиланде она не растет, но наверняка тут есть ее жгучие сородичи.

От слов, что приходят в голову любому нормальному человеку в такой момент, я сумел удержаться. Но это стало единственной победой – злость хлестнула изнутри с такой силой, что я на миг забыл о царапинах и о том, что разорванное одеяние придется теперь зашивать самому.

Не улучшил мне настроения и брат Пон, заявивший, что и мост над оврагом будет чинить тот, кто его сломал, то есть я.

– Что за день? – пробурчал я, когда мы зашагали дальше. – Отвратительный.

– Ты думаешь, он стал бы лучше, явись к тебе, например, кто-нибудь из богов? – поинтересовался неправильный монах, глянув на меня искоса. – Пусть хоть сам Индра.

Это имя я помнил, его обладатель заведовал громами и молниями.

– Если не в гневном состоянии, то уж точно лучше!

– Уверен?

Если бы кто-то другой пристал ко мне с вопросами в такой момент, то я бы точно вспылал, но на брата Пона разозлиться по-настоящему я не мог, хотя и не очень понимал, что мешает. Поэтому я прикусил язык, с которого рвалось замечание о том, что я, в общем-то, не сильно туп, и просто кивнул.

– Отлично, – сказал монах. – Тогда вот тебе еще одна история из жизни того, кто стал позже Буддой Шакьямуни. В тот раз он воплотился в древнем брахманском роду, украшенном всеми достоинствами – богатством, набожностью, щедростью и мудростью. Достигнув зрелости, он только увеличил славу предков, обязанности свои исполнял добросовестно, никогда не отказывал в помощи, и страждущие шли к нему за самыми разными ритуалами; ну а ученостью он превосходил всех, кто только жил тогда в мире.

Я хмыкнул.

Про брахманов я знал благодаря той же книжке, из которой добыл сведения про Индру. Описывались они там как высокомерные и властолюбивые типы, охочие до коров, золотишка и любившие подчеркивать собственную крутизну и избранность.

Боль вспыхнула в дюжине мест, правую руку обожгло, словно я схватился за крапиву.

Короче говоря, типичные злодейские жрецы.

– Но в один момент, – продолжал брат Пон, – осознал Татхагата, что жизнь в миру притягивает грехи, что в окружении людей, одержимых алчностью, ненавистью, сластолюбием и прочими неблагими стремлениями, трудно идти по дороге к свободе. Мирские дела отвлекают от духовных практик, порождают беспокойство, вынуждают заниматься приобретением имущества и его сохранением и вызывают сильное изнурение. Решил он тогда отречься от всего этого и, невзирая на плач и сетования родных и друзей, отбросил одежды брахмана, как сухую траву, отказался от учеников, славы и богатства и ушел в лес, где сплел себе одежду из настоящей травы и предался строгому аскетизму.

Я попытался вообразить одежду из травы, и мне представилось нечто вроде юбки из циновки и такой же накидки, но уточнять я не стал – понимал, что вряд ли монах прервется ради беседы о шмотье древних подвижников.

– Там, в лесу, похудевший от духовных подвигов, пребывал он в спокойствии, – заявил брат Пон как раз в тот момент, когда тропка вывела нас на проселок и начал попадаться мусор, говорящий о том, что тут и вправду живут тайцы.

Увы, жители Юго-Восточной Азии не очень понимают, для чего нужны урны.

– Даже птицы и звери приходили к нему, несмотря на отсутствие сильного разума. Они надеялись, что свет мудрости Татхагаты и мощь его подвигов помогут им обрести следующее рождение в ином, благоприятном облике. Но помимо зверей, шли к отшельнику и люди, поскольку слава его гремела еще больше, чем в те времена, когда был он почтенным брахманом, знатоком Вед и обладателем священного шнура на плече. Каждого гостя он встречал чем мог, отдавал лучшее из собственной пищи – обычно плоды и корни – и оказывал такую помощь, какую в состоянии оказать нищий аскет. Одни уходили от него с дельным советом, другие – с надеждой в сердце, третьи – без слез в глазах. Но посетителей было слишком много, и Татхагата понял, что они мешают ему.

– Еще бы! – не выдержав, перебил я, поскольку живо представил, каково это.

Спрятался ты в диком лесу, надеясь на одиночество, а к тебе валят людишки, один другого тупее, с банальными проблемами – «вылечи мою корову, почтенный», «скажи, дорогой мудрец, почему он меня не любит?» и «выгодной ли будет для меня эта сделка?»

От такого и святой взбесится!

– И тогда он перебрался в совсем дикие места, на необитаемый остров посреди бурного моря. Корабли туда заходили очень редко, и Татхагата наслаждался тишиной и стремительно осваивал Дхарму. Но слава о его подвигах к этому времени достигла всех миров, и заинтересовались ими даже боги, начиная с их повелителя, могучего Индры. Однажды он явился на остров и решил испытать отшельника – взял и заставил исчезнуть все плоды и корни, которыми питался аскет. Но тот не испытал ни гнева, ни раздражения, он начал собирать листья и жевать их, словно изысканное кушанье. Царственный небожитель изумился и обрушил на остров знойный ветер, иссушивший все листья. Но и это ничего не изменило, тот, кто еще не стал Буддой, точно так же питался опавшей листвой, как и свежей, не выказывая признаков раздражения.

Я открыл рот, планируя сказать, что питаться травой и зеленью человек не может, так как они не перевариваются, но тут же его захлопнул, поскольку решил, что у всяких там аскетов все может быть иначе, и вообще это сказка, так что пусть ее герой ест что угодно, хоть кору и солому.

Я попытался вообразить одежду из травы, и мне представилось нечто вроде юбки из циновки.

– Тут Индра испытал восторг и восхищение, – брат Пон рассказывал все так же монотонно и напевно, но я был уверен, что он замечает все, что со мной происходит. – Решив, что должен поговорить с этим человеком, он принял обличье брахмана и явился к Татхагате. Тот обрадовался так, словно увидел давно потерянного родственника или друга, и пригласил разделить трапезу, отдал всю ключевую воду и из листьев выбрал для гостя самые лучшие. Восхищение Индры возросло, но рядом с ним возникла опаска. «Наверняка этот аскет хочет с помощью духовных подвигов достичь высочайшего положения, власти над богами, то есть моего трона!» – решил он и принял свой блистающий истинный облик. Корона его сверкала подобно тысяче алмазов, божественные доспехи полыхали, белизна лица была нестерпимой для взгляда человека.

Тут нам пришлось прерваться, поскольку по дороге промчался юный таец на мотобайке. Точнее – сначала он пронесся мимо, потом затормозил и через мгновение уже кланялся брату Пону.

Второй поклон, пусть не такой уверенный, достался и мне.

– Ну что, вернемся к Индре, – сказал монах, когда юноша нас оставил и мы пошли дальше. – Могучий бог привык, что при его появлении в истинном облике всякое живое существо, от могучего асура до ничтожного прета, падает ниц. Но отшельник повел себя иначе. Конечно, он поприветствовал царя небожителей, но после этого... он закрыл глаза и предался медитации, как будто его убогая хижина была пуста! «Ты сошел с ума? – пророкотал Индра. – Неужели ты не видишь, кто именно стоит перед тобой? Очнись!» Аскет же не обратил внимания на мощный глас, от звуков которого вздрагивали отважнейшие воины! Точно так же не обратил внимания, когда бог взмахнул ваджрой, ударил гром, и молния заставила вспыхнуть хрупкое жилище! Но огонь мигом погас!

– Как тогда, перед волчонком? – я вспомнил прошлую историю.

– Именно так, – брат Пон кивнул. – Обычный огонь не в силах причинить вред тому, кто истребил в себе пламя ненависти, изничтожил пламя алчности, убил пламя невежества, три полыхания, которые жгут и терзают живых существ во всех шести мирах.

И вновь я не мог понять, иносказательно он говорит или на самом деле верит, что если бросить Будду в костер, то огонь погаснет. Хотя ведь ходят же отдельные умельцы по углям, не получая ожогов, и говорят, что какой-то особенной духовности для этого не надо, только навык и отрешенность... почему Татхагате не иметь такой способности?

– Но тут отшельник открыл глаза и посмотрел на бога без гнева, лишь с удивлением, – продолжил монах, и я забыл о своих сомнениях, поскольку хотел знать, чем закончится история. – «Зачем ты творишь подобное, о Разрушающий Крепости? – поинтересовался он, назвав царя богов одним из прозвищ. – Неужели тут поле брани?» Индра же ответил: «Великое любопытство вызвал ты у нас на небесах, отшельник. Обитель Тридцати Трех полнится слухами о том, что накопив достаточное количество духовных заслуг, ты покусишься на мое место». В ответ же аскет только рассмеялся. Индра же вспомнил, как его хозяин отдал последнее, чтобы накормить гостя, как не роптал, жуя опавшую листву... и устыдился собственных подозрений до алых щек. Небожители же непривычны к чувству стыда.

В это я готов был поверить – трудно представить, чтобы почти всемогущее и бессмертное существо, занятое истреблением чудовищ и сексуальными играми со всякой женщиной, более-менее для этих игр подходящей, будет испытывать такую вещь, как «стыд».

– И тогда сказал Индра еще громче, чем ранее: «Проси, чего хочешь, о мудрейший! Ибо виноват я пред тобой, и не один раз!» Татхагата задумался, и бог про себя усмехнулся, ожидая, что тот попросит власти, богатства или возможности попасть в райские обители. Но после паузы отшельник сказал: «Если же хочешь ты показать мне свое расположение, даровать нечто

превосходное – то не являйся больше ко мне в обличии столь дивном, в сиянии божественной мощи, о Разрушитель Крепостей!» Догадываешься, что испытал его собеседник?

– Легко догадаться, – ответил я. – Уж чувство гнева богам хорошо знакомо.

– Да, это не стыд, – подтвердил брат Пон. – Разгневался Индра гневом страшным. Вскричал он в изумлении так, что облака шарахнулись в небесах и море заколыхалось: «Не говори этого! Люди желают видеть меня, наслаждаться красотой и могуществом! Величайшие цари, мудрейшие брахманы стремятся к встрече со мной, совершая подвиги и принося жертвы! Ты же не хочешь этого! Почему? Неужели издеваешься ты надо мной?» Татхагата же кротко ответил: «И не думал, повелитель богов. Вспомни нашу встречу. Как принял я тебя?»

И монах посмотрел на меня, давая понять, что я должен ответить за Индру.

– Накормил, напоил, – сообщил я послушно. – Разве что только спать не уложил... Так в русских сказках положено! – последнюю фразу пришлось добавить, поскольку без нее брат Пон вряд ли бы понял, к чему она.

– Шло бы время к ночи, и уложил бы, – сказал он. – Индре пришлось согласиться. «Помнишь, как я повел себя, когда ты сбросил обличье скромного брахмана-странника и стал самим собой?» – поинтересовался Татхагата.

– Начал медитировать! – воскликнул я, поскольку ответа вновь ждали от меня.

– Совершенно верно, – подтвердил брат Пон. – «Но почему ты повел себя так? – проговорил Индра. – Неужели бродячий аскет для тебя более желанный гость, чем я? Оборванный, усталый человек кажется более интересным собеседником, чем самый могущественный из обитателей небес?»

И тут монах замолчал, причем наверняка сделал паузу осознанно, чтобы любопытство мое усилилось.

– Ну... что ответил Татхагата? – спросил я, поскольку дорога свернула и впереди, за полем, стала видна деревня (у меня возникло подозрение, что там, среди людей, у монаха не будет возможности рассказывать мне сказки).

– «Ничуть не так, о Разрушитель Крепостей, – сказал аскет. – При всем почтении к тебе равны для меня и последний из неприкасаемых, и первейший из богов».

– Вот уж оскорбил так оскорбил, – пробормотал я. – Тонко.

Но брат Пон нахмурился, и я прикусил язык.

– «Не сердись ты на слова поспешно, – добавил Татхагата. – Сначала выслушай. Истинно мудрый знает, что не существует ни бродячих жрецов, ни небожителей, ни рыбаков с руками мозолистыми, ни дев с руками мягкими и изящными, благовониями пахнущими, ни купцов, привычных к странствиям, ни тех, кто собирает навоз на полях. Поэтому кто бы ни явился ко мне – знаю я, что это иллюзия, облик, натянутый на пустоту». Нахмурился Индра, услышав такие речи, не понравилось ему ни то, что его сравнили с неприкасаемым, ни то, что небожителей не существует. Потом он сказал: «Хорошо, но тогда почему в ложном облике принял ты меня учтиво, дал лучшее из того, что было у тебя, усадил на почетное место и готовился развлекать беседой – как только же я стал самим собой, исполненным величия и могущества, перестал ты меня замечать?!» Отшельник же улыбнулся и ответил: «Та пустота, что принимает облик человеческий, приходя ко мне, может мне помочь, поскольку сам я человек. И я могу ей помочь на пути к освобождению. Облик же сверкающий, едва выносимый для глаз смертного, живущий долгие эпохи и кальпы, только отвлекает и смущает, мешает думать об истинно важном. Настоящей помощи тому, кто хочет освободиться от привязанностей, он принести не может. Что в силах ты дать мне, тому, у кого все есть, – ты, кто не существует вовсе?» После этого устыдился Индра еще раз, восстановил жилище Татхагаты, испепеленное ранее молнией, вернул на остров всю растительность, плоды и корни, обошел собеседника по часовой стрелке и удалился в райские обители.

Монах замолчал, и поэтому я рискнул поинтересоваться:

– Значит, бога Индры не существует? Есть только Пустота?

– Именно так, – отозвался брат Пон.

Мораль у сегодняшней истории была, на мой вкус, странной, неочевидной и самое главное – беспокоящей: какой смысл к чему-то стремиться, куда-то рваться, идти к свободе, если в конечном итоге тебя ждет только лишь некая «пустота», отсутствие всего? Мысли о ней вызвали раздражение, желание сменить тему, заговорить о чем-то ином.

Но в этот момент мы как раз добрались до деревни, на окраине нас встретили собаки. И брат Пон, к моему облегчению, забыл об Индре, с которым так круто обошелся Татхагата.

* * *

К теме он вернулся тем же вечером, когда стемнело и мы уселись под навесом.

– Мой сегодняшний рассказ оказал именно тот эффект, на который я рассчитывал, – сообщил брат Пон, улыбаясь совсем не по-буддийски, а с немалой долей ехидства, – расстроил тебя.

– Ну нет, – возразил я. – Хотя вызвал беспокойство, не понравился...

Не хотелось признаваться, но монах в очередной раз все рассчитал точно: сказка об отшельнике и Индре меня действительно расстроила, хотя я не мог понять отчего.

– Все просто – ты привык считать многие вещи, начиная с тебя самого, неизблемыми, практически вечными, реально существующими, – проговорил брат Пон. – Только одна мысль о том, что это может оказаться не так, пугает тебя до мокрых штанов. Однако ты состоишь из атомов, так?

Истинно мудрый знает, что не существует ни бродячих жрецов, ни небожителей...

– Ну да, – с подобным утверждением стал бы спорить только идиот.

– А вспомни, что такое атомы, – мой собеседник мог казаться простым тайским монахом, который ничего не видел в жизни, кроме монастырей, ступ и священных книг, но идеальный английский язык и речи, ведшиеся на этом языке, выдавали, что он наверняка учился где-то, и скорее всего не в Азии. – По большей части та же пустота. Центральное ядро мало, вращающиеся вокруг него электроны – еще меньше, а все остальное?

Я задумчиво почесал макушку и с радостью отметил, что та уже не так болит.

Учебник физики я помнил не очень хорошо, но нечто похожее там содержалось: если ядро как вишня, то сам атом размером с комнату.

– То есть ты состоишь большей частью из пустоты в простом физическом смысле, – сказал брат Пон.

– Ну так то в физическом... – проворчал я. – И что с того толку?

– Ты прав в том, что знание, собранное вашими мудрецами, бесполезно для тебя, – кивнул монах. – Оно ничем не поможет тому, кто жаждет добиться освобождения. Мудрецы же, более практично настроенные, выделяли тридцать три разновидности пустоты, а нас с тобой в данный момент интересует только одна.

– И какая же?

– Та, которой ты можешь воспользоваться для разрушения твоего иллюзорного «я». Для уничтожения тех корней-привязанностей, список коих ты в данный момент составляешь.

Да, подобным заданием брат Пон меня озадачил, и я выполнял его по мере сил. Только вот пока не понимал, чем мне может помочь совершенно абстрактная и совершенно непонятная концепция Пустоты.

– К чему сводится эта «наша» разновидность? – все же поинтересовался я.

– К тому, что человек привык опираться на то, что на самом деле пусто, нереально. Он пытается хвататься за радугу над водопадом, за клочья тумана, за отражение того, чего нет.

– Например?

– Лучший пример – это вера в бога, в того, кто создал вселенную и присматривает за каждым твоим шагом. Она позволяет ощутить некий комфорт, но в то же время заключает тебя в плену иллюзии, служит причиной бесконечного страдания, о котором мы с тобой говорили.

Человек привык опираться на то, что на самом деле пусто, нереально...

– А бога нет? – спросил я, чувствуя себя полным идиотом: спросить такое у монаха, у служителя культа, у того, кто по определению должен поддерживать концепцию некоего верховного существа.

– Давай во всем разберемся, – брат Пон хлопнул в ладоши. – У всего есть причина. Так? Я кивнул.

– Причина мира – Бог. Так?

Мне ничего не оставалось, кроме как еще раз согласиться.

– Но в таком случае и Бог обязан иметь причину. Отчего цепь причин должна заканчиваться на нем? – брат Пон смотрел на меня с кроткой улыбкой, я же мог лишь оторопело моргать. – Ну а кроме того, любое действие предполагает цель, а наличие этой цели означает несовершенство того, кто совершает действие. Если Бог творит мир, то, значит, ему чего-то не хватает, а следовательно, он не может быть совершенным и самодостаточным. Может ли быть таким всемогущий единый Бог? Нет. Значит, либо Бог не творит мир, – монах сделал паузу, – либо он не совершенен, не является Богом в том смысле слова, который в него вкладывают.

– Ну а вдруг он творит мир без цели? – влез я.

Мне стало как-то даже обидно за старого доброго Бога, в которого я, родившийся в атеистической стране, не то чтобы верил, но все же хотел иногда, чтобы нечто подобное существовало: могущественная отцовская фигура, прощающая грехи, тот, к кому всегда можно воззвать о помощи.

– Тогда он подобен маленькому ребенку, не отдающему себе отчета в том, что делает, – брат Пон развел руками. – Как в таком случае он может быть истинным, разумным Богом?

Вопрос был откровенно риторическим.

– Вот, теперь ты видишь, что сама идея Бога пустотна, на нее нельзя опереться, – продолжил монах, удовлетворенно потирая ладони. – Так же пустотно и все остальное. Давай, приведи мне пример того, что реально существует в твоей жизни, назови нечто такое, на что ты можешь опереться.

– Нуу... – я заморгал, взгляд мой упал на мои колени. – Вот оно, мое тело!

– Твое? – улыбка брата Пона стала еще шире. – Живущие в нем существа считают это скопление мяса, костей, слизи и жидкости своим домом и источником пищи. Разнообразные черви пируют внутри тебя в данное мгновение, миллионы крошечных организмов размножаются и процветают, а если к ним в компанию добавится всего один враждебный... то «твое» прекрасное и надежное тело погибнет, станет грудой падали. Мгновение – и нет его.

Нарисованная монахом картина заставила меня содрогнуться.

– Но если нет тела, то нет ничего! – воскликнул я.

– Вот, ты начинаешь понимать, – сказал брат Пон. – Но забудем пока о твоём теле. Какие другие опоры выдумывают себе люди?

– Деньги, – предположил я.

– Да, многие верят, что тот, кто обретает богатство, получает надежность и безопасность. Но это само по себе не так, поскольку у богатого забот больше, чем у того, у кого ничего нет, – ему есть что терять, и это тоже источник волнения, страданий и печали. А кроме того, как можно наслаждаться достатком, если у тебя нет тела? Зачем он?

Ну да, яхты, гоночные автомобили, изысканные яства и вина, роскошные женщины – всем этим трудно наслаждаться, если ты не располагаешь упомянутым выше мешком из кожи, куда сложены куски мяса и кости, а также налиты многие виды слизи и жидкости.

– Любовь? – высказал я новую версию.

– Трудно найти что-то более эфемерное, чем нездоровая привязанность, которую обычно называют этим словом, – сказал брат Пон, и я не мог с ним не согласиться: в вечную любовь веришь лет в шестнадцать, потом обычно умнеешь. – Она проходит. Рассеивается, как дым на ветру. Истинной же любви привязанный к «я» человек, замкнутый на свое эго, не видящий ничего, кроме себя самого, знать не в состоянии. Материнский инстинкт, половое влечение, подсознательная жажда выгоды, привычка – вот что скрывается за «любовью», а чего стоят все эти вещи без того же тела, о котором мы говорили?

– Но тогда... – я помолчал, пытаюсь сформулировать мысль как можно понятнее. – Неужели все, за что мы цепляемся – деньги, любовь, власть, семья – опирается на тело?

– Да, – подтвердил монах, – все это опирается на пустоту и само по себе пусто. Только осознание этого позволит тебе двигаться по пути к свободе, без этого ты не сделаешь и шага. Логично при этом начать с основы, с того, на чем покоится все остальное, а именно с тела. Теперь при всяком удобном случае ты будешь созерцать его.

Я заворочался, прокашлялся, недовольство коснулось сердца мохнатой холодной лапкой. Я приехал сюда для того, чтобы заниматься духовными делами, а не для того, чтобы тарашиться на себя любимого... И вообще, как я это сделаю, мне что, предоставят ростовое зеркало?

Трудно найти что-то более эфемерное, чем нездоровая привязанность...

Сомневаюсь, что подобные вещи есть в хозяйстве у обитателей Тхам Пу.

– Всеу свое время, когда-нибудь ты осознаешь Пустоту двух видов, то есть пустоту индивидуального «я» или чего-либо; затем – Пустоту четырех видов, формула которой такова: я не пребываю где-нибудь, я не являюсь чем-нибудь кому-нибудь, не существует моего где-нибудь, не существует моего чего-нибудь в чем-нибудь.

Мозг мой вскипел в попытке осознать, что мне такое сказали, но брат Пон на этом не остановился.

– Затем ты доберешься до пяти способов осознания Пустоты, в которую включается пустота способности видеть индивидуальное «я», пустота способности видеть что-либо, принадлежащее индивидуальному «я», неизменность, устойчивость и вечность, – продолжил он тем же речитативом, не погружавшим в дремоту, а наоборот, вызывавшим беспокойное, даже тревожное состояние. – Потом до восьми способов осознания Пустоты, до десяти, до двенадцати и в конечном итоге до осознания Пустоты сорока двумя способами, выше которого нет и не может быть ничего.

К моему облегчению, перечислять эти способы он не стал.

* * *

К практике «созерцания тела» мы приступили следующим же утром.

Брат Пон нашел меня после того, как я натаскал воды от источника, помог на кухне и посидел некоторое время над банками с цветком и многоножкой, расшатывая привязанность к абсолютным качествам.

– Это упражнение позволит тебе избавиться от привязанности к тому, что ты считаешь собой, – сказал он, когда мы устроились в тенечке на берегу Меконга, над крутым откосом, – а заодно облегчит задачу выявления и ликвидации корней-привязанностей, что буквально сосут соки из твоего тела.

Я вздохнул, понимая, что снова деваться некуда.

– Подними руку, положи ее на колени так, чтобы удобно было смотреть на кисть, – начал инструктировать меня брат Пон. – Лучше тыльной стороной вверх... Что видишь?

– Пять пальцев, – сказал я. – Ногти надо бы подстричь.

– Твои?

– А чьи же еще? – удивился я.

– Так вот, ты будешь смотреть на этот предмет до тех пор, пока он не перестанет быть твоим, – указывая на мою кисть, сообщил брат Пон голосом таким сладким, будто пообещал мне бочку меда. – И пока ты не увидишь его тем, чем он является на самом деле – набором мелких косточек, скрепленных с помощью сухожилий, обернутых пористой кожей, из которой там и сям торчат волосы и ногти.

– И как этого добиться? – уныло спросил я.

– Практикой, упорной и ежедневной, – сказал монах. – Вовсе не разговорами. Попробуй отследить мысли и чувства, что возникают у тебя, когда ты смотришь на этот предмет, который считаешь своим.

Я послушно уставился на руку и снова осознал, что ногти последний раз стриг еще в Паттайе, почти неделю назад, что они грязные. Обнаружил, что на указательном пальце неведомо откуда взялась свежая царапина, а у основания большого виден шрам, который я получил еще в детстве, на рыбалке (столько лет, даже десятилетий прошло, а он так и не исчез полностью). Подумал, что кисть у меня достаточно изящная, хотя мизинец немного кривой, но ничего страшного.

– Вот видишь, все твои мысли и чувства о том, что это все – ты, это твое, – возвестил брат Пон, выслушав меня. – Нужно, чтобы подобное исчезло, осталось только реальное восприятие, чистое, беспристрастное. Необходимо забыть, что это часть тебя, что это вообще часть любого человеческого организма, ведь даже изображение кисти вызывает так много мыслей.

Я попробовал сделать то, чего он от меня добивался, но ничего не получилось. Если с цветком и многоножкой я увидел изменения с первого раза, то тут я после часа усилий лишь взопрел, да еще и укрепился в мысли, что занимаюсь полной ерундой.

– Пустота, – буркнул я, когда брат Пон разрешил сделать перерыв. – И что толку? Мне кажется, что если я добьюсь всего, чего вы от меня хотите, то стану тупым, скучным и равнодушным!

– О, по этому поводу не беспокойся! – воскликнул монах. – Станешь!

– Что?! – изумился я. – Вы издеваетесь!

– Ты можешь стать таким для глупца, не видящего далее собственного носа. Как говорится в одном из трактатов – «держит мудрый колесо Дхармы в непрерывном вращении. Обладающий великим знанием, сосредоточенный, он подобен воде, земле и огню. Как и они, этот мудрый ни к чему не привязан и ничему не противостоит. Награжденный очищенным сознанием и всепроникающей мыслью, он понимает все, но кажется тупым и ничего не понимающим. Так он бродит успокоенный, потушивший огонь ощущений и чувств, вырвавший корни аффектов».

Обычный фаранг если чем-то и превосходит тайца, так это ослиным упорством.

– Ну да, ну да, – проворчал я. – Что-то мне кажется, что таким мне никогда не быть. Он-то выглядит «тупым и ничего не понимающим», а я на самом деле ничего не понимаю!

В этот момент мне искренне казалось, что я запутался совершенно, утонул в изобилии обрушившихся на меня знаний и техник, обязанностей и странных реалий. Несколько дней всего провел я в храме на берегу реки, а узнал столько нового, сколько не узнавал за многие годы!

Чтобы освоить все это, надо быть гением!

– Быстро ты сдался, – брат Пон осуждающе покачал головой. – Очень странно. Обычный фаранг если чем-то и превосходит тайца, так это ослиным упорством и настойчивостью. Там, где мой земляк решит, что лучше полежит в тенечке и поленится, европеец будет вкалывать, пока не добьется успеха или не отбросит копыта. Хотя... ты можешь отказаться и уйти... – он поднял руку, указывая в сторону Нонгхая. – Никто тебя здесь не держит.

Я засопел, будто учуявшая след охотничья собака.

– Что, не хочешь уходить? – тон монаха стал проказливым. – Тогда работай!

Я снова уставился на свою руку и на этот раз постарался вспомнить, как добился прогресса при работе с цветком, попытался увидеть не хорошо знакомый предмет, а нечто странное, необычное, разложить кисть на части. Но вновь меня ждало разочарование – ни старание, ни отказ от старания не принесли мне успеха, я видел все те же пять пальцев, выступающие под кожей сосуды на тыльной стороне кисти, округлые костяшки и плоские ногти с полосками грязи под ними.

– Почему именно кисть? – спросил я с отчаянием в голосе, вытирая лоб и макушку.

Пот лил градом, хотя я вроде бы не делал ничего особенного.

– Ты предпочел бы другую часть тела? – брови брата Пона взлетели к волосам. – Интересно какую? Спину увидеть трудно, брюхо твое не стоит упоминания, то, что ниже брюха... хм, разглядывание этого предмета вызовет слишком неприличные ассоциации.

– Созерцают же аскеты собственный пуп?

– Наверное, – монах пожал плечами. – У кого он велик, мясист и наделен смыслом. Твой же не подходит. И кроме того, чтобы добраться до пупа, нужно снимать одежду, завершив же медитацию – надевать ее, а это не очень удобно... Ступня? Ее нужно мыть. Хотя если хочешь, то попробуй созерцать ее, я не против.

Я попробовал, но снова не преуспел, так что забыл про ступню и вернулся к кисти. Потом мы оставили это упражнение, я отправился полоть крохотный огород позади храма. Новую попытку мне удалось предпринять только вечером, но и там я не показал никаких результатов и лишь утвердился в мысли о своей никчемности, укрепился во мнении, что ничего у меня не выйдет.

* * *

После этого случился перерыв в пару дней, на протяжении которых брат Пон не вспоминал о «созерцании тела». Имей я дело с обычным человеком, я бы решил, что монах просто забыл, но тут я заподозрил, что наставник выдержал паузу нарочно, давая мне возможность слегка отойти от собственной неудачи.

– Взял ли ты с собой свою руку? – спросил он, когда я закончил развешивать только что выстиранное и отжатое вручную белье: от усталости ныли предплечья и запястья, и я с радостью на время отстегнул бы верхние конечности.

– Неужели смотреть на нее? – спросил я.

Мигом вернулись безрадостные мысли и невеселые чувства, посетившие меня в день знакомства с «созерцанием тела»; ощущение полной бесполезности того, чем я занимаюсь, принялось сосать сердце.

– А как же! – брат Пон заулыбался, словно растаманский Дед Мороз, принесший на Ямайку полный мешок вязаных шапочек.

– Но зачем? – воскликнул я, и тут мысль, беспокоившая меня с самого первого упоминания «Пустоты», оформилась до конца. – Если все вокруг пусто, как вы говорите мне не первый день, то вообще есть ли смысл в каких-то там медитациях и созерцаниях? Ведь в этом случае все совершенно бесполезно!

Реакция монаха меня удивила, он обрадовался еще сильнее, просто засиял!

– Отличный вопрос, доказательство того, что ты на верном пути, – сообщил он. – Мне стоило бы испугаться, не задай ты его. На самом деле ты сделал неверный вывод. Перепутал ценность получаемого нашим сознанием опыта, которая неоспорима, с истинным существованием бытия, на которое опирается сознание, получая этот опыт. Сознание тоже пустотно, нестабильно и переменчиво, но при этом наделено колоссальным значением, ведь только в нем мы находим освобождение.

– Но как может быть наделено значением что-то несуществующее?! – вскричал я.

– Ты меня спрашиваешь? – в черных глазах блеснуло ехидство. – Обычное дело. Человек частенько наделяет значением всякие иллюзорные вещи, поклоняется им годами, а когда выясняется, что все это тлен и прах, начинает страдать. Вспомни! Давай!

И память подсунула мне не один пример.

Да, «поиск любви», которым одержимы отдельные женщины, да и мужчины тоже, попытка обнаружить идеального партнера, что затягивается порой на долгие годы и заканчивается ничем... Странные хобби – от собирания коллекций до фан-клубов рок-звезд, – отжирающие прорву времени и денег, оставляющие тех, кто погрузился в них с головой, у разбитого корыта... И это не говоря о сектах вроде кришнаитов или свидетелей Иеговы, после вступления в которые ты лишаешься одновременно и имущества, и разума...

Такое произошло с одной из моих одноклассниц, дамой сильной, решительной и успешной.

– Ну да... но это же... – я хотел сказать, что это совсем другое, но тут что-то щелкнуло даже не в моем сознании, а где-то глубже или выше, я не мог толком понять, и резко изменилась перспектива, как бывает, когда смотришь на картинку-головоломку и из хаоса пятен возникает изображение.

Я понял, что имел в виду брат Пон, заявляя, что сознание пусто, но в то же время имеет колоссальную ценность, поскольку кроме него, если задуматься, у нас по-настоящему ничего и нет!

Человек частенько наделяет значением всякие иллюзорные вещи.

– Вот и молодец, – сказал монах. – Пробуй.

На этот раз моя рука сразу, при первом взгляде показалась мне странной, возникло ощущение, что я созерцаю кисть другого человека, каким-то образом привинченную к моему предплечью. А потом я вовсе забыл, что этот предмет может кому-нибудь принадлежать, поскольку кожа и плоть словно растворились, и я понял, что смотрю на голые кости, желтоватые, словно дешевое сливочное масло, покрытые крохотными ямками и бороздками.

Картина эта меня не напугала и не удивила, а когда внимание мое рассеялось и она исчезла, то я смог вернуть ее простым усилием воли, даже не особенно напрягаясь, в считанные мгновения.

– Ух ты! Это! Ну! – воскликнул я, от возбуждения потеряв слова. – Получилось!

Впервые я осознал, что способен добиться хоть чего-то из того, чему учит меня брат Пон. Опыт с цветком и многоножкой меня не убедил – остались подозрения, что монах меня то ли загипнотизировал, то ли еще каким-то образом подтолкнул к тому, чтобы получить необходимый эффект.

Сегодня же он не сделал ничего, большую часть времени просто сидел и молчал. Изменения – это я почувствовал очень остро – произошли во мне, в моем сознании, и это оказалось на удивление приятно!

– Прекрасно, просто прекрасно, – сказал брат Пон. – Но это только начало. Приступай ко второму этапу...

Ну да, он не был бы самим собой, если бы дал мне почитать на лаврах.

Второй этап свелся к тому, чтобы увидеть руку с закрытыми глазами, точно так же как и с открытыми, во всех деталях и подробностях – с кожей и без, покрытую мясом или в виде костяка, но в любом случае как нечто чужое, никак не связанное с моим опытом. Успех пришел тем же вечером, или, скорее, ночью – я даже не сразу поверил, что глаза мои закрыты, настолько четкое им предстало изображение.

Я поморгал и убедился, что с открытыми глазами действительно ничего не вижу, поскольку уже темно.

– Принцип ты уловил, дальше будешь практиковаться сам, – сообщил брат Пон, когда я поведал ему о собственных победах. – А затем тебе предстоит увидеть все тело. Добавляешь к кисти руку, затем плечо, грудь и спину, на шее проклеивается голова, лицо, из противоположного плеча вырастает вторая рука, ну и так далее, пока не увидишь себя целиком, сидящего или стоящего, но в любом случае неподвижного... А то некоторые начинают воображать всякие глупости, когда добираются до этого места... – монах хмыкнул. – Времени у нас с тобой мало, поэтому потратить на упражнение ночь. Ситуация исключительная, обычно такое не поощряется, но я буду присматривать за тобой, и если что-то пойдет не так, то обязательно вмешаюсь.

Что удивительно, спать я не хотел совершенно, первый успех наполнил меня такой энергией, что я готов был не то что предаваться созерцанию, а корчевать деревья, носить воду и рубить дрова до самого утра.

Поэтому я даже обрадовался.

Сонливость явилась позже, наверняка за полночь, когда визг и крики ночных джунглей стали немного тише. Но к этому времени я многого добился, сумел породить целостный образ собственного тела, размытый, без деталей, но узнаваемый от голой макушки до плоских ступней.

Помня наставления брата Пона, я временно прекратил упражнение и сполоснул лицо холодной водой.

Посидел некоторое время, считая вдохи-выдохи, и снова нырнул в созерцание.

К тому моменту, когда над ватом Тхам Пу начал заниматься рассвет, я потерял ощущение реальности, перестал понимать, сплю я или бодрствую, две картинки сменялись перед моими глазами: внутренности хижины, служившей мне жилищем, стены в щелях, тюфяк, одеяло... и обнаженное человеческое тело, смутно знакомое, очевидно мужское, временами превращавшееся в иллюстрацию из учебника анатомии, поскольку отдельные его части лишались кожи, обнажались сухожилия и суставы. Исчезло ощущение реальности, на которое я опирался всю жизнь, убежденность в том, что вокруг надежный и стабильный мир, что сила тяжести притягивает тебя к земле, об угол можно больно удариться, а сквозь закрытую дверь не пройти.

Первый успех наполнил меня такой энергией, что я готов был корчевать деревья.

То ли от недосыпа, то ли от непрерывной медитации все вокруг казалось призрачным, ненастоящим – все, начиная с меня самого, лишилось плотности, вещности. Это было странно, но в то же время приятно, я ощущал себя легким, невесомым, свободным.

– Доброе утро, – сказал брат Пон, постучав в дверь. – Ну, ты молодец. Все сделал. Теперь возвращайся.

Я заморгал, пытаюсь понять, о чем он ведет речь, и все стало как обычно.

Картинка моего тела, которую я видел с закрытыми глазами, исчезла без следа. Навалилась телесная тяжесть, забурчал пустой живот, мочевого пузыря намекнул, что пора бы его опустошить.

Но эта перемена состояния меня не расстроила, поскольку я знал теперь, что волшебство рядом и что я всегда смогу добраться до него, причем исключительно собственными усилиями.

– Только не зарывайся, – предостерег меня брат Пон, заглядывая в мое обиталище. – Сегодня ты мобилизовал все силы... напрягся так, как можно иногда лишь раз в жизни... и все получилось. Но тебе еще практиковать и практиковать, не один день, и очень упорно.

Я знал, что он прав, но это меня ничуть не беспокоило.

ЗАМЕЧАНИЯ ПО ПРАКТИКЕ

Все мы в той или иной степени (обычно в очень значительной) привязаны к собственному телу. В большинстве случаев мы отождествляем себя с ним, то есть с предметом, который нами не является и нам не принадлежит. Можно вспомнить, что он дан нам в пользование на сравнительно небольшой срок, что в нем обитает огромное количество живых существ, начиная с симбиотических микроорганизмов, которых мы носим в себе несколько килограммов, и заканчивая разнообразными паразитами, и что для них для всех наше тело – и кров, и стол, и вообще окружающая среда.

«Созерцание тела» помогает ослабить эту фиксацию, осознать преходящий, ненадежный и в конечном итоге пустотный характер тела, тот факт, что на него нельзя опереться. Опора же на тело на самом теле служит фундаментом всем прочим иллюзорным опорам, которые мы так трудолюбиво вбиваем в ненадежную почву реальности, чтобы построить на ней красивое, уютное и безопасное здание для своего «я». Если расшатать опору на тело, то закачаются и ослабнут все остальные, и работать с ними станет намного проще.

То же помогает увидеть и ликвидировать корни-привязанности, которые так жестко держат нас в одном состоянии, на одном месте, не дают ни расти, ни развиваться.

Самый распространенный вариант упражнения – когда начинают с кисти руки, установив ее так, чтобы она не затекала и смотреть на нее можно было без утомления. Добиться необходимо того, чтобы она воспринималась, во-первых, объективно (то есть без оценок, которые мы обычно даем частям тела, как структура из костей, связанных сухожилиями, снабженная мышцами, покрытая кожей, поросшая мелкими волосками и костными образованиями в виде ногтей); и, во-вторых, воспринималась как нечто чуждое, нам не принадлежащее.

Если кисть по каким-то причинам не подходит, можно созерцать ступню, локоть, коленку, но все эти варианты хуже в том смысле, что наше сознание куда слабее вычленяет эти фрагменты организма из целого, и поэтому на них несколько сложнее сосредоточиться. Использование зеркала не рекомендуется, поскольку данный предмет несет четкую социальную функцию, о которой мы всегда помним, даже если не осознаем, и это будет рассеивать внимание.

Можно применять тот же подход, что и при работе с абсолютными качествами, то есть разлагать фрагмент тела на элементы, можно использовать другой – понять, как выглядит созерцаемая часть тела анатомически и начать процесс, воображая очищенные от плоти кости, потом наращивая слой за слоем, пока не возникнет целостная картина. Можно придумать собственную методику – главное, чтобы она возымела успех.

В моем случае упражнение занимало не более десяти-пятнадцати минут в день (после первого этапа, когда я просто не мог практиковать и мне приходилось тратить на это часы). Выполнял я его примерно две недели, прежде чем результаты стали устойчивыми и появилась возможность расширять созерцание: сначала перенести кисть внутрь сознания, а потом достроить ее до тела. На этот этап мне также понадобилось чуть более двух недель. Стоит помнить, что сроки в данном случае сильно зависят от особенностей психики практикующего и от того, есть ли рядом наставник: одному может потребоваться месяц, другому – год, третьему это упражнение вообще противопоказано.

После того как удается воспринимать кисть объективно и как чуждый предмет, нужно пытаться видеть ее с закрытыми глазами, представлять как можно более ярко. Когда это достиг-

нуто, к кисти необходимо пририсовывать собственное тело, видеть его точно таким же объективным образом – как груды сложно организованной плоти, на которую вы не имеете никаких прав.

Когда это получается и образ удается удерживать в сознании, не скатываясь на эгоистичные мысли и чувства по его поводу, до десяти минут – все, результат достигнут. Одновременно проявится тот эффект, который и должно принести упражнение – ослабление корней-привязанностей, сущностное, а не поверхностное осознание их иллюзорного характера.

Как и в любом другом случае противопоказан фанатизм в исполнении упражнения. Если вы практикуете месяц (имеется в виду, регулярно, не пропуская ни одного дня, не менее десяти минут) и эффекта не наблюдается вообще, то тогда, может быть, вам стоит отложить данный вид медитации.

Есть шанс, что она лучше получится через некоторое время.

Или, может быть, она просто не для вас, и в этом случае не нужно печалиться – никакая техника из этой книги не является на сто процентов обязательной – и использовать другие методики.

Глава 3

Выкапывая корни

Я видел гору, и не одну, а целый ряд вершин, в белом снегу. Золотистые и голубые склоны испускали мягкое сияние, водопады струились так легко, словно были нарисованы. Там, где их воды попадали в чистейшие озера, росли изумрудные леса, и в тени деревьев прятались хижины, бродили огромные слоны цвета сметаны, там и сям поднимались дворцы, похожие на пагоды, но еще более яркие, цветастые, необычные. Несмотря на расстояние, удавалось рассмотреть мельчайшие детали – до сверкания на кончиках слоновьих клыков и узоров на остроконечных крышах.

Видел я эту гору и с закрытыми глазами, и с открытыми, и иногда она казалась такой яркой, что я переставал понимать, где нахожусь. Она вылезала посреди упражнений и мешала их выполнять, но в то же время, когда я сам хотел насладиться зрелищем и вызвать ее образ, у меня ничего не получалось.

– Забудь об этом, полная ерунда, – сказал брат Пон, когда я поведал ему о видении, – последствия того, что я вынужден безжалостно прищипывать твое сознание, гнать тебя, как скаковую лошадь. То, на что уходит год, мы с тобой проделываем за несколько дней... видел бы такое мой наставник, точно бы приказал излупить меня тяжелой палкой. Суровый был мужчина, не то что я...

Но я не смог забыть, избавиться от образа великолепной горной цепи.

Монаху я больше о ней не говорил, но он видел, что со мной творится, поскольку однажды после ужина пригласил меня под навес и заявил:

– Раз не получается избавить тебя от этого видения, то попробуем его использовать. История, которую я тебе поведаю, случилась как раз на склонах той благословенной горы, что поработила твой разум...

Слово «поработила» мне не очень понравилось, но возразить я не мог – я понимал, что хочу видеть зрелище, предстающее моим глазам, мне это нравится, и с каждым разом все больше.

– Так вот, жил в глубокой древности один почтенный муж, обильный духовными подвигами и по этой причине родившийся в богатой и безупречной семье брахманов, – начал брат Пон. – У него было трое младших братьев, которые почитали старшего не только за возраст, но и за многочисленные достоинства, и сами они были под стать ему. Отличались они щедростью и ученостью, добротой и отвагой, и мир не видел такого подобия среди родственников.

Золотистые и голубые склоны испускали сияние, водопады струились так легко...

Когда монах начал перечислять достоинства героев, мне вспомнилась прежняя история, где список выглядел примерно так же.

– Некоторые говорят, что это был сам Татхагата в одном из прежних рождений, – судя по лицу брата Пона, он сам в этом сомневался, – но так это или нет – неважно. Снискали наши братья во главе со старшим добрую славу в народе как знанием обрядов, так и мудростью и готовностью прийти на помощь, а также любовью к родителям своим. Когда же пришло тем время умирать (а смерть забрала их практически в один день), старший из братьев преисполнился скорби, мучительной и сильной, как зубная боль. После того как прошли все должные обряды погребения, – голос монаха стал напевным, и я осознал, что почти вижу то, о чем он рассказывает: печальные лица и яркие одежды, унылую процессию и пожирающий тела огонь, – призвал старший остальных братьев. «Смерть разлучает нас даже с теми, кто дал

нам жизнь, – заявил он. – Что говорить о других? Именно поэтому хочу я удалиться в дикое места и стать отшельником».

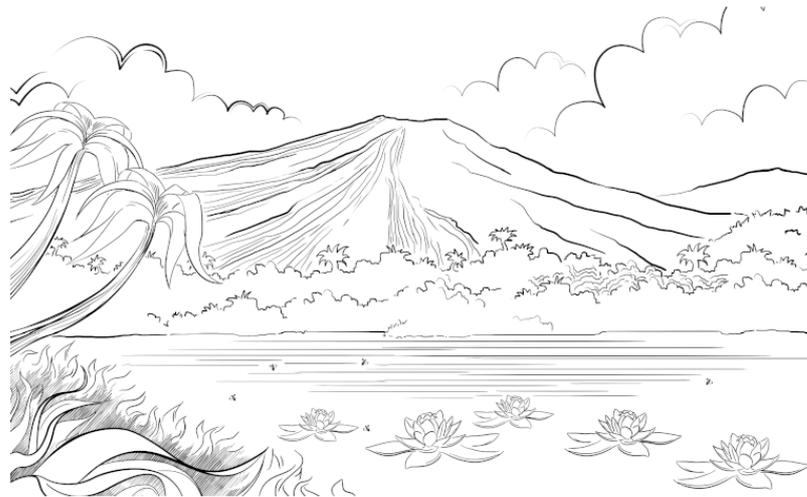
Судя по всему, это была стандартная завязка для историй брата Пона, если речь шла не о животных.

– Сообщив об этом, он принялся наставлять братьев, как им вести должную жизнь домохозяев, как не потерять уважения, мудрости и имущества, быть скромными и щедрыми. Они же, – тут монах развел руками и покачал головой, так что его косички заколыхались, – дружно заплакали и закричали, что они только что лишились родителей и не хотят терять еще и старшего брата, того, кто способен заменить им ушедшего отца! «Покинем мир тогда мы вместе с тобой, – заявили они, – чтобы быть вместе, помогать друг другу, как и раньше!» Старший попытался их отговорить, заявляя, что аскетизм не для всех, что привыкших к наслаждениям телесным погубит он вернее, чем яд опаснейший. Но младшие не стали его слушать, пали ниц и заявили, что ни за что его не оставят.

Брат Пон снова покачал головой, откровенно не одобряя такого поведения.

Я же нетерпеливо поерзал, ожидая продолжения.

– Собрались они, не обращая внимания на стенания родственников и друзей, и отправились в огромный пустынный лес у подножия той самой горы, которую ты видишь, – монах подмигнул мне, и я смущенно засопел: что же, вижу, никуда от этого не деться. – Выбрали красивейшее озеро, то прозрачное, то синее, то фиолетовое в разное время дня, с белоснежными лотосами на его поверхности, напоминавшими крохотные облака, а роившиеся над ними пчелы были словно крохотные птицы, стремительные и изящные.

Да, в прежние времена брат Пон мог бы зарабатывать на жизнь в качестве бродячего сказителя!

– Каждый жил в хижине в благословенной тени деревьев, – вещал он вдохновенно. – Раз в пять дней сходились они вместе на поляне у ручья, чтобы старший брат преподавал им наставления о свободе. И он рассказывал им, как преодолевать ограничения земного сознания, как открывать себя истинной жизни и постигать ее глубокие, настоящие законы. В остальные же дни старший брат служил младшим совсем иначе – рано поутру, когда они спали, он собирал стебли лотоса, мягкие, сладкие, годные в пищу, аккуратнейшим образом чистил их, красиво раскладывал на лотосовых листьях, после чего относил порцию каждого к порогу его хижины. Затем, удалившись к своему обиталищу, он стучал друг о друга палками, давая знак, что можно выходить и вкушать пищу.

Я хмыкнул и почесал щетину на подбородке – такого поворота событий никак не ожидал, ведь в буддийских монастырях обычно послушники и молодые монахи обслуживают старших и делают всю работу.

– Ели они раз в день, остальное же время проводили в созерцании и духовных подвигах. Виделись же они лишь раз в пять дней и говорили только о возвышенном, – продолжал брат Пон. – Но увы, спрятаться нельзя даже в самом глухом углу мира. Охотник проходил мимо, собиратель лекарственных растений являлся на озеро, заблудившийся крестьянин наткнулся на хижины аскетов, пролетал мимо гандхарв...

Насколько я помнил, так звали крылатых певцов из свиты всяческих божеств.

– Долго ли, коротко ли, но слава о святости и великих деяниях четырех братьев поползла в разные стороны, достигла многих ушей и добралась до самых вершин священных гор, где в роскошном дворце, обиталище тысяч наслаждений и сотен красот, властвовал сам царь богов, Индра. Преисполнившись любопытства, решил он посетить отшельников, и сначала в незримом облике явился в тот лес, и провел там несколько дней.

– Кажется мне, что это я уже слышал, – пробормотал я.

– Ты слышал нечто похожее, – не согласился монах. – А вообще все сказки связаны. Они образуют единую историю, которую можно рассказывать бесконечно – как целиком, так и частями, с любого места, и если делать это правильно, то слушающие извлекут из нее великую пользу.

– Столь же великую, как деяния наших героев? – уточнил я.

– Именно, – монах кивнул. – Вернемся же к ним. Итак, убедился царь богов, что перед ним истинные аскеты, лишённые страстей, и решил он испытать их стойкость. Дождавшись, когда старший из братьев соберет стебли лотоса, нежнейшие и вкуснейшие, разложит их на листьях, украсит лепестками и каплями прохладной воды, а затем с помощью палочек даст знак, что можно приступать к вкушению пищи, Индра взял и похитил доли младших братьев. Второй брат, обнаружив, что стеблей нет, а листья раскиданы, решил, что кто-то взял его порцию, и сильное изумление одолело его сердце. Третий и четвертый тоже поверили, что кто-то позарился на их еду, тоже удивились, но не испытали более ничего. Старший же остался в неведении, не знал, что произошло с остальными.

Преисполнившись любопытства, решил он посетить отшельников...

Брат Пон сделал паузу, давая мне осмыслить ситуацию, а когда заговорил, то голос его стал более мрачным:

– На второй день произошло то же самое, и на третий тоже, и на четвертый. Хитрый Индра похищал стебли лотоса и исчезал прежде, чем кто-то мог заметить его. Старший брат прилежно исполнял взятые на себя обязанности кормить младших, они же приходили во все большее смятение. Сначала они думали, что это старший брат испытывает таким образом их стойкость, но затем вышли наружу несовершенства души, о которых говорил тот, предупреждая, что лесное отшельничество будет опасно для них. Второй брат ощутил сильнейшую печаль, поскольку видел, что тело его, крепкое и выносливое, слабеет с каждым днем, уходит сила из рук, и ноги не несут более. Третий же – уверился, что пищу съедает кто-то из других, и начал подглядывать, надеясь поймать вора и подумывать о том, чтобы проникнуть в другие хижины и обыскать их. Подобные мысли отвратили его от бдительности, и он ничего не увидел, понял лишь, что то, что он считает уже своим, положенное на пороге его хижины, исчезает неведомо куда. Четвертый же пришел в ярость, испытал желание поймать того, кто лишает его пропитания, и избить так, чтобы тот запомнил этот урок.

– Ничего себе отшельники! – воскликнул я.

– Да уж, – подтвердил брат Пон. – И вот наступил пятый день, день встречи. Явились братья в хижину старшего, и он сразу увидел, что с ними что-то не так, что они похудели, цвет

ушел с их лиц, а мягкое сияние благодати и спокойствия оставило души. Они же обнаружили, что он такой, как прежде, и неблагие чувства в их сердцах зазвучали громче – словно в прекрасной лесной тишине раздались ужасающий грохот, крики и рев. «Поведайте же мне, что случилось с вами? – воскликнул старший брат, мучимый состраданием к тем, кто доверился его водительству. – Кто нарушил ваше созерцание?» Услышав же о том, что стебли лотоса, которые он каждое утро трудолюбиво собирал и приносил к порогам хижин, были похищены кем-то, удивился он, но не испытал ни гнева, ни даже раздражения.

В этот момент я уверился, что речь в этой сказке тоже идет о Татхагате, о том, кто потом станет Буддой Шакьямуни, но о догадке говорить не стал – если брат Пон заявил, что личность главного героя не имеет значения, то значит, по какой-то причине так и нужно.

– А послушать проповедь его в тот день пришли лесной якша, слон и обезьяна, – сообщил монах так, словно это было делом обычным. – И узнав, что произошло, преисполнились они стыда и волнения от того, что некто сыграл такую шутку с аскетами. Сказал якша: «Пусть тот, кто осмелился согрешить так, в рабском теле воплотится и к самому жестокому надсмотрщику попадет в каменоломни мраморные, где едкая пыль гложет грудь изнутри, и проведет там десятки лет». Сказал слон: «Пусть тот, кто стебли лотоса похитил, таким станет, как я, в руки людские попадет и терпит понукание и боль, работу тяжкую». Сказала обезьяна: «Пусть тот, кто жадности и злобе дал себя одолеть, в теле моем родится, пусть носит ошейник он тяжелый, ходит перед змеей, избитый палкой, не знающий сытной пищи». Трое младших братьев на это промолчали.

Я подумал, что это было с их стороны величайшим достижением.

Если бы какой-нибудь нехороший человек систематически воровал мою еду, из-за чего мне пришлось бы голодать, то я бы без усилий придумал, что такого «хорошего» ему пожелать.

– Старший же брат сначала успокоил слушателей своими такими словами: «Сказавший, что будто бы исчезло то, что никогда не исчезало и не появлялось, пусть истину узнает, и переродится в теле благом, в котором к свободе и мудрости легок путь», – брат Пон добавил в голос легкой укоризны. – А затем обратился к похитителю стеблей так: «Пусть будет жизнь твоя беспечальной и сытой, дороги легкими, о ты, неведомый, кто пищу отшельников взял, пусть богатства сыплются на тебя, и рождение во дворце царя станет твоим уделом». Индра, услышав подобное, исполнился восхищения и понял, что перед ним истинный святой.

– Но в этот раз он не испугался, что отшельник захочет трон повелителя богов? – поинтересовался я, уже в который раз вспоминая прошлую историю.

– О нет, – брат Пон рассмеялся. – Он принял облик свой и перед братьями явился. Трое младших оказались поражены его видом, глаза их застлали слезы, боль пронзила сердца, и они упали на колени. Старший же приветствовал гостя как полагается и предложил ему лучшее место. Индра же признался, что он забирал стебли лотоса каждое утро, желая испытать стойкость духа аскетов, живущих у подножия величайших гор. После чего он принес извинения и удалился. Старший же брат обратился к младшим с такой речью: «Говорил же я вам, что отшельником не каждый способен быть, что ядом может стать смертельным жизнь в одиночестве, посвященная созерцанию и размышлению. Простые стебли лотоса, растущие на озере в изобилии, и к чему они вас привели... сердца ваши кипят, глаза болят, ноют спины от неудобной позы, ведь вы не в силах разогнуться». – Он их прогнал? – спросил я.

– Нет, помог разобраться в том, что произошло, и они так и остались там жить, – сообщил брат Пон. – Ну и какую мораль ты можешь вывести из того, что я рассказал?

– Ну... – я напрягся, вспоминая. – Один брат был привязан к собственному телу. Второй жаден, а третий злился... и все это нехорошо.

– Можно и так сказать, – монах неожиданно стал очень серьезным, даже суровым. – Три главных корня, три аффекта приковывают нас к этому существованию, полному мук и печали, и о них мы с тобой говорили. Первый – невежество, отсутствие истинного знания, приводя-

щее к вере в реальность личности, воплощенной в грубом, плотном теле. Второй – алчность, неутолимая жажда собирать как можно больше всего, что можно назвать своим, вещей, денег, впечатлений, бессмысленных знаний. Третий – ненависть к другим живым существам, злоба и агрессия, причинение вреда тем, кто не является «я».

Он помолчал, давая мне возможность извлечь из памяти беседы, которые мы вели на эти темы: да, о невежестве речь зашла почти сразу после моего прибытия в Тхам Пу, об алчности мы разговаривали несколько позже, а ненависти коснулись совсем недавно, когда меня покусали собаки.

Старший брат приветствовал гостя как полагается и предложил ему лучшее место.

– Вспомни еще и огненную проповедь, – сказал брат Пон, поднимая указательный палец. – «Все в огне, братья. Глаз горит, воспринимаемые им формы горят, сознание зрения горит, зрительный контакт горит. Любая эмоция, возникающая из контакта видимого и видящего, будь она приятной, неприятной или нейтральной, тоже пылает». Это ты уже слышал. Но есть продолжение... «Что питает этот огонь, каково его топливо? Топливо для этого огня – рождение и старение, страдание и горе, неудовлетворенность и отчаяние».

Метафору с огнем монах упоминал не в первый раз, но я так и не мог понять, что в точности она означает.

– Иными словами, причиной страдания являются как раз три базовых страсти, невежество, алчность и ненависть. Отсюда простой и очень логичный вывод. Какой же?

Я откашлялся:

– Чтобы избавиться от страдания, нужно избавиться от его источников, от базовых страстей.

– Хорошо сказано! – брат Пон хлопнул в ладоши. – Четко и очевидно изложено. Вторая и третья благородные истины, принесенные нам Татхагатай. Да, можно долго рассматривать признаки второй истины, такие как причинность, источник, порождение и условия порождения, а также признаки третьей, такие как прекращение, умиротворение, устремление и отречение, но главное ты уже знаешь... кроме одного важнейшего момента.

Он замолчал, мне стали слышны голоса молодых монахов, беседовавших около сарая с инструментами, крики обезьян в лесу, шум мотора проплывающего по реке катера. Мир, словно долгое время прятанный в засаде, теперь каким-то странным образом набросился на меня, и его прикосновение вовсе не показалось мне приятным.

Я поежился.

– Достаточно на сегодня, – сказал брат Пон. – Иди, займись созерцанием качеств. Можешь пока забыть, о чем мы говорили сегодня.

* * *

Но я не забыл, да и история о четырех братьях не шла из памяти, чудилась в ней какая-то недосказанность, как будто засел внутри нее острый шип, коловший меня при каждом воспоминании.

И поэтому я воспользовался ближайшей возможностью, чтобы обратиться к наставнику с вопросами. Случилось это сразу после трапезы, средней между завтраком и обедом и, похоже, единственной в этот день, когда меня почему-то не отправили мыть посуду вместе с остальными, а брат Пон остался под кухонным навесом.

– Нет, я ничего не утаил, – сказал монах, выслушав мое сбивчивое выступление. – Просто не растолковал, что к чему и как ты можешь использовать эту сказку на практике. Ведь ты

наверняка догадался, что я вспомнил о ней не для развлечения и не для того, чтобы отвлечь тебя от разглядывания великолепной горы?

Я покраснел – всего час назад сверкающие вершины маячили перед глазами во время медитации, отвлекая и смущая.

– Догадался, – произнес я со вздохом. – Вы ничего не делаете для развлечения.

– Ну почему? – монах деланно изумился, вытаращил глаза и часто-часто заморгал. – Подтруниваю над тобой, например, я с большим удовольствием... Ладно, не обижайся. Смотри, есть три корня, и они проявлены во всяком человеческом существе, кроме тех, кто достиг освобождения. Любой из людей горит в геенне невежества, терзаем огнем алчности и пламенем ненависти, но у каждого есть главный, ведущий и самый опасный для него аффект. Логично, что с ним нужно работать в первую очередь и уделить ему больше внимания.

История о братьях не шла из памяти, чудилась в ней какая-то недосказанность...

– Ну да, – согласился я. – Только как определить, какой именно является ведущим? Хотя нет, это просто – кто туп и ничего не понимает, у того невежество, если человек злой, всех бьет и убивает, то ненависть, ну а алчность – у жадины или там у сластолюбца.

– Не все так легко, – брат Пон покачал головой. – Вот, например, отнятие чужой жизни – определяется ненавистью. Так?

Я закивал.

– Это самая очевидная версия, но на самом деле убийство может определять любая страсть из трех. Твой вариант – уничтожение врага, стремление показать свою силу, выместить злость, избавиться от того, кто вызывает неприятные чувства или мешает. Однако возможно убийство из алчности...

Брат Пон многозначительно посмотрел на меня, и я воспринял это как приглашение к диалогу:

– Когда мы лишаем жизни кого-то, чтобы забрать его деньги?

– Верно. Но это и убийство животных ради мяса и шкур, охота для развлечения. Занимающийся ей собирает впечатления, которые для него могут быть важнее тех же денег. Теперь рассмотрим убийство на почве невежества.

Мне достался еще один вопрошающий взгляд, но на этот раз я не знал, что сказать, и только пожал плечами.

– Это отнятие чужой жизни, оправдываемое ложными убеждениями, – объяснил брат Пон. – Смертная казнь, убийство тех, кто, как тебе кажется, проклят твоими богами, является нечистым существом. Вспомни соседнюю Камбоджу и Пол Пота.

Да, кровавый диктатор отправил на тот свет миллионы людей, и все потому, что отдельные категории населения мешали ему строить «социализм». А если пойти дальше в прошлое, то можно увидеть нацистскую Германию, где евреев и прочих «расово неполноценных» сжигали в печах, или англосаксонские страны, где в начале прошлого века стерилизовали преступников, тем самым убивая их еще не родившихся отпрысков.

Да уж, мотивацию для убийства человек всегда найдет.

– Понятно, – сказал я. – А если вспомнить какой-нибудь другой поступок... Например... ну, супружеская измена... Это же алчность в чистом виде, желание обладать существом другого пола, обычная похоть. При чем тут невежество или ненависть?

– Но на измену человек может пойти ради того, чтобы причинить моральные страдания собственному супругу или, может быть, супругу того человека, с которым он вступает в связь, – монах развел руками. – Что это такое, если не проявление ненависти? Теперь невежество: есть люди, полагающие, что безудержный разврат – просто норма, что инцест – норма, что совоплощение с существами одного с тобой пола и животными – норма.

Ну да, я с существами вроде педофилов или зоофилов, к счастью, не встречался, но слышал, что они есть. Ну а похотливых скакунов и слабых на передок дамочек видел неоднократно – взять хотя бы моего соседа по кондо в Паттайе Костика, чуть ли не каждую неделю таскавшего к себе туристок, но не пренебрегавшего и дешевыми шлюхами с Бич-роад.

Лечился он от всякой соответствующей дряни раз в год, как по расписанию, но это его не останавливало. А еще он подводил под свое занятие целую философию и охотно делился ей по пьяной лавочке.

– И так же со всеми остальными поступками, – слова брата Пона заставили меня вернуться из курорта на берегу Сиамского залива в совсем не курорт на берегу Меконга. – Каждый определяется той или иной базовой страстью, и чаще всего ведущей, и поэтому ее необходимо знать. Твою я благополучно выяснил, и ей является... – он выдержал паузу. – Ненависть!

Это меня удивило.

Вроде бы я человек очень мирный, драться никогда не любил, выяснять отношения – тоже.

– Ничего странного, – сказал брат Пон, когда я озвучил собственные сомнения. – Базовая страсть обычно маскируется, одержимый невежеством полагает себя умником, алчный – бессребреником, хотя удавится за каждый грош, и так далее.

– А как вы определили мою страсть?

– Помнишь, как ты считал колокола? – на лице монаха появилась улыбка, я же мрачно засопел.

Как такое забудешь!

В Тхам Пу, как и во многих буддийских храмах, имелся узкий навес, петлей окружающий главное святилище, и под навесом висели колокола, в которые полагалось звонить, шепча молитву. Здесь ими никто не пользовался, навес выглядел старым и покосившимся, но для чего все это нужно, я знал по Бангкоку.

– Помню, – буркнул я, заново переживая свой позор.

Несколько дней назад брат Пон дал мне элементарное, на первый взгляд, задание – обойти навес, позвонить в каждый колокол и потом сообщить ему, сколько их всего. Однако выполнить его оказалось непросто: я по какой-то причине все время сбивался, получал разные числа, потел, спотыкался и раздражался, и продолжалось это, как мне показалось, не один час.

– Так вот твоя реакция четко показала мне, какой аффект у тебя наиболее силен, – сказал брат Пон. – А ну-ка, давай в деталях вспомним, что именно ты переживал тогда. Закрывай глаза.

Возвращаться в тот день мне не хотелось, но мне снова не оставили выбора.

Бомм – ворвался в уши звон первого колокола, бомм – второго, бомм – третьего... В какой-то момент я увидел, что они все разные по форме и размеру, хотя одинаково старые и потрескавшиеся... Бомм... бомм... бомм... вот и последний, итого сто пять...

«Ты ошибся», – услышал я от брата Пона, когда назвал ему это число.

То же самое прозвучало и после второй попытки, когда вышло сто восемь, и после третьей, когда получилось сто четыре. Тут я разозлился по-настоящему, мне захотелось снести к чертовой бабушке этот дурацкий навес, расплавить колокола и сделать из металла чего-нибудь полезное.

– Судя по недовольной физиономии и частому дыханию, ты вернулся куда надо, – брат Пон рассмеялся. – Теперь ты должен видеть чувства, которые испытывал тогда. Каковы они?

– Ну ярость, гнев... да, ненависть, – признал я. – А как еще можно отреагировать?

Бомм – ворвался в уши звон первого колокола, бомм – второго, бомм – третьего...

– Видишь, ты и представить не можешь иной реакции! – брат Пон от удовольствия даже ударил ладонями по столу, за которым мы беседовали.

Тут вернулись от реки молодые монахи, принесшие чистую посуду, и он отвлекся, чтобы отдать им какие-то распоряжения на тайском, так что у меня появилось время немного успокоиться и подумать.

– Человек невежественный в первую очередь принялся бы думать о себе любимом, он ощутил бы скуку, поскольку никак себя не проявляет, – продолжил объяснять брат Пон. – Ничем не доказывает собственному любимому «я», что оно существует на самом деле. Он бы делал все спустя рукава, без интереса и сердца.

– Но разве не к этому я пришел в конечном итоге? – спросил я.

Чувства мои тогда в какой-то момент угасли, и в последний раз я обошел храм, подсчитал колокола совершенно спокойно, не думая, зачем я этим занимаюсь, не заикливаясь на том, чтобы получить нужный результат.

– Нет, равнодушным ты не был, ты просто стал спокойным, твой аффект угас.

Я подумал некоторое время, а потом кивнул.

– Человек же, опирающийся на алчность, вспомнил бы первым делом о других людях, которым не выпала столь глупая и непонятная задача, и позавидовал бы им, – сообщил монах. – Ты ведь ни о ком не думал, кроме себя самого (ну и меня тоже)?

Ехидная улыбка дала мне понять, что брат Пон вполне осознает, какими словами в тот момент я вспоминал его.

– Ну да, – отпираться было глупо. – Мне это и в голову не пришло.

– Зато пришли гнев и все, что с ним связано. Помнишь наш разговор о потоке?

Забывать ту беседу я тоже не мог, поскольку случилась она сразу после того, как меня покусали, – воспоминания о встрече с собачьей сворой еще не поблекли, а укус болел, хотя брат Пон и смазал его подозрительно выглядевшей мазью.

– Да, еще бы, – сказал я. – О том, что я вовсе не набор костей, хрящей и ломтей мяса в мешке из кожи, истекающий мерзкой слизью из разных отверстий и обреченный на неминуемое превращение в падаль, а вечный, текучий поток восприятия, которому ничто в принципе не может угрожать, – как забудешь?

– И из каких струй состоит этот поток?

Я ощутил себя в школе, в первом классе, вспомнил запах мела и суровую училку, Марию Петровну, глядевшую на меня так же испытующе, как брат Пон, и даже одетую – неожиданное открытие – похожим образом.

– Телесные ощущения, эмоции, мысли, события и собственно осознание, вокруг которого все остальное и собрано, – перечислил я и порадовался, что в вате Тхам Пу хотя бы нет доски, куда тебя могут вызвать на потеху всему классу.

– И вот я тебе открою страшную тайну, – сказал монах заговорщицким шепотом. – Три аффекта, ненависть, алчность и невежество, проявляют себя на каждом из пяти потоков, омрачая их, и поймать их, отследить конкретные проявления проще всего именно там.

Я наморщил лоб, пытаюсь уловить концепцию.

– Если речь идет о ненависти, – начал я со «своей» базовой страсти, поскольку хорошо помнил ощущения, раздиравшие меня во время подсчета колоколов, – то на теле это было... жарко... Много пота, даже больше, чем обычно... Еще я ходил как-то дергано и не всегда мог схватиться за веревку...

Воспоминания о встрече с собачьей сворой еще не поблекли, укус болел...

Да, мне ведь надо было позвонить в каждый, а руки слушались вовсе не так хорошо, как обычно, хотя на нарушения координации я ни разу в жизни не жаловался.

– Да, это признаки того, что ненависть овладела телом, – подтвердил брат Пон.

– Насчет эмоций тут все очевидно, – я почесал висок, отмахнулся от надоедливой мухи. – Мысли о том, как защитить себя или напасть на другого, тоже легко распознать. Но вот события и осознание?

– Мысли могут быть еще и о том, что против тебя задумали нечто враждебное, – добавил монах. – Шаблоны событий, связанных с ненавистью, всегда несут на себе печать противостояния. Ты же практически сражался с этими колоколами, хотел победы. Вспомни же!

И вновь он был прав – нечто подобное тогда и происходило: я ощущал себя на поле брани, хотя никто мне не угрожал, занимался я делом вроде бы мирным и оружия при мне не было.

– Имеет значение не столько содержание поступков, сколько форма, в которую они укладываются, – сказал брат Пон за миг до того, как вопрос созрел у меня в мозгу. – Осознание же – самый трудный для начинающего объект наблюдения, его труднее всего выделить, поэтому сейчас ты вернешься в тот момент всем существом и попытаешься это сделать...

Он наклонился и взял меня за руку – едва прикоснулся, но меня встряхнуло, как от удара током. Нет, я остался там же, за кухонным столом, но одновременно словно перенесся на тропу, протоптанную вдоль навеса с колоколами, услышал их надтреснутые голоса, ощутил собственное раздражение, нырнул в поток мыслей, взвихренный, горячий.

– А теперь разделяй телесные ощущения, проходи по одному, – голос брата Пона донесся словно издали, – от ударов сердца до зуда в пятках и гадкого вкуса во рту.

Левая пятка у меня и вправду зудела, но никакого особенного привкуса я не ощущал, поскольку в тот день не ел совсем, зато пот выступал каплями на лбу и макушке, щекотал подмышки, струйки его текли по спине, и были они горячими, словно расплавленный металл. Прикосновение его к коже раздражало так слабо, что тогда я этого не замечал, просто не понимал, отчего испытываю такой сильный дискомфорт по всему телу. Сердце в груди лупило, как бешеное, виски жгло, поле зрения через каждые несколько шагов сужалось, не так сильно, как в момент бешенства, но все же заметно – по крайней мере, отсюда, из будущего.

Все мое тело было сплошным воплощением ненависти, она текла в жилах, клочкотала в груди, владела руками и ногами, заставляя их совершать странные, вихляющиеся движения!

– Хорошо, – сказал брат Пон. – Эмоции. Хотя с ними просто.

Да, чувства не скрывались, они мчались бешеным потоком: раздражение, гнев, злость – все то, без чего я еще некоторое время назад и не мыслил собственную жизнь. Потокотом этим я управлять не мог – он нес меня, словно беспомощного пловца, волок туда, куда ему хотелось.

И, странно, мне показалось, что в этом потоке я нахожусь всегда; что даже когда спокоен, все равно где-то под коркой самоконтроля таятся угли ярости, готовые вспыхнуть в любой момент.

И это мне не понравилось.

– Мысли, – монах не давал мне остановиться, безжалостно гнал вперед.

Тут пришлось сложнее, поскольку вспомнить мысли прошлого можно, лишь отрешившись от мыслей настоящего, а они сильны и норовят засосать внимание, увести в сторону. Так что я потратил, наверное, минут десять, прежде чем «услышал» то, о чем думал, когда считал колокола.

Хотя слушать там было особенно нечего – обрывки гневных восклицаний, мечтания о том, что я сделал бы с этими проклятыми штуковинами, играющими со мной в дурацкую игру, планы закончить все как можно быстрее и высказать престарелому хиппи в монашеском одеянии все, что я о нем думаю, и все это мелко нарублено и перемешано так, что получается бессвязная каша.

– Не вздумай только порицать себя! – вмешался брат Пон, и очень вовремя, поскольку я как раз собрался устыдиться: надо же, какую фигню я иногда думаю. – Холодное осознание – вот что тебе сейчас нужно!

Я кивнул, но тут мне пришла мысль, что слово «иногда» не совсем верное, что поток моих мыслей всегда такой; хотя он и разбавлен более рациональными компонентами, всегда в нем есть нотка гнева и подозрений – пусть не на главной частоте, а пробивается через статику где-то на заднем плане, но все же звучит, не замолкает даже в те моменты, когда вокруг тишь да гладь, и не дает мне расслабиться, почувствовать себя в безопасности. Как же быть, если тихий голосок постоянно шепчет тебе на ухо, что вокруг враги, что все сволочи и мечтают тебя погубить, и тебе нужно сражаться?

– Не вздумай осуждать себя, – повторил монах, и только благодаря этим словам я удержался на самом краешке жгучего стыда. – Теперь поступки. Не содержание, а форма, некий шаблон, в котором все совершается и воспринимается тобой, жизненная схема. Уловить ее поначалу сложно, но ты справишься.

Чтобы одолеть это задание, мне пришлось сосредоточиться так, что я забыл, где нахожусь. Поначалу я даже не понял, за что ухватиться, сознание заметалось от одного маленького поступка к другому – дернул за веревку последнего колокола, сказал «сто пять», отшатнулся, услышав, что это неправильно, и побрел обратно к мерзкому навесу.

Затем я почти увидел, как детали головоломки становятся на свои места и образуется цельная, единая картина, нарисованная крупными мазками: борьба за существование, оскаленные пасти, из которых несется рычание, брызги горячей слюны и крови, разрываемая плоть, бой, вечный бой, в котором нет места ни победе, ни отдыху. Перед моими глазами встала языческая Вальхалла, только не рай, а скорее, ад – и его я создал себе сам.

И создал его не в тот день, который вспоминал сейчас, а много ранее!

– Включай осознание! – брат Пон повысил голос, чтобы я услышал и понял его.

И тут все получилось с ошеломляющей легкостью: я словно перещелкнул тумблер, даже не в мозгу, а где-то за его пределами, и оказался там, где сходились четыре других потока. Только и там я не нашел покоя, а обнаружил ту же враждебность ко всему вокруг, ожидание угрозы и готовность ответить ударом на удар (а если получится, то «ответить» заранее), жужжащее облако агрессии.

Перед глазами встала языческая Вальхалла, только не рай, а ад, и его я создал сам.

И тут, по уши в осознании, я понял, что все это не временное состояние!

Я жил под излучением ненависти постоянно, она воздействовала на меня, как радиация – невидимая, но мощная, – пусть и не в такой степени, как и при подсчете колоколов, но достаточно сильно. Похоже, что возникла она не год и не два назад, а чуть ли не с рождения, и я понес ее, как тяжелый и беспокоящий груз, не замечая, но считая, что так оно и должно быть!

– Мне кажется, ты кое-что уловил, – сказал брат Пон, задумчиво оглаживая подбородок. – Увидел, насколько глубоко пророс в тебя этот корень, что на нем держится все остальное, мешающее тебе жить. Прекрасно, теперь ты знаешь, с чем сражаешься!

Я энтузиазма монаха не разделял – как можно бороться с тем, что пропитывает тебя всего, является твоей частью? Как выпарить из тела ядовитую кровь или лимфу, ведь она везде, ты ей живешь? Стоит ли стараться, бороться, если все совершенно безнадежно?

Пессимизм упал на меня, как холодная каменная плита весом в тысячу тонн. Показалось, что я не в залитых солнцем джунглях, а глубоко под землей, в пещере, из которой нет выхода.

– Только победу в этом сражении можно одержать, лишь отказавшись от самого сражения, – тут брат Пон осекся, заметил, должно быть, что со мной не все в порядке. – Ой-ой-ой. Посмотри на меня. Я родился в нищей семье и долго не знал, что такое – наесться. Жадность до еды была у меня такой, что я жрал все, до чего мог дотянуться, и воровал пищу.

Он так редко говорил о себе, что от удивления я на миг забыл о собственных чувствах.

– Не может быть, – пробормотал я.

– Думаешь, сочиняю? – брат Пон покрутил головой. – Нет, так все и происходило. Алчность правила мной, я мечтал только о том, как получить много денег, большой дом, груды еды... И вот, как видишь, сейчас я не хочу ничего, поскольку у меня есть все, – он улыбнулся, на этот раз мягко и легко, как обычно улыбаются статуи Будды в храмах.

– Так то вы, а это я, – пробормотал я досадливо.

– Ты решил заменить ненависть невежеством? – ласково поинтересовался монах. – Давай забудем о твоей несуществующей персоне, и я расскажу, какие симптомы одолели бы тебя во время подсчета, если бы ты был подвержен этому аффекту или же моей старой подруге алчности.

И брат Пон начал перечисление с газов в кишках и судорог в мышцах.

Но я его слушал не очень внимательно – на меня продолжало давить осознание того, что я чуть ли не с рождения живу в ненависти, словно рыба в воде, дышу ей и распространяю вокруг как зловоние, и самое противное – совершенно этого не замечаю, точно алкаш, который облевался и наделал в штаны, но не заметил этого, зато заметили окружающие.

Интересно, другие люди видят, какой я агрессивный и злобный гад?

ЗАМЕЧАНИЯ ПО ПРАКТИКЕ

Определение собственного ведущего аффекта – дело очень важное, аффект нужно знать, чтобы борьба с ним оказалась успешной; но в то же время дело это чрезвычайно сложное, особенно в том случае, если заниматься им приходится самому, без помощи наставника. Аффект маскируется, наше эго прячет его, на место главного корня, главной своей опоры выставляя чувства второстепенные.

Счет колоколов, который использовался в моем случае, можно заменить другим бессмысленным действием, не очень сложным, не очень простым, монотонным, но не доводящим до одурения. Любое специально придуманное занятие сработает не очень хорошо по той причине, что будет трудно забыть, для какой цели оно придумано. Но жизнь, к счастью, сама подбирает нам естественные, помимо воли возникающие ситуации, в которых приходится заниматься подобным.

Единственное, что нужно – заранее дать себе установку на то, чтобы, оказавшись в такой ситуации, в какой-то момент не слишком быстро (чтобы ситуация успела развиваться и закрепиться) «проснуться» и понаблюдать за собой, за собственным поведением, мыслями и чувствами. Для того, кто хотя бы немного потренировал гибкость восприятия с помощью ранее описанных упражнений, это будет не так сложно, ведь главная задача – поймать ведущий аффект, невежество, ненависть или алчность, а не уловить какие-то тонкости.

Подобная «охота» получается куда легче, если воспринимать себя в процессе не как живой организм, привязанный к плоти, ограниченный физическими размерами и подверженный гибели, а как поток восприятия, нечто текучее и пластичное, состоящее из пяти струй. Базовые страсти проявляют себя в каждой из этих струй, и эти отдельные проявления уловить и заметить много легче, чем их совокупность.

Струи следующие.

Первая – телесные ощущения, что обновляются каждое мгновение, сюда относятся движение мускулов, ток крови, биение сердца, дыхание, нечто воспринимаемое посредством зрения, слуха, обоняния или осязания.

Вторая – эмоции: радость и печаль, тревога и любовь, ярость и покой, ощущение приятного, неприятного или нейтрального.

Третья – мысли, рациональный ум, который работает постоянно, осуществляя расчеты, взвешивание и сравнение, проводя классификации и рождая чисто ментальные образы.

Четвертая – события, точнее их совокупности, некие схемы, гештальты, образцы, определяющие содержание нашей жизни, краткие и длительные.

Пятая же – осознание предыдущих четырех, центральная точка, где они сходятся, образуя условное единство.

Невежество обычно прорастает на уровне телесных ощущений онемением конечностей и трудностями с кровообращением; на уровне эмоций – любыми разновидностями скуки и отупения, равнодушием ко всему, что не касается лично тебя; на уровне мыслей – потерей концентрации, убеганием мыслей в далекое прошлое, где все у тебя было так хорошо, или в будущее, где все будет прекрасно; на уровне поступков – монотонностью, автоматизмом, ощущением того, что все это происходило, что занятие не имеет смысла.

Ненависть проявляет себя на уровне телесных ощущений в суетливых движениях и нарушении координации, потливости и нагревании тела, звоне в ушах; на уровне эмоций – в гневе, злости и раздражении; на уровне мыслей – в подозрениях о том, что вам угрожают, не любят и презирают, что вы сами должны напасть, что необходима победа; на уровне поступков – в том, что происходящее, вне зависимости от конкретного содержания, воспринимается как противостояние, борьба.

Алчность на телесном уровне порождает судороги, любые немотивированные неприятности с пищеварением от газов до болей в желудке, проблемы со зрением; на уровне эмоций это зависть, обычная жадность, любое стремление обладать чем-либо, чего у тебя нет, и не потерять то, что якобы есть; на уровне мыслей – размышления о том, что можно получить и чего ты лишаешься, отвлечение на мысли о других людях, участь которых намного «лучше» твоей, которые получают больше денег, славы, любви, позитивных эмоций – и всего прочего, чем только могут мериться человеческие существа; на уровне поступков любая ситуация воспринимается с точки зрения дохода-расхода, затрат и прибылей, базовой доминантой становится торопливость.

За осознанием начинающему уследить трудно, но в этом обычно и нет необходимости, четыре первых струи, из которых состоит поток восприятия, дают достаточно информации, чтобы понять, какой аффект является базовым в вашем случае. Если же есть сомнения, а симптомы из разных струй смешиваются, или даже в одной и той же струе проявляют себя признаки разных страстей, то, значит, данная ситуация не годится в качестве диагностической конкретно для вас, нужно попробовать другую.

Если не получилось с первой попытки, то имеет смысл предпринять вторую, третью – пока не добьетесь успеха. Главная сложность – вспомнить о собственной цели, «проснуться», и при этом не слишком рано, чтобы аффект успел проявить себя, и не слишком поздно, чтобы набор проявлений не начал угасать, размываться, терять четкость.

Глава 4

Геенна Невежества

«Пространством изменения» брат Пон называл небольшой участок джунглей, где я сначала выкорчевал дерево, пролив семь потов и натерев мозоли, а затем принялся рисовать на земле бхавачакру, вписанную в круг модель космоса и одновременно человеческой психики. Занимался я этим каждый день, проводил там не один час и обычно чувствовал себя во время работы комфортно и спокойно.

Но сегодня все было иначе.

Вчера мы посетили Нонгхай, и после нескольких недель затворничества я очутился среди людей. И показал себя далеко не с лучшей стороны – меня тошнило, голова кружилась, и в конечном итоге я потерял сознание. Брат Пон объяснил это, назвав благоприятными признаками, но меня его слова совершенно не утешили.

Взрослый, крепкий мужик, и шлепнулся в обморок, как немощная дева!

Кроме того, в последние несколько дней возникли неожиданные сложности в выполнении упражнений. Вначале я достиг успеха практически во всех видах созерцания, которые предложил мне наставник, но потом словно уперся в невидимую, но крепкую стену – внимание по непонятной причине рассеивалось, я не мог сосредоточиться даже на счете дыхания, а когда пытался себя заставить, очень быстро выдыхался.

Я принялся рисовать на земле бхавачакру, вписанную в круг модель космоса.

– По крайней мере, рисунок твой движется, так что ты не совсем стоишь на месте, – сказал брат Пон, когда я поведал ему о проблемах.

Ну да, вчера я закончил рисовать символы шести миров, из которых состоит космос. Получилось местами криво, но так, что с первого взгляда становилось ясно, где что находится, и я даже погордился.

Минут пять.

– А что до проблем с медитацией, – монах посмотрел на меня, склонив голову, так что косички упали на плечо, – то настало время рассказать тебе очередную историю... Слушай... Жил некогда в богатом городе муж достоинств выдающихся, из хорошего рода, умный, знающий и отважный...

– Брахман? – спросил я, вспоминая героев прежних баек.

– Нет, кшатрий, но сияющий обилием добродетелей так, что многие брахманы завидовали ему, вот только была у него одна проблема... – последнее слово настолько выбивалось из ряда остальных, что я вздрогнул и посмотрел на брата Пона: тот, судя по ухмылке, такого эффекта и хотел добиться. – Ему не нравился дом, в котором он жил. Почтенное жилище, доставшееся ему от отца с матерью, удобное и просторное, украшенное приятно для глаз, но умеренно, казалось ему маленьким и неказистым. Поэтому еще в молодые годы он решил, что построит свой дом, намного лучше.

Честно говоря, я ожидал, что мне поведают про очередную встречу какого-нибудь отшельника или самого Татхагаты с Индрой, так что начало истории меня сильно удивило. Хотя остался шанс, что кшатрий тоже заделается аскетом и удерет в лес, где духовными подвидами и привлечет внимание царя богов.

– Поэтому он пошел на службу к царю, милостивому и знаменитому, и показал себя с лучшей стороны, – продолжал монах, глядя куда-то мимо меня затуманенными глазами. – Строг он был, но справедлив, честностью отличался необычайной, ни разу не принял самой крохотной монетки мзды, никогда не жалел времени на приходивших к нему людей. Царь ценил такого

придворного и в конечном итоге сделал его главным казначеем, доверил ему весь двор и себя самого. Естественно, дал и жалование.

Ну да, топ-менеджеру положено хорошо платить, а информацию по поводу того, что он не брал взятки, отнесем на счет сказочности.

– Казначей женился, взял деву из хорошего рода, прекрасную и достойную. Родились у них дети, и тут он приступил к исполнению плана, о котором грезил с детства. Долго и придирчиво выбирал участок для будущего дома: в одном месте болото рядом, сыро и комары, в другом – вид нехорош, голое поле и буйволы, в третьем – цена такая, что разве только самому царю по карману, в четвертое не доехать, поскольку дороги нет. Наконец выбрал, – тут брат Пон вздохнул с таким облегчением, словно он сам занимался этим тяжким делом. – Рядом с ручьем, неподалеку от города, но в лесном, тихом уголке. Пригласил лучших мастеров, чтобы возвести жилище, и первые ему не понравились – один недостаточно умел, другой запросил дорого, третий сказал, что не будет строить так, как хочет заказчик.

– Какой переборчивый, – заметил я.

– Ну да, – брат Пон откашлялся. – Год он потратил только на то, чтобы определиться. Уговоров не слушал, твердил одно и то же: «Мой дом будет самым лучшим в нашей стране, один этаж для меня с супругой, другой для старшего сына, третий для младшего, пристройки для прислуги, и все хозяйственные помещения под одной крышей, чтобы удобно было в сезон дождей». Наконец пришел к нему мастер самый умелый и славный, пообещал «я построю, что ты хочешь», и работа закипела.

В этот момент порыв ветра пролетел над джунглями, зашуршали листья, закачались ветки. Мне показалось, что издалека долетел стук молотков и визг пилы: окружающий мир, я был уверен, по мере сил помогал брату Пону рассказывать историю.

– Они расчистили и разровняли участок земли, привезли лучшие камни из горных шахт для фундамента, обтесали и уложили их, потом начали складывать стены, – монотонно вещал монах, и в такт его словам жужжали насекомые и верещали птицы. – Отличнейшее дерево, без малейшего изъяна доставили из лесов, крепкое, не подверженное гнили, способное удержать прохладу и не пустить в дом ветер и сырость. Поставили каркас и начали обшивать досками. На все это ушел не один год и даже не два. Старший сын у казначея вырос и сам задумал жениться, начал искать супругу, но ни одна из девушек родного города, которых предложили родители, ему не понравилась, увы. Поэтому он отправился в соседнее царство и там нашел ту, что пришлась ему по сердцу.

Я кивнул – бывает такое, один из моих однокашников, москвич, отыскал супругу даже не в Хабаровске, а в каком-то поселке на Амуре.

– Поженились они, приехали к родителям жениха, а дом, где должны жить, еще не готов. «Подождите, – сказал им казначей. – Скоро будут ваши покои удобны и роскошны. Стены готовы, кровля положена, осталось только сделать окна и украсить все как полагается».

– Это как прораб, который ремонт на московской квартире делал, – не удержался я. – «Подожди, друг, совсем чуть-чуть, крохотный вещь остался, розетки-марзетки воткнуть, обой-шмабой поклеить». И так месяц, второй, полгода, и ничего не сделали.

Тут уж брат Пон глянул на меня грозно, и я приложил палец к губам, показывая, что дальше буду нем как рыба.

– Для окон казначей захотел отличное стекло, полированное, тонкое и прозрачное. Позолота для наличников и краски для конька его не устроили, поскольку они были слишком блеклыми, и понадобилось добывать новые... А тут еще умер мастер-строитель! Пришлось искать нового, чтобы довести дело до конца... Жена пилила казначея, говорила: «Давай уже закончим и поселимся в доме», но он не сдавался и твердил: «Мой дом должен быть лучшим, я не могу обитать в жилище, где отовсюду торчат изъяны и недоделки!» Старший сын тем времен

обзавелся собственными детьми и вынужден был снимать дом в городе, младший же полюбил беседовать с мудрецами и бродячими отшельниками и задумался о том, чтобы надеть рясу.

Окружающий мир, я был уверен, по мере сил помогал брату Пону рассказывать историю.

Да, в этой истории, похоже, если кто и уйдет в лес, то не главный герой, и Индры я не дождусь, но тем интереснее.

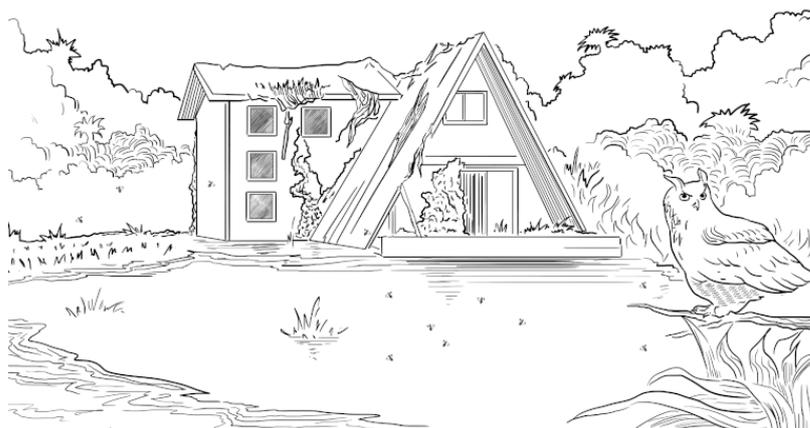
– Не один год ушел на окна, на украшения, покрывавшие все три этажа, от крыши с высоким коньком до подвала, где должен был храниться припас для большой семьи. «Осталась мебель! – воскликнул казначей. – Лучшая, самая долговечная и крепкая, чтобы радовала глаз и веселила сердце и удобство создавала такое, словно ты на небесах».

Легко догадаться, как отреагировала на подобное заявление его супруга!

– Печаль тронула сердца жены и сыновей его, когда стало ясно, что и тут глава семьи не уступит, – брат Пон выразил все, как и положено в сказке, несколько витиевато. – Младший сын окончательно решил стать монахом, несмотря на уговоры родителей. Заявил он, что жизнь домохозяина не привлекает его, и как ни расписывал казначей прекрасный новый дом, что вот-вот будет закончен, оставался младший отпрыск непоколебимым. И в этот самый момент случилось с главой семьи то, что случается со всеми, кто приходит в этот мир посредством рождения, а именно умер он, хоть был еще крепок. Рыдания в тот день раздались во множестве мест, ведь любили его и в царском дворце, где он ни разу не перешел дороги никому, и в бедных кварталах, где знали его как помощника в беде. На похороны пожаловал сам правитель с большой свитой, и сотни людей пришли из всех частей столицы.

Сказку, в которой главный герой взял и умер и на этом дело не закончилось, могут рассказывать только там, где перевоплощение – норма.

– Отзвучали рыдания, развеяли пепел из костра, политого маслами благовонными, – продолжил брат Пон. – А казначей за заслуги свои при жизни, щедрость и поступки благородные возродился на небесах, в облике мелкого божества из свиты Индры, и прежнюю жизнь свою не забыл. И вот решил он посетить дом, который все же достроил. Посмотреть, как живут там его близкие, сбылось ли то, о чем он мечтал...

Тут монах сделал паузу, давая мне проникнуться важностью момента, а когда заговорил снова, то голос его зазвучал мрачно и грозно:

– Увы, нашел он лишь костяк, брошенный и мрачный, там, где хоромы, полные веселья и голосов, встретить ожидал! Драгоценные стекла кое-где выпали и разбились, гордый конек

покоился, фундамент поехал, под него натекло воды, и никто не потрудился ее отвести, а внутри поселились лишь змеи, мрачные филины и насекомые!

– И жена-сколопендра? – уточнил я, но брат Пон шутливого тона не принял.

До конца жизни в небесных обителях так и оставался он печальным, ничто не радовало его.

– Вдова казначея покинула мир людей вскоре после мужа, и куда привела ее карма, ему знать было не дано, – сообщил он печально. – Умер и прежний царь, а его наследник показал себя несправедливым и алчным тираном, жестоким угнетателем подданных. Старший сын казначея вместе с собственными отпрысками уехал на родину жены, где обзавелся другим жилищем, не таким грандиозным и роскошным, но удобным и достойным. Младший же надел рясу монаха и удалился в монастырь, где проводил время в молитвах, созерцании и изучении священных текстов. Поэтому дом, на который казначей потратил всю жизнь, оказался никому не нужен, превратился в заброшенные, мрачные руины. Зарыдал он горестно и полетел обратно ко дворцу Индры, сетуя на собственную горькую судьбину. И до конца долгой жизни в небесных обителях так и оставался он печальным, ничто не радовало его.

И монах замолчал, выжидающе глядя на меня.

– Время морали? – спросил я, и он кивнул.

– Ну, не стоит тратить все время и ресурсы на то, чем не воспользуешься, – предположил я, вспоминая друга Севу, который точно так же строил дом в Подмосковье, надеясь поселиться в нем всей семьей, с женой и тремя дочерьми, но денег не хватало, и пока дело дошло до обстановки, дочери вышли замуж и разъехались, так что огромное строение оказалось просто не нужным.

– И на что именно?

Самый явный ответ «на дом» был столь же явно неверным, и я почесал затылок.

– На что люди обычно тратят всю жизнь, без остатка? – поинтересовался брат Пон. – Даже те, у которых нет ничего, кроме одежды на теле и самого этого тела, грязного, запущенного и помятого? О чем мы с тобой недавно говорили, что это всего лишь имя?

И тут я понял.

Брат Пон не так давно мысленно разобрал на запчасти легковушку, пытаясь добиться от меня ответа, какая же из ее частей является «автомобилем». Тогда я заявил, что «автомобиль» – лишь название совокупности разных агрегатов. Он же в ответ сравнил нашу личность с машиной и заявил, что и она – не более чем название для набора элементов, фикция, а не что-то реально существующее.

– Собственное «я», – проговорил я.

– Именно! – воскликнул монах. – Его мы создаем и украшаем с первых дней в этом мире, его мы имеем при себе до последнего вздоха, заботимся о нем и таскаем с собой. Сможем ли мы забрать его после того, как смерть придет и разрушит то, чем ты являешься?

При воспоминании о смерти я поежился.

Брат Пон несколько дней назад показал мне ее – черное облако, клубящееся за плечами чуть ниже затылка, едва не касаясь спины, леденящее, отвратительное, готовое атаковать в любой момент.

– Сомневаюсь, – выдавил я.

– Тогда какой смысл цепляться за нее с силой обезьяны, у которой пытаются отнять банан? – спросил монах, и мартышки поддержали его из крон нестройным визгливым хором. – Ты же продолжаешь хвататься за Эго, тот образ себя, к которому привык, и именно это тебе мешает. Ты продолжаешь находиться в когтистых лапах невежества, и оно не дает тебе идти дальше. Но тут нужно выбирать – или любимое «я», или освобождение.

Я мрачно вздохнул и устался в землю.

– Но как говорили в древности – глупец, который знает свою глупость, тем самым уже мудр, а глупец, мнящий себя мудрецом, глупее всех на этом свете, – сказал брат Пон. – Поэтому не все с тобой так безнадежно.

– Но я же не невежа, – пробормотал я обиженно. – Я много всего знаю.

Мы на эту тему разговаривали, и монах тогда высмеял как меня, так и весь наш помешанный на бесполезном знании западный мир, но его точкой зрения я все равно не проникся.

– Невежество – это не отсутствие знаний, – проговорил брат Пон терпеливо. – Невежество – это неспособность видеть реальное положение вещей, то, что есть на самом деле. Это искажение сознания, загрязнение восприятия, его можно сравнить с темными очками из волнистого стекла, которые ты носишь, не снимая, и поэтому не видишь ни истинного цвета неба, ни настоящей формы листьев, ни даже того, как выглядишь ты сам. Причем ты не догадываешься о существовании этих очков, думаешь, что все в порядке, что так и должно быть.

– Ну ладно... – концепция мне не понравилась. – Но вы же мне все объяснили? Почему тогда я не перестал воспринимать все неправильно?

– Потому, что моих объяснений недостаточно, – брат Пон улыбался мне, как ребенку, непонятливому, упрямому, но все же любимому. – Нужны твои действия. Измениться ты можешь только сам.

– Ну да, «не бог, не царь и не герой», – вспомнил я песню времен социализма, – «добьемся мы освобождения своею собственной рукой».

Поскольку цитату я произнес на русском, то монах посмотрел на меня недоуменно. Когда перевел, как смог, он рассмеялся и заявил, что это сочинил человек, понимающий не только в поэзии.

– Мнящие истину в ложном и видящие ложное в истине никогда не познают истины, ибо их удел – ложные намерения. Принимающие истину за истину и ложное за ложное достигнут истины, ибо их удел – истинные намерения, – сказал брат Пон. – Придется мне повторять все еще не раз, и вовсе не потому, что ты туп, а из-за наличия невежества в том потоке восприятия, которым ты являешься. Мои речи, твои размышления по их поводу, упражнения, которыми ты занимаешься, пусть не всегда успешно – все это, условно говоря, «поднимает температуру» потока; те вирусы, которые в нем обитают – а главный из них зовется «невежество», – чувствуют себя все более неуютно, и начинают понемногу гибнуть, и в какой-то момент умрут, исчезнут без следа в миг. Только тогда ты поймешь, о чем я говорил тебе.

– Но пока этого не случилось, можно же описать невежество как-то рационально? – спросил я.

– Можно. Вот прекрасное определение, данное в старинном мудреном сочинении, – брат Пон принял важный вид и продекламировал: – «Что есть авидья? Отсутствие истинного знания, полного осознания своих подлинных способностей, которое распространяется на все три сферы индивидуального существования. Его функция – быть основой догматизма, сомнений и омрачения относительно подлинной реальности». Помогло это тебе?

При воспоминании о смерти я поежился. Брат Пон несколько дней назад показал мне ее.

Последнюю фразу он произнес обычным голосом. – Не особенно, – признался я.

– Тогда разберемся, что к чему, – брат Пон удовлетворенно потер ладошки. – Неведение делится на пять видов: ложная вера в существование личности, собственного «я», собственно ложные воззрения любого вида, привязанность к крайним точкам зрения вроде материализма, привязанность к еретическим верованиям, привязанность к ложной ритуальной практике вроде жертвоприношений. Но список этот составили две с половиной тысячи лет назад, когда животных во славу богов резали чуть не каждый день, он несколько устарел, и нас с тобой интересует исключительно первый пункт.

– А вдруг я тайком убиваю черных котов во славу Сатаны? – изобразил я юмор.

– Я бы заметил, – брат Пон погрозил мне пальцем. – Ты подумай над всем этим. Вернемся к разговору позже, а то чего-то заболтались, тебя ждет сначала метла и святилище, потом топор и заросли кустов позади склада, а затем медитация... Вперед!

Я закричал и начал вставать.

Тащиться куда-то и что-то делать по жаре не хотелось, но я знал, что в процессе мне станет легче: сомнения и сильные чувства уйдут, на смену им явится ощущение, что я занят чем-то полезным, работаю над собой, а значит, так или иначе меняюсь, пусть даже этого сам не замечаю.

* * *

Тему моего «затыка» брат Пон оживил в тот же день, после того как я заменил один из столбов навеса с колоколами. Столб подгнил и покосился, грозя обрушиться если не всю конструкцию, то ее часть, так что пришлось мне повозиться, убирая его, изготавливая и ставя на место новый.

– Хорошо, тело ты нагрузил, – сказал монах. – Теперь займем твой ум и внимание – островок невежества, плавающий в собственных заблуждениях, точно старый обмылок в грязной луже.

И вновь он подобрал – нарочно – такое сравнение, от которого меня покорило.

– Понятно, что на борьбу с ним нацелены все вещи, которыми ты здесь занимаешься, – брат Пон ухмыльнулся. – Завтра будешь рыть новую выгребную яму, и не просто так! Ты будешь делать это вовсе не потому, что старая наполнилась и ее пора закопать, а ради того, чтобы угасить пламя авидьи. Однако существуют и специальные упражнения против этого аффекта. Вспомни первую проповедь Будды, когда он повернул Колесо Дхармы... я тебе рассказывал.

Я честно попытался, но из памяти вытащил только упоминание о четырех благородных истинах.

– Это верно, но там было еще много всего... Начал Татхагата с того, что двух крайностей следует избегать тому, кто жаждет освобождения – приверженности к плотским удовольствиям и приверженности к умерщвлению плоти и самоистязанию, поскольку и то и другое – вульгарно, неблагородно и неразумно.

Я очень хотел сказать, что в Тхам Пу меня как раз цинично и беспрестанно подвергают умерщвлению плоти и всяческому истязанию, но благородно промолчал.

– Затем, – продолжил брат Пон, не отводя внимательного взгляда от моего лица, – Татхагата провозгласил четыре благородные истины и растолковал слушателям (а было их всего пятеро), что такое Восьмеричный путь.

Разговор о нем у нас тоже случился, и хотя все пункты из списка я не запомнил, кое-что в мозгу засело – правильная речь, правильное действие, правильный образ жизни и сосредоточение. Подробно эти вещи монах пока не растолковал, но обещал это непременно сделать в будущем.

– Нас интересует первая благородная истина, самая важная, с которой все начинается, – тут голос брата Пона стал гулким и звонким, словно через него заговорил кто-то другой. – Все есть претерпевание: рождение – претерпевание, старость – претерпевание, болезнь – претерпевание, смерть – претерпевание, грусть, печаль, тоска – претерпевание, встреча с горестным – претерпевание, расставание с радующим – претерпевание, неполучение желаемого – претерпевание.

...Я занят чем-то полезным, работаю над собой, а значит, так или иначе меняюсь.

Тут я сильно удивился, поскольку слышал это, но в первый раз – я помнил хорошо – использовалось существительное «*suffering*», то есть «страдание», тут же монах использовал слово «*undergoing*», образованное от глагола «*undergo*» – претерпевать, подвергаться, переносить.

– Замечательный вопрос, – сказал он, когда я поинтересовался, в чем дело. – Исходный термин пришел из санскрита, «духкха», и его значение лежит как раз между «страданием» и «претерпеванием», первым его смысл целиком не исчерпывается. «Духкха» – далеко не всегда напрямую мучение или боль, она может выглядеть иначе, но это всегда нечто, как бы налагаемое на нас снаружи, принуждающее нас к чему-либо, нежеланное.

Я кивнул, и брат Пон некоторое время смотрел на меня оценивающе.

– Это тебе еще рано знать – забудешь, но ничего, я тебе напомню, когда будет надо, – сказал монах. – Татхагата же продолжил свою проповедь словами «При мысли „вот благородная истина о претерпевании“ появляется во мне видение, появляется знание, появляется мудрость». То есть появляется все то, в чем ты в данный момент нуждаешься! А поскольку ты от Будды не отличаешься...

Я скептически покачал головой.

– Ты есть тот, кто воспринимает и осознает, Будда есть тот, кто воспринимает и осознает, и с этой точки зрения вы совершенно равны, – сообщил брат Пон укоризненно.

– Но тогда Будда не отличается и от любого другого живого существа! – воскликнул я.

– Именно так, – подтвердил монах, оставив меня сидеть с открытым ртом. – Червячок, копающийся в падали, равняется Татхагате, свинья в луже равняется Татхагате, даже человек равняется Татхагате!

И он засмеялся, довольный произведенным эффектом.

– То есть, – проговорил я, – мне нужно вспоминать благородную истину о претерпевании, чтобы победить невежество... и это все, так просто?

– Кто живет в созерцании наслаждений, необуздан в чувствах, ленив, того сокрушает Мара, как вихрь – гнилое дерево, – брат Пон наверняка цитировал очередной древний священный текст, о котором я ничего не знал. – Того же, кто живет без созерцания наслаждений, сдержан в чувствах, полон решимости и энергии, – не может сокрушить Мара, как вихрь не может сокрушить скалу из гранита. Необходимо не просто вспоминать истину о претерпевании раз в неделю или раз в месяц (поскольку это очень редко, и просветляющего эффекта в этом случае не будет) – ее необходимо созерцать как объект медитации.

Я заморгал, пытаюсь схватить концепцию.

Как можно положить в основу медитации нечто лишнее материальности, набор фраз, комплект идей?

– Тот, кто созерцает первую благородную истину, уподобляется Татхагате, который открыл ее, обретя просветление под деревом бодхи, и таким образом получает пусть маленький, слабый, но отблеск от того мощного сияния, которое сделало отшельника Шакьямуни Буддой, – сказал брат Пон. – И если созерцать ее регулярно и осознанно, то отблеск станет сильнее, и под его лучами невежество будет съеживаться, уменьшаться, хиреть и чахнуть.

Это выглядело логичным, но я по-прежнему не понимал, как будет выглядеть процесс созерцания. Ранее у меня всегда имелся некий объект, начиная с дыхания и заканчивая тем же цветком в баночке или многоножкой, на которых я учился отстраиваться от абсолютных качеств.

– Я просто должен вспоминать это и произносить вслух? – поинтересовался я.

– Это не помешает, – признал брат Пон. – Но на самом деле все не так элементарно. Слова покажутся тебе лишь словами, и ты быстро привыкнешь к ним, станешь произносить автоматически, не вдумываясь, если вообще не перестанешь о них вспоминать. Нет, как только ты решил заняться созерцанием первой благородной истины, немедленно вызови из памяти один из приятнейших моментов собственной жизни. Наверняка есть такие.

Есть – а как же. День защиты диплома, когда я понял, что все, с учебой покончено... Первая ночь с Машей, которую я любил безумно и хотел на ней жениться так, что руки тряслись... Первая крупная сделка, когда я неожиданно осознал, что могу делать деньги, сам, без помощи других, и деньги настоящие, а не какую-то там зарплату!

– Да, – сказал я. – Вот, например...

– Не называй! – остановил меня брат Пон. – Вспоминай. В подробностях.

Хорошо, пусть будет Маша... интересно, где она сейчас и как у нее дела... Небольшая комната в общежитии, но один сосед уехал на выходные к родителям, а другой ушел ночевать к подружке; стол без скатерти, тусклый свет лампочки, плакаты с рок-звездами на стенах, Цой, Джаггер, кто-то еще... Обычный запах подгоревшей жратвы доносится с кухни, за стеной надывается магнитофон, выплевывая матюки от «Сектора газа»... Дешевое вино в граненых стаканах, и она... блестящие глаза, насмешливые и безумно красивые, кудрявые волосы, пахнущие не лаком, как почти у всех девчонок тогда, а чем-то другим, пряным, экзотическим... Мои оговорки и ее смех...

– Только не увлекайся! – вмешался брат Пон.

Я понял, что вспоминаю совсем уже интимные подробности, дыхание мое учащается, по лицу течет пот, а некоторые части тела реагируют почти так же, как тогда. Накатил стыд, но только на мгновение, поскольку я осознал, чем именно занимаюсь, и вспомнил, что значение имеют не чувства сегодняшнего дня, а то, что я переживал тогда.

– Вспомнил? Хорошо ведь?

Я ничего не сказал, только слегка мотнул головой, побоялся, что если заговорю, то соблю концентрацию.

– Теперь ищи, где в этой ситуации кроется претерпевание, кроется страдание, – голос брата Пона звучал вкрадчиво. – В эмоциях ли, в мыслях, в событиях или в теле. Исследуй все струи того потока, которым ты являешься сейчас и которым ты являлся тогда – являлся всегда. И для этого потока не существует времени – только лишь пространство... – последние слова он почти прошептал, я их, скорее, угадал, нежели услышал.

Я понял, что вспоминаю совсем уже интимные подробности, дыхание мое учащается...

Страдание? Откуда? Все тогда было просто отпад, я едва не пел!

Но тут безжалостная память начала подсовывать детали, давно мной забытые. Первый миг свидания испортило то, что я пролил вино себе на штаны и ужасно психовал, что останется пятно, а это были единственные клевые джинсы у бедного студента из провинции. Когда дошло до раздевания, я не смог снять с Маши бюстгалтер, от волнения не сумел его расстегнуть, она засмеялась, и этот смех как нож вонзился мне в сердце. Потом оказалось, что ей в постели нравится одно, а мне совсем другое, и хотя мы в конечном итоге договорились, осадок все же остался.

Ну, и утром она заявила, что ей нужно идти, что ее ждут дела, а я не хотел ее отпускать. И хотя мы даже не поругались, я все равно почувствовал, словно от меня отрезают кусок моей собственной плоти. Оставшись в одиночестве, я едва не бросился с кулаками на Цоя, Джаггера и прочих, а вечером напился с парнями из соседней комнаты.

Куда ни посмотри – сплошное претерпевание, оно же страдание.

И это в момент, который я считал одним из наиболее счастливых!

– Я и не сомневался, – заявил брат Пон, когда я ему пересказал все, что обнаружил. – Увы, закон един для всех, и работает он всегда. Теперь вспоминай другой случай...

Первую крупную сделку я помнил лучше, поскольку не так туманилась голова, но оказалось, что и тут я забыл некоторые важные подробности: бешено нервничал, ожидая, что вместо пачки капусты «деловой партнер» быковатого вида достанет из кармана пушку; от летней московской духоты болела голова; а получив на руки огромную по всем меркам сумму, я с ужасом осознал, что ее придется как-то сохранять, во что-то вкладывать, прятать как от рэкетиров, так и от родимого государства со всеми его органами.

– И тут то же самое, – упавшим голосом проговорил я, прогнав всю ситуацию перед внутренним зрением, – хотя это был успех, и вся деловая карьера началась с этого дня. Проклятье.

– Только эмоциям не поддавайся, – посоветовал брат Пон. – Это лишь созерцание. Вовсе не переоценка твоей жизни, а подчеркивание ее определенного компонента, конкретной стороны. Надеюсь, ты осознал теперь, как именно выполняется созерцание?

– Вспоминаю приятное событие... – я нахмурился, загнул мизинец на левой руке. – Вспоминаю во всех подробностях и начинаю искать в нем проявления первой благородной истины, страдания, претерпевания, – тут я загнул безымянный палец. – Любые их проявления, от шекотки и физической боли до каких-то препятствий и потерь, – вслед за собратьями последовал средний палец.

– И не поддаешься в процессе эмоциям, – брат Пон наклонился вперед и загнул мой указательный палец, а затем присоединил к остальным большой, добавив значительно. – Практикуешь во всякий свободный момент, когда вспомнишь.

С этим он, конечно, пошутил, поскольку свободных моментов у меня практически не было: я работал как папа Карло, помогал на кухне и в храме, таскал воду и стирал белье, рисовал бхавачакру, а вдобавок медитировал разными способами, и утром, и вечером, и в знойный полдень, и в ночной тьме.

* * *

Но я честно попытался выполнить наказ брата Пона.

В первый день вспомнил о главной благородной истине четыре раза, и дважды у меня нашлось время заняться ее созерцанием. Получилось не так ярко и живо, как в присутствии наставника – рядом с ним все выходило куда лучше, – но все же получилось. На следующий день вспомнил дважды, один раз созерцал, а на третий день забыл начисто.

Первую крупную сделку я помнил лучше, поскольку не так туманилась голова...

На четвертый разозлился на себя, но хватило меня снова на один раз.

– Ничего удивительного, – сказал брат Пон, когда я обозначил ему проблему. – Несуществующее эго очень хочет жить и цепляется за невежество, которое для него – словно вода для путника в пустыне. Тебе нужен волшебный инструмент просветления. – И какой же? – спросил я подозрительно.

К каверзам со стороны монаха я вроде бы привык, но все равно не мог догадаться, что именно он замыслил.

– А вот этот, – брат Пон предъявил бамбуковую палку, и я поежился.

Этот «инструмент» он пустил в ход, когда мы начали работать с желаниями. Принялся лупить меня по плечам и спине в самые неожиданные моменты, не сильно, но очень неприятно.

– Э... ну... – я замялся. – Но как? Я сам должен колотить себя этой штукой?

– Я бы хотел на это посмотреть, – брат Пон вытаращил глаза и изобразил кровожадный оскал. – Но, увы, ты просто забудешь, что это нужно делать, так что нет. Отправляйся в лес

и срежь себе такую же палку, думая при этом о первой благородной истине, ни на мгновение не выпускай ее из сознания. Потом оставь на видном месте там, где непременно зацепишься взглядом несколько раз в день – у входа в туалет, например. Каждый раз, когда ты будешь видеть ее, ты обязательно вспомнишь, ради чего изготовил.

– И все мое созерцание будет проходить в отхожем месте?

– А что, место не хуже других, – брат Пон легонько постучал меня по лбу пальцем. – Святость вовсе не в том помещении, где много изображений Будды и бодхисаттв, она внутри тебя.

Бамбука в окрестностях было немало, и «инструмент просветления» я сделал без труда. Расположил там, где посоветовал монах, и это сработало – я шел по нужде, что происходило достаточно часто, и непременно замечал палку, вспоминал и какое-то время созерцал первую благородную истину.

Затем это прекратило работать: кусок бамбука стал привычным элементом пейзажа. Но тут вмешался брат Пон, пустивший в ход свой инструмент, и как обычно, в тот момент, когда я меньше всего этого ждал.

– Ай! – воскликнул я, выныривая из мыслей о переполненном кишечнике. – Что?

Он просто указал своей палкой на мою, и я покраснел.

– Ищи новое место, – велел монах. – И так каждые несколько дней. Сражайся. Придумывай. Только постоянная бдительность и неистощимая энергия помогут тебе. Вспомни слова Татхагаты: «Те, кто бесцельно бродят по мирам рождения и смерти то в одном облике, то в другом, – являются таковыми только из-за присущего им неведения. Ведь лишь пребывая в полном заблуждении, они, отупевшие и слепые, продолжают рождаться и умирать. Только знающий прекращает мучительную цепь рождения-смерти».

Цитата эта непонятно почему вызвала у меня прилив энтузиазма.

Я установил палку рядом с кухней, и там она снова начала «лупить» меня по взгляду. Затем перетащил в «пространство трансформации», где проводил немало времени, работая над бхавачакрой.

К этому времени мое созерцание первой благородной истины сильно изменилось: сначала это был тяжелый, эмоциональный, иногда даже мучительный процесс, меня мотало от восхищения до депрессии, но потом грубые эмоции ушли, я стал наблюдать за прошлым бесстрастно. И всякий раз, о чем бы я ни вспоминал, я всегда находил в счастливых моментах нотки страдания.

То мне что-то все же не нравилось, то я осознавал, что это все ненадолго и вот-вот закончится, то жалел об упущенных возможностях, то мне мешал банальный физический дискомфорт, не сильный, не способный все испортить, но ощутимый – боль, зуд, судороги. Почти всегда успех оказывался не таким сладким, радость не такой яркой – потому что и то и другое неизбежно сменялось печалью и неудачей. И я об этом знал.

Если даже не вспоминал, то где-то на уровне подсознания чувствовал.

– Ты делаешь успехи, – сказал брат Пон как-то после ужина, поймав мой обращенный на «инструмент просветления» взгляд: только вчера я вернул его в столовую. – Невежество твое уже не столь черно и непроницаемо, облако его рассеивается. Ведь так? Сам же чувствуешь?

Да, проблема с практикой, из-за которой мы и завели разговор об авидье, исчезла. Снова появилась легкость концентрации, я смог вернуться на прежний уровень, а в некоторых техниках – например, с теми же абсолютными качествами или «это не я, это не мое»¹ – даже продвинулся.

– Конечно, – не стал закипать я.

– Тогда избавься от этого костыля, – монах указал на палку. – Он больше не нужен.

¹ Эта медитация подробно описана в книге «Просветленные не ходят на работу». – Прим. автора.

И я безропотно послушался, хотя всю жизнь, сколько себя помнил, имел обыкновение привязываться к таким вот не особенно нужным, но ставшим родными предметам. В школе у меня была линейка, которую я проносил с собой с первого класса до последнего; в институте я хоть и курил совсем недолго, на первом курсе, но успел обзавестись «счастливой» зажигалкой, из желтого металла, с симпатичным иероглифом на боку, уж не знаю, настоящим или бессмысленным набором кривых.

Сломанная палка улетела в заросли.

– Очень хорошо, – заметил брат Пон. – Она могла стать корнем привязанности.

– Да, я понимаю, – проговорил я. – А сколько мне еще практиковать созерцание? Всю жизнь?

– Через какое-то время оно настолько войдет в твою плоть и кровь, что тебе не понадобится вспоминать о нем, ты просто будешь видеть все – и прошлое, и настоящее, и будущее с точки зрения первой благородной истины, без печали, спокойно и мудро, – сказал брат Пон задумчиво. – И тогда ты поймешь, что практика больше не нужна. Медитация эта особенно полезна тем, у кого невежество – основная страсть, но это не твой случай.

Всякий раз я находил в счастливых моментах нотки страдания...

Я вздохнул – о ненависти, заполнявшей и отравлявшей все мое существо, я помнил.

– Ну а кроме того, никогда не забывай, что невежество есть основа просветления, – продолжил монах.

– Это как? – не понял я.

– Ну, во-первых, с осознания своего невежества начинается путь к избавлению от него. Во-вторых, именно с истины о невежестве начинают излагать учение об освобождении. В-третьих, как в темноте всегда содержатся зародыши света, а в свете – зародыши тьмы, так и в невежестве прячутся ростки просветления. И суммируя все, что я сказал, – невежество есть не больше и не меньше, чем низшая степень просветления, – говорил брат Пон серьезно, но глаза его смеялись (наверняка его веселило мое выражение лица).

Я же, и это было удивительно, понимал, о чем он говорит, и не поверхностным разумом, а чем-то много более глубоким.

ЗАМЕЧАНИЯ ПО ПРАКТИКЕ

Первая благородная истина очень важна, не случайно с нее начал свою проповедь в нашем мире Будда Шакьямуни, именно с ее помощью он осуществил первый поворот Колеса Дхармы. Причем важна она не только как теоретическое положение, но и как основа конкретных практических действий.

Переводят ее на русский язык в нескольких вариантах, хотя отличаются они лишь в деталях. Необходимо помнить, что русское «страдание» несет не совсем тот смысл, что санскритское «духкха», второе имеет скорее оттенок претерпевания, подвергания, чем мучения и боли.

Очень коротко первую благородную истину можно выразить следующим образом: «Все есть претерпевание: рождение – претерпевание, старость – претерпевание, болезнь – претерпевание, смерть – претерпевание, грусть, печаль, тоска – претерпевание, встреча с горестным – претерпевание, расставание с радующим – претерпевание, неполучение желаемого – претерпевание». Этот факт Татхагата осознал в процессе просветления, поэтому тот, кто даже просто вспоминает первую благородную истину, переживает то же самое просветление (пусть и в ином, куда меньшем масштабе) – и чем чаще вспоминает, тем сильнее переживает.

Но куда эффективнее первую благородную истину созерцать, сделать ее объектом медитации.

Для этого выбирают одно из самых приятных событий в собственной жизни и вспоминают во всех подробностях. А затем, когда картина стала ясной, ищут в ней штрихи, нанесенные кистью страдания, кистью претерпевания – любые проявления дискомфорта, мучения, нестабильности, подчинения тому, чему не хочешь подчиняться.

Они есть всегда, только наше «я» очень ловко наводит на воспоминания лоск, прячет подобные вещи.

Главное в процессе созерцания – не поддаваться эмоциям: ни эмоциям прошлого, которые мы невольно вспоминаем вместе с остальным, ни эмоциям настоящего, которые могут оказаться совсем иными и не уступить первым в силе. Важно просто наблюдать, смотреть и отслеживать, стараясь пропитаться пониманием того, что страдание, а точнее, претерпевание – неизбежно.

В следующий раз выбирается второе событие, потом третье и так далее.

Эта практика особенно показана в начале пути освобождения или для людей, у которых невежество является базовой страстью. Ограничений по времени тут нет, если получается, то можно созерцать первую благородную истину и несколько раз в день. А в определенный момент она настолько входит в сознание, что невежество рассеивается, и отдельная медитация становится ненужной.

Сколько времени пройдет до того, как это случится, сказать трудно – все индивидуально, – но при регулярных упражнениях это займет не менее двух-трех месяцев.

Но самого по себе созерцания в данном случае мало, поскольку наше эго тоже хочет жить, и оно неизбежно будет бороться, используя такое мощное средство, как забывчивость. Необходим еще «инструмент просветления», который будет напоминать о необходимости постоянной практики.

В моем случае это была палка – сначала палка в руках учителя, затем моя, – из которой я сделал напоминание. Но можно использовать что угодно, даже сигналы будильника в телефоне, выставляя их на несколько раз в день через неравные интервалы (хотя практичность данного варианта выглядит сомнительной).

В идеале нужно выбрать некоторый предмет, достаточно яркий, чтобы быть заметным, и не просто купленный в магазине, а сделанный самостоятельно – любым образом. Во время этого «делания», в чем бы оно ни состояло (принести из леса, связать, сшить, собрать), активно вспоминаем первую благородную истину – всем существом, телом, эмоциями, а не только разумом. Затем размещаем предмет там, где взгляд за него непременно зацепится несколько раз в день (чем больше, тем лучше).

Благодаря мощной эмоциональной зацепке, закрепленной в момент создания «инструмента просветления», его вид вызовет ассоциации, которые приведут к первой благородной истине. Ну а истину, едва это произошло, нужно при возможности начать созерцать – пусть недолго, пять минут, главное, чтобы «удар палки» не пропал втуне. Каждые несколько дней предмет необходимо перекладывать на новое место, поскольку если этого не делать, то он станет частью фона и глаз перестанет за него цепляться.

Впоследствии, при настойчивой практике вырабатывается самодисциплина, и «инструмент просветления» теряет актуальность – он как костыль, необходимый тому, кто сломал ногу до момента, когда кости срастутся. Затем от него необходимо избавляться, иначе он может стать еще одним источником привязанности.

Глава 5

Пламя алчности

Мое хорошее настроение не могли испортить даже насмешки брата Пона.

Мы только что вернулись из похода в деревню, и там меня вновь атаковали собаки. Однако в этот раз я не поддался злости и страху и сумел осуществить сдвиг восприятия, превратить атакующих барбосов в наборы не связанных друг с другом элементов: мохнатая пыльная шкура, розовый язык, зубы, глаза – и все это отдельно, словно висит в воздухе. Удивительно, но псы ощутили перемену во мне и быстро потеряли агрессивность.

– Теперь ты можешь работать дрессировщиком, – заявил брат Пон, когда мы уселись под навесом. – Если хочешь, то мы поймаем в лесу змею и поселим ее с тобой. Обучишь ее, наловчишься играть на дудочке и будешь ездить по деревням, зашибать деньги.

Монах употребил выражение «*laugh all the way to the bank*», и я в очередной раз поразился его знанию английского языка: я эту идиому слышал один раз в жизни, и очень давно.

– Нет, – лавры дедушки Дурова меня не прельщали, – не гожусь я в дрессировщики. Никогда особенно не нравилось стоять на сцене, чтобы на тебе сходилась свет прожекторов и все на тебя пялились. – А что нравилось? – брат Пон резко посерьезнел. – Зачем ты занимался бизнесом?

Я задумался.

– Ну... ради безопасности... которую дают деньги... ощущения того, что тебя никто их не лишит... Наверное, так.

– А они точно это дают? – спросил монах. – Не отвечай, это риторический вопрос. Я лучше расскажу тебе историю из того времени, когда Татхагата был воплощен в облики зайца. Обитал он в прекрасном лесу: густые заросли деревьев давали прохладную тень, травы, цветы и плоды имелись там в изобилии, и в воде никто не знал недостатка, поскольку через лес протекала полноводная река, а в нее впадали говорливые ручьи.

В голове у меня нарисовалась картинка почти райской идиллии.

– Благодаря накопленной белой карме тело он имел мощное и прекрасное, обладал силой, которой обычно не отличаются слабые звери, а одеяние аскета из мочала заменяла ему блестящая шкура, укрывавшая его и от жары, и от потоков воды в сезон дождей.

Мне представился заяц-качок, весь в мышцах, но с благодистой улыбкой на морде и почему-то в трусах. – Гхм, – произнес я, подавляя смех.

– А ну-ка не отвлекайся, – брат Пон тут же заметил, что со мной происходит. – Помышлениями и разумом он также выделялся, и поэтому все звери, даже самые тупые, дикие и хищные, почитали его, старались удерживаться от злодеяний, а иногда даже собирались, чтобы послушать его слова мудрости.

Мое хорошее настроение не могли испортить даже насмешки брата Пона...

Разыгравшееся воображение подсуло мне сцену прямиком из мультфильма: громадная поляна, на пенке сидит заяц, машет лапами, что-то объясняя, его слушает медведь, открыв пасть и тараща сонные глазки, рядом пытается осознать, что происходит, мрачный кабан, а из реки торчит зеленая крокодиля морда, выражая интерес вовсе не кулинарный.

Красивую иллюзию разбил удар палки, обрушившийся мне на плечо.

– Ой, – сказал я и порадовался тому, что не обиделся и не разозлился.

Брат Пон прав – он наставник, и я должен слушать его со всем вниманием.

– Так намного лучше, – произнес монах, откладывая «инструмент просветления». – Лучшими же друзьями Татхагаты, пребывавшего в облики зайца, были выдра, шакал и обезьяна.

Отношения их полнила почти родственная любовь, мудрость возрастала от совместных бесед и созерцаний, и дружбы такой меж животными мир никогда не видел.

По моему мнению, из идиллии несколько выбивался шакал, при упоминании которого мне вспомнился мерзкий Табаки из советского мультика про Маугли, подвизавшийся при Шерхане. Но моим мнением никто не интересовался, поэтому я молчал в тряпочку и слушал дальше.

– Каждый из них забыл о низменной стороне собственной природы, о воровстве и жестокости, – продолжал брат Пон. – Были они словно наилучшие отшельники из рода людского, чтущие святой закон праведности и стойкие в исполнении своих обетов. Поведением таким они вызывали изумление не только в своем лесу, но и за его пределами, и даже в мире богов слышали о них.

Ну а где боги, там и Индра, без которого в прежних сказках дело обходилось редко.

– Однажды вечером выдра вылезла из воды, обезьяна спустилась с дерева, шакал прибежал из чащобы, и все вместе они отправились туда, где обитал Татхагата, чтобы послушать его наставления и покаяться в свершенных прегрешениях, если такие найдутся, – говорил монах размеренно и неторопливо. – Солнце уже зашло, и на горизонт выбралась прекрасная огромная луна, будто сделанная из серебра, проливая на лес потоки света. «Совсем немного не хватает ей до полноты», – заметил шакал, разглядывая ночное светило. «Завтра полнолуние, первое после сезона дождей, – вспомнил Татхагата. – Обозначает это, что ждет нас праздник, отмечают который особым почитанием гостей. Поэтому любого, кто завтра в лес наш явится, должны мы будем угостить лучшим, что у нас есть. Ведь встреча, о мои друзья, кончается разлукой, за взлетом идет падение в пропасть, жизнь непостоянна, поэтому нужно пользоваться каждым моментом, чтобы другому благодеяние оказать».

Затем он помянул духовные заслуги, которые накапливаются исключительно таким образом, и сообщил, что при большом количестве заслуг ждет друзей перерождение куда лучше нынешнего, когда в телах звериных должны они пребывать.

Буддой он тогда еще не был, но проповедовать, судя по всему, умел на «пятерку».

– «Месяц блеском волшебным превосходит звезды, хотя их тысячи, а солнце затмевает все светила – и все это благодаря щедрости поступков, свершенных в прошлом, – разливался соловьем брат Пон. – Несчастье же омрачает путь того, кто заслуг лишился, кто жаден, кто не спешит на помощь тем, кто в полнолуние у порога его дома оказался. Направим же помыслы на то, чтобы завтрашний день использовать как можно лучше, ведь жизнь безжалостна, ибо неведомо никому, удастся ли нам дожить до луны следующего года?» «Истинно так!» – воскликнули шакал, выдра и обезьяна, после чего обошли наставника слева направо и отправились готовиться к наступающему дню.

Буддой он тогда еще не был, но проповедовать, судя по всему, умел на «пятерку».

Монах на мгновение замолчал, глядя вдаль и словно вспоминая что-то.

– Но сам Татхагата, когда его друзья ушли, остался пребывать в глубокой печали, – продолжение сказки меня удивило: разве может быть нечто, способное расстроить зайца-аскета? – Подумал он, что у других есть возможности что-то приготовить, если придет к ним гость, сам же он лишен пасти, как у шакала, умения нырять, как у выдры, цепких конечностей и хвоста, которыми славится обезьяна; что зубы его тупы и пригодны лишь для того, чтобы травы пучки срезать, а предложить такое – позор и стыд на все три мира! Но тут пришла ему на помощь мудрость, возросшая за сотни воплощений на пути к свободе, и радость пробудилась в сердце, поскольку понял он, как может все исполнить! Уловив же намерение его, вздрогнула, словно от радости, сама земля, и даль отозвалась громыханием могучим, поплыли в небе синем облака, а ветер овеял Татхагату облаком из ароматной разноцветной пылицы!

Да, таких спецэффектов не устыдился бы сам Спилберг, как и того приема, который использовал хитрый брат Пон – о решении героя сказал, но в чем оно состояло, не уточнил, заставив меня нетерпеливо ежиться.

– И вот сам Индра, царь богов, решил испытать, насколько велика святость Татхагаты, – ну, этот сюжетный поворот я ждал, и тем не менее он меня не разочаровал. – Приняв обличие брахмана, он в лес явился в час после полудня, когда солнце жарит с силой страшной, когда даже в тени ходить и бегать трудно, и даже птицы не летают, и только цикады стрекочут громче и громче. Притворился он, что отбил от каравана, заблудился, измучен телом и душой, и на всю чащу завопил: «На помощь! Спасите же! Утратил я способность различать дорогу, не знаю я, куда иду! Голодом и жаждою томим».

– Похоже, что у него только и было дел, что испытывать всяких отшельников, – пробормотал я.

– А почему нет? Дело полезное, и кому этим заниматься, если не царю богов? – брат Пон выразительно пожал плечами. – И вот животные, услышав голос, быстро побежали туда, где ждал их путник, и, обратившись с приветствием к нему, заговорили: «Отринь же страх, почтенный, рядом с нами ты в безопасности, никто тебя не тронет. Известны мы святостью в лесах, и ни один хищник на тебя ни лапы, ни зуба не поднимет. Окажи нам милость, будь гостем нашим ты сегодня, а завтра мы тебя проводим, куда нужно». Понятно, что Индра, роняя слезы притворной радости, на это согласился.

У меня мелькнула мысль, что не такие уж благородные эти звери, если они принимают гостя только ради того, чтобы накопить духовные заслуги и переродиться потом людьми, асурами или богами.

– Шакал, помчавшись к своей норе, принес лучшее из пищи, что у него было. Поскольку к падали он чувствовал отвращение, то оказались это яйца, найденные им в брошенном гнезде (снесшую их птицу то ли охотник подстрелил, то ли случай погубил). «Отведай их, путник! – воскликнул он. – И силы твои вернутся, силы твои удесятятся». Выдра же, нырнув в жилище свое, принесла семь толстых рыбин, запутавшихся в тине, бездыханных, уже не способных ожить, но годных в пищу для того, кто хочет подкрепиться. «Прими же их и над огнем пожарь! – сказала она, кланяясь почтительно. – Утешат они голод твой и дух возвеселят. Окажи же нам благодеянье, дары приняв». Обезьяна в свою очередь...

Ну, тут все было ясно, примат оказался богат разнообразными плодами, сочными и мягкими, в самом расцвете спелости, без изъянов, трещин и пятнышек, и принес он их столько, сколько уместилось в четырех лапах.

– Остался лишь Татхагата, в облике зайца пребывавший, – брат Пон понизил голос. – И вспомнил он решение вчерашнее свое, от которого земля сотряслась и небо громом разродилось... И выступил вперед, поклонился и такую речь повел: «У зайца, обитателя лесистой чащи, нет ни риса, ни овощей, и молока, и даже рыбы он добыть не в состоянии. Так значит же... возьми мое тело, – монах заговорил громче, – приготовь его на огне, подкрепи свои силы! Нечего отдать мне больше, нечем послужить тебе, о путник!»

Вот это поворот!

Такое в голову действительно может прийти только человеку... в смысле зверю, который долго и упорно занимался медитацией в глуши и проповедовал для крокодилов.

– Тогда же проговорил Индра, укрытый под обликом брахмана: «Как могу я убить живое существо? К тому же такое, что проявило ко мне дружелюбие и сострадание!» Заяц же ответил: «Да, тому, кто постиг Веды, приличествует мирное поведение, но все же не покидай нас, останься в этом лесу, ведь я нашел способ почтить тебя достойно в честь сегодняшнего праздника». И царь богов силой своей заставил появиться костер, который прогорел с невероятной быстротой, оставив кучу углей, сверкавших как рубины.

– Вот гад, – пробормотал я. – Хотя чего еще ждать от бога?

Брат Пон кивнул, не прерывая речи:

– И Татхагата, увидев те угли и не обращая внимания на жалобные взгляды друзей, сказал: «Нельзя день сегодняшний без щедрости провести, и когда еще будет такой шанс? Пусть не будет напрасным деяние мое, что только от тебя зависит, о почтенный путник». Обезьяна закрыла глаза лапами, шакал отвернулся, а выдра попыталась остановить друга, но заяц с великой радостью бросился в угли, словно ныряющий в пруд человек, истомленный зноем!

Монах замер с вскинутой рукой, замер и я, ожидая развязки.

– И Индра, пораженный столь великим духовным совершенством, заставил погаснуть угли, не успевшие опалить даже волос из чудесной шерсти Татхагаты-зайца. Принял он истинный свой облик и почтил своих хозяев словами приятными и целым потоком даров небесных, цветов и ароматов, пожеланий благих и обещаний будущего возрождения. «Иной с разорванной одеждой или старой корзиной расстаться не может, этот же расстался с телом – и не ради себя или родича, а ради незнакомца, путника чужого!» После же благодаря его воле изображение зайца появилось на диске луны, побудившей Татхагату к этому подвигу, а выдра, обезьяна и шакал тоже заняли место на небе, но уже в виде созвездий.

– А на луне точно есть заяц? – спросил я, когда стало ясно, что рассказ окончен.

– Есть, и в ближайшее полнолуние я тебе его покажу, остальных же – хоть сегодня, – брат Пон глянул на меня испытующе. – Ну что, отыскал ты столь любимую тобой мораль?

– Тут все ясно, – сказал я. – Жадность – это плохо, хотя с собственным телом... пожалуй, перебор.

– Не совсем жадность, – на последний мой комментарий монах не обратил внимания. – Алчность, вторая базовая страсть, проявляет себя не только накопительством. Вспомним слова древних – «как в дом с худой крышей проникает дождь, так в плохо развитый ум проникает вожделение, и как в дом с хорошей крышей не проникает дождь, так в хорошо развитый ум не проникает вожделение».

Я пожал плечами.

Насколько я помнил, деньги всегда интересовали меня не сами по себе, а лишь как вещь, без которой не прожить: шмотки я не копил, к дорогим машинам или оружию был равнодушен, коллекций не собирал. Так что я не очень понимал, к чему затеян разговор.

– Хочешь сказать, ты здесь ни при чем? – осведомился брат Пон, и этот невинный вопрос почему-то вывел меня из себя.

– Естественно! – заявил я раздраженно. – Я не аскет и телом вряд ли пожертвую, только вот скопидомом никогда не был, и друзьям всегда помогал, и родителям квартиру отремонтировал, и жадным меня если кто и назовет, то кто-то из врагов, а их у меня не...

Изображение зайца появилось на диске луны, побудившей Татхагату к этому подвигу.

Хотел сказать «не так много», но монах перебил меня:

– Вот видишь, как ты защищаешься? Обороняешь то, чего вроде бы не существует. Откуда злость?

Я заявил угрюмо:

– А оттуда, что вы меня обвиняете в какой-то ерунде!

– В ерунде? – глаза брата Пона, черные, как маслины, решительно сверкнули. – Давай поговорим о женщинах. Да, с последней подружкой ты жил долго, но что было ранее и почему ты выбрал именно ее? Не отвечай сразу, посчитай вдохи, успокойся, подумай.

На то, чтобы обрести ровное эмоциональное состояние, мне понадобилось некоторое время.

– Ну да, – признал я без охоты. – Менял девиц как перчатки, ну и они липли...

За последнюю фразу мне стало стыдно, и я заткнулся.

– Коллекционировал, – резюмировал брат Пон. – Причем отборных, лучших. Выбирал таких, чтобы, глядя на них, другие мужчины завидовали тебе, испытывали вождеделение и гнев. И последняя была точно такой же – отличным украшением, которое плохо годилось для того, чтобы с ним жить и тем более вести хозяйство и растить детей.

Я открыл рот, собираясь возражать, но неожиданно осознал, что монах прав. Я вспомнил, как отчаянно еще в школе пытался добиться внимания Маринки, первой красавицы нашего класса, и не потому, что она меня особенно привлекала, а из-за того, что находиться рядом с ней было престижно.

В институте случилась любовь, а помимо нее – череда красоток, которых я старался затащить в постель. Продолжил я эту забаву после того, как получил диплом, и даже здесь, в Таиланде, не сразу смог остановиться.

– Пока у мужчины не искоренена страсть к женщине – пусть даже самая малая, – до той поры сознание его привязано подобно теленку, не способному жить без молока матери, – сказал брат Пон и, должно быть, заметив страх на моей физиономии, добавил: – Только не бойся, никто не ждет, что ты дашь обет безбрачия... – и он захихикал.

Я понял, что вспотел и сердце бьется отчаянно.

– А я уже испугался, – пробормотал я, вытирая лоб. – Зачем вы так со мной, а?

– Ну да, вы, фаранги, привыкли к другим наставникам, благостным и добрым, которые говорят приятные слова, приносят комфорт и счастье тому, кто их слушает, – улыбка монаха выглядела откровенно презрительной. – Вот только путь к свободе не может состоять только из комфорта и счастья, особенно на первых этапах, при грубой работе. Вернемся к твоей алчности... женщины – только самое явственное ее проявление.

Да, мне всегда было дискомфортно, если я оставался без подружки – я просто ощущал себя неполноценным. Беспокойство заставляло пускаться на поиски, и смотрел я в первую очередь на внешность, на ухоженность, а на недостатки вроде истеричности или глупости особенного внимания не обращал.

Словно выбирал себе вещь, роскошный аксессуар.

– Кроме того, ты же не избавился от невежества? – факт был очевидным. – Невежество же неизбежным образом порождает алчность, ну а та проявляет себя множеством путей. На поверхности лежат скупость, страсть к накоплению богатства, обыкновенная жадность, которой хоть иногда, но подвержены все, пусть в разной мере...

Мне с неожиданной яркостью вспомнился случай из того давнего времени, когда я только начал ходить в детский сад. Среди игрушек там нашелся пластмассовый рыцарь на коне, он показался мне настоящим сокровищем, и я тут же захотел его забрать себе, унести домой, чтобы он принадлежал только мне.

А когда мне сказали «нет», то случилась настоящая истерика.

– Алчность проявляет себя похотью, желанием обладать другим человеком. Проявляет себя бесстыдством, наглостью, завистью, отчаянием, унынием и вялостью, аффектами, замутняющими сознание так, что оно становится похожим на грозовую тучу.

– А чем бесстыдство отличается от наглости? – спросил я.

Мне всегда было дискомфортно без подруги – я просто ощущал себя неполноценным.

– Первое – отсутствие чувства стыда по отношению к собственным прегрешениям, – объяснил брат Пон. – Оно может никак не проявляться внешне, живет внутри человека. Наглость – отсутствие чувства стыда перед другими людьми.

– Но вы же говорили, что стыдиться других не нужно? – я почесал в затылке.

– Тому, кто уверенно встал на дорогу к освобождению, – совершенно не нужно. Поскольку в какой-то момент другие люди становятся таким же грузом, таким же источником привязанности, как и все остальное. Но простому человеку, живущему в этом мире... – монах покачал головой, – наличие стыда позволяет найти эту дорогу и вступить на нее. Понимаешь?

Я неуверенно кивнул и поинтересовался:

– А отчаяние, уныние и вялость – они здесь при чем?

С завистью все выглядело очевидным: тот, кто жаден, непременно позавидует тому, у кого есть больше или лучше, – как я не мог перенести, когда у кого-то была подружка красивее моей, бесился и даже прекращал отношения, хотя тогда не очень понимал, по какой причине.

– Отчаяние овладевает нами в моменты, когда мы понимаем, что не в силах получить то, на что нацелила нас алчность – большой красивый дом, новую быструю машину, поездку в далекую экзотическую страну, картину в собственную коллекцию или кроссовки как у соседа.

При слове «кроссовки» мне стало жарко, кровь прилила к лицу.

Случился такой эпизод уже в школе, классе в шестом, когда я занимался спортом. Хорошие шмотки тогда было достать сложно, СССР восьмидесятых это вам не Россия начала двадцать первого, и американские «найки», в которых как-то явился на тренировку парень на год старше, поразили меня и даже на некоторое время поселились в моих снах.

А когда после разговора с отцом стало ясно, что мне ничего подобного не светит, я испытал самое настоящее черное отчаяние.

– Ну да, – сказал я.

– Вялость и уныние возникают по той же самой причине, но первое являет себя на телесном уровне, – продолжил объяснение брат Пон, – руки опускаются, голова клонится, а второе поселяется в сердце и живет там долго, постоянно шепча на ухо: «Ничего ты не добьешься, ты никчемный, глупый и слабый», – и справиться с ним ой как трудно.

И это состояние было мне знакомо: с ним приходилось бороться, когда я только начал заниматься бизнесом, вращаться в мире фарцовщиков, рэкетиров, красных пиджаков и безумного риска, где состояния делались и терялись за невероятно короткий срок. Поначалу у меня не выходило ничего, я крутился, словно две белки, впрягшиеся в колесо, но постоянно наткнулся на какие-то препятствия, и ясное дело, что это меня не радовало.

Уныние висело надо мной как холодный туман, а по утрам не хотелось вставать с постели, чтобы звонить, ехать на переговоры, на склад, в банк... и все без толка!

– Да, – проговорил я, – теперь понятно. А вот...

Но на этом месте расспросы пришлось закончить, поскольку донесшийся с кухни звон возвестил, что нас ждет роскошная трапеза из риса с овощами. На нее я поплелся в отвратительном настроении – надо же, всего за какой-то час мне убедительно растолковали, что я закоренелый сквалыга! – и с гудящей от тяжких мыслей головой.

* * *

Рассказывал брат Пон, как обычно, ярко и образно, играя голосом и жестикулируя. Вот только образы, возникавшие в моем воображении от его слов, в этот раз меня совсем не радовали.

– Существуют также ады маленькие, так сказать частные, возникшие благодаря действиям в прошлом, совершенным небольшим количеством живых существ, а иногда даже одного; и находиться они могут даже на поверхности земли, а не под ней – в пустыне, в дикой чаще, безлюдных горах, – вещал монах так убедительно, что я верил во все. – Иногда в них попадают любопытные путешественники, а потом рассказывают дикие вещи о древних чудовищах, прилетевших с других планет существах и мертвых городах. И попадание туда нельзя назвать приятным – оно часто ведет к ранам и даже смерти.

Понятно теперь, откуда ноги растут у «Затерянного мира» Конан Дойля и баек о пришельцах, и ясно, почему люди порой исчезают непонятно как и непонятно почему: идешь ты по джунглям, а тут – раз! – инфернальный тираннозавр откусывает тебе голову, или лезешь на Эверест, а инфернальный йети сбрасывает тебя в пропасть.

По спине у меня пробежал холодок, а свет керосиновой лампы, озарявшей мою хижину, показался очень-очень слабым.

– Преисподняя же для всех – выемка в форме египетской пирамиды с отрезанной верхушкой, внизу она много шире, чем вверху, – брат Пон не собирался останавливаться. – Разбита она на восемь ярусов, и более мрачные ады находятся ниже, хотя как можно сравнивать?

Дальше я узнал, что каждый ярус устроен по принципу горячего центра и ледяной периферии: основной горячий ад окружен четырьмя дополнительными, а на окраине кольцом располагается основной холодный. Услышал я и имена вместилищ для грешников, начиная от самого протяженного и глубокого, Авичи, где томятся те, кому мучиться предстоит целые эпохи, за которым последовали Арбуда, Нирарбуда, Атата, Хахава, Хухува, Падма, Махападма и другие.

На Махападме мозг мой впал в ступор, и прочие имена я не запомнил.

– Это же лишь описание состояний, в которых может находиться восприятие человека? – уточнил я, вспоминая слова брата Пона о том, что буддийскую космографию можно понимать двояко.

– И что это меняет? – сказал монах. – В любом случае это область существования. Единственное, что нам доступно, – это восприятие, и если ты воспринимаешь ад, то ты в нем находишься.

Идешь по джунглям, а тут – раз! – инфернальный тираннозавр откусывает тебе голову.

Ну да, реальность больного раком наверняка ужаснее подземелья с котлами, сковородами и скачущими вокруг чертями.

– Ведь адская жизнь – это тоже жизнь, об этом говорят все древние трактаты, – добавил брат Пон, – пусть даже эта жизнь не очень похожа на то, что понимаем под ней мы, обитатели мира людей. В Авичи, где протяженность жизни измеряется кальпами, попадает активно проповедующий невежество, тот, кто отсекает корни благого. Когда же карма исчерпывается, греш-

ник умирает, чтобы родиться у нас, в мире претов или асуров, а может быть, стать животным. Мучения во всех адских обиталищах различные...

Уныло я слушал, что в аду Санджива тела разрубают и разрезают на части, но затем они срastaются, чтобы снова быть рассеченными; что в Кукуле используют раскаленные уголья; в Кунапе погружают в зловонные нечистоты, кишасщие агрессивными и хищными червями, от которых нет защиты.

– Поскольку во всех адах, кроме Авичи, мучения время от времени прерываются, там присутствует и страдание перемен, – вещал брат Пон с вдохновением в голосе. – Такие перемены говорят нам о том, что у обитателей адов могут быть и приятные моменты (по контрасту с неприятными, конечно), не может быть только нейтральных. Мучение или иллюзия наслаждения – иного им не дано, и поэтому там не может быть ясности сознания, оно постоянно искажено и замутнено.

– А в какой ад попадают алчные? – спросил я, чтобы прервать эту «поэму».

Сегодняшний разговор не шел у меня из головы, поскольку я всегда считал, что жадности лишен, и тут такой поворот.

– По-всякому бывает, – ответил брат Пон. – На самом деле все страсти связаны. Невежество, алчность и ненависть – части одного процесса, вспомни свою бхавачакру!

Да, на колесе судьбы черная свинья невежества, зеленая змея ненависти и синяя курица алчности стремились друг за другом, образуя круг, основу для всего остального.

– И поэтому нет человека, который избавился бы только от одного загрязнения. Избавиться от одного – значит победить все три, потому что они связаны тысячами незримых нитей. Тот, кто не знает истинного положения вещей, верит в существование «я», неизбежно хочет для этого «я» всего хорошего и побольше и ненавидит других, кто ему в этом мешает, – судя по тому, с какой легкостью монах сменил тему, он либо рассказал об адах все, что хотел, либо с самого начала все спланировал, куда свернет беседа.

– Так значит, нет никакой надежды избавиться от алчности? – спросил я.

– Почему? Просто для тебя она является не главным аффектом, а второстепенным. Тому же, у кого ситуация иная, может помочь созерцание смерти, хотя практиковать его без наставника я никому не советую, это даже опасно, – брат Пон покачал головой. – Можно сойти с ума.

Если он имел в виду опыт с черным облаком за спиной, то я был полностью согласен: всякий раз, когда я о нем вспоминал, у меня мороз шел по коже даже в знойный тайский полдень и одолевало желание обернуться.

– Хотя есть и более мягкая версия, – произнес монах после небольшой паузы. – Когда тебе захочется чего-либо – не важно, существо противоположного пола, дорогие часы или пачку денег... – помысли о том, сможешь ли ты взять этот предмет с тобой на другую сторону смерти. Обдумай этот вопрос со всех сторон, со всей серьезностью, взвешенно. Эффективен в данном случае сам мыслительный процесс, а не вывод, к которому ты придешь. Даже если ты решишь, что любимую собаку или драгоценный камень можно положить тебе в могилу, то это не имеет значения, поскольку тебя в могиле уже не будет.

Если бы в этот момент в блеске молний нам явился царь богов, я бы не удивился.

Представив, как меня хоронят по образцу древнего вождя с женщинами, лошадьми, всяческим богатством, я не удержался от улыбки.

– Здесь тебе хотеть особенно нечего, я об этом позаботился, – эту фразу брат Пон озвучил с показной важностью, вдобавок задрал подбородок и оттопырив нижнюю губу, показывая, насколько он велик и славен. – И практиковаться в этом ты будешь не сейчас. Когда-нибудь тебе придется оставить нас, и вот тогда...

В сердце кольнуло, я чуть ли не впервые за время пребывания в Тхам Пу осознал, что рано или поздно буду вынужден уехать, а я как раз почти привык, мне даже начало нравится – суровая простота, занятость с утра до вечера и с вечера до утра, никакого пустого времени, постоянная осмысленность существования или хотя бы попытка его добиться.

А ведь дома, в Паттайе все будет совсем иначе.

– Полезно еще упражнение по созерцанию собственного тела, – продолжил монах. – Что может принадлежать тебе, если даже собственная плоть не является твоей собственностью, она лишь нечто, данное тебе взаймы? И что вообще свое может быть у потока сознания, состоящего из пяти струй, кроме впечатлений, чувств и ощущений? Отобразить же их не сможет даже сам Индра, если неожиданно решит посетить нашу скромную обитель!

Если бы в этот момент раздался громовой раскат и в блеске молний перед нами явился царь богов, я бы не удивился.

– Но наиболее эффективно другое упражнение, и им тебе придется заняться, – услышав это, я встрепенулся, сонливость, подкрававшаяся на мягких лапах, с недовольным ворчанием отпрянула.

Брат Пон поправил лампу, огонь которой совсем ослабел, и продолжил:

– Алчность проявляется двумя главными путями, один сводится к тому, чтобы сохранить то, что у тебя есть и что ты пометил как «свое»; а второй – к тому, чтобы получить нечто такое, что ты хочешь сделать «своим» (людей, деньги, награды, достижения). Человек, идущий этими путями, стремится брать, тащить к себе и держать. Значит... – он сделал паузу, – чтобы не ходить по ним, нужно как можно больше отдавать!

Мне вспомнился Татхагата, готовый пожертвовать фальшивому брахману даже собственное тело, и я поежился.

– Практика же выглядит очень просто: берясь за любое дело, будь это подметание пола, рисование бхавачакры или жевание риса, всегда думай в процессе, что именно в этот миг ты отдаешь другим.

И монах замолчал, с улыбкой разглядывая меня.

– Но... Ладно, с подметанием пола... я выдаю другим чистоту, хорошо, – мысли воровались в голове с некоторым трудом, и мне приходилось напрягаться, чтобы приводить их в движение. – Но при жевании риса? Что именно можно отдать? Слюну? Звуки чавканья и бурчания в животе?

Брат Пон рассмеялся, покачивая головой из стороны в сторону.

– Если совсем грубо, то ты кормишь не только себя, но и всех существ, что обитают в твоём теле, – сообщил он. – И кто тебе сказал, что они не могут быть объектом даяния?

– Но это же паразиты!

– А ты – нет?

На это я не нашел что ответить: мы, люди, не более чем черви на теле матери-земли и приносим ей немало вреда.

– Если же чуть более тонко, то при жевании риса ты делаешь ненеправильным труд тех, кто его вырастил, и вполне можешь отдать им собственную горячую благодарность, – мне показалось, или в голосе брата Пона зазвучал упрек. – Часто ты о них вспоминаешь?

И вновь он меня уел.

Нет, я никогда не думал о тех, благодаря кому на моем столе появляется еда.

– Ну хорошо. А бхавачакра?

– Ты не один в этом лесу, а священное изображение оказывает благое действие на любого, кто его увидит. Да, оно способно изменить лишь жизнь того, кто его рисует. Однако даже мимолетный взгляд на нее может оказаться полезным для пролетающей птицы, скачущей по веткам макаки или лесного духа.

– А тут есть духи? – спросил я, но брат Пон не дал увести себя от главной темы.

– Кроме того, исполняя духовную практику, ты работаешь на благо всех живых существ, сколько бы их ни было в нашем мире и в других мирах, и поэтому она имеет смысл, даже когда у тебя вроде бы ничего не получается, – сообщил он. – Ну что, понял? Во всякий момент времени, чем бы ни занимался, ты должен помнить и осознавать, что ты отдаешь другим, отдаешь миру, а если вдруг не видишь такого, то придумать, что отдать.

– Понял, – проговорил я, хотя уверенности в этом вовсе не испытывал.

* * *

Практиковать я начал следующим утром, с того момента, когда меня разбудили ни свет ни заря. Отправившись в туалет, я старался думать о том, что хорошо работающий организм позволит мне послужить другим, хотя такая логика не выглядела убедительной. Затем дело пошло легче, поскольку меня отправили за водой, а трудно придумать что-нибудь более удобное, чем тяжелая неоплачиваемая работа, если ты хочешь отыскать проявления своего альтруизма. Потом меня встретила подруга-метла и полумрак храма, где мне полагалось убрать огрызки ароматических палочек, заменить песок в огромной чаше, куда их ставили, и подмести пол.

Удивительно, но за весь день я ни разу не забыл о том, что должен отдавать что-то в каждое мгновение. Зато следующим утром просто не вспомнил об этой медитации, словно ее и не было – преспокойно занялся своими делами и не обеспокоился до самого заката, когда брат Пон врезал мне палкой и спросил:

– Что и кому ты отдаешь в данный момент?

Я дернулся и замер, потирая ушибленное плечо.

Я чистил морковь для ужина, но при этом думал о родственниках в России, а не о том, что могу дать окружающим.

– Отвлекся... немного... извините... бывает же... – забормотал я, сам понимая, что выгляжу жалко.

– Нет, ты не отвлекся, – брат Пон разочарованно цокнул языком. – Не надо врать. Самообман – страшнейшая форма обмана. Скажи, насколько часто ты помнишь о других?

Этот вопрос поставил меня в тупик.

За весь день я ни разу не забыл, что должен отдавать что-то в каждое мгновение.

О других людях вспоминаешь, когда тебе кто-то требуется, кто-то встал на твоём пути, мешает или просто оказался в поле зрения и чем-то привлек внимание – одеждой, поведением или внешностью...

– Иногда, – сказал я.

– На самом деле практически никогда, поскольку чрезмерно поглощен собой, – огорошил меня монах. – А как ты можешь что-то отдавать, если отдавать просто некому?

Я застыл с открытым ртом, потому что осознал, что это правда.

Налетели мысли, попытавшиеся ее замаскировать, укрыть под лоскутным одеялом из фальши, но я даже бороться с ними не стал – дождался, когда они исчезнут. Признать тот факт, что для меня люди, даже самые близкие, всегда были фоном, оказалось болезненно, но я смог это сделать.

– Когда-нибудь ты поймешь, что других людей на самом деле не существует, – сказал брат Пон, и челюсть моя отвисла еще ниже, едва не до пупка. – Для бодхисаттвы, чья жизнь есть служение другим, спасение других из пут сансары, никого не существует, некого спасать, но тем не менее он многие сотни долгих кальп исполняет свой долг – заботится о благе многочисленных живых существ и жертвует всем ради этого.

– Многочисленных существ, которых нет? – слабым голосом осведомился я.

В какой раз монах заставил мой ум онеметь, высказав нечто на первый взгляд совершенно бессмысленное.

– Именно так. Только не пытайся понять, иначе придется сдать тебя в психушку, – брат Пон захохотал, довольный произведенным эффектом.

– Так делать-то что? – спросил я, когда вернулась способность мыслить и говорить.

– Практиковать «памятование о даянии» прилежно и упорно, другого пути нет, – мне достался оценивающий взгляд. – А для того, чтобы тебе было за что зацепиться, чтобы ты помнил о существовании других, можно кое-что сделать прямо сейчас... Закрывай глаза.

Я выполнил указание, и по телу моему прошла слабая дрожь.

Сюрпризы брата Пона оказывались всегда ошеломляющими и никогда – банальными.

– Представь себе весь мир, всех населяющих его существ от крохотных червей внутри твоего тела до исполинских китов в океанских волнах, от птиц в вышине до ползающих по дну на глубине страшилищ – как можно ярче, а я тебе немного помогу...

Картинка возникла под опущенными веками. Земной шар, окруженный облаками, и миллиарды двигающихся точек на нем, кишаших, перемещающихся, сражающихся, пульсирующих, и каждую я мог видеть одновременно, хотя и не понимал, как это возможно: волк в заснеженном лесу застыл, подняв морду, пингвин в водной толще, клоп на ветке, стрекоза на цветке. Меня словно размазало на невероятное множество кусочков, разорвало на клетки – все они остались мной, и каждой стало нестерпимо больно.

Чтобы описать это, не хватило бы слов во всех языках мира.

Все попытки одновременно? Прижигание обнаженных нервов? Не знаю.

Кричать я не мог, думать тоже, только наблюдать, перескакивать с одной точки восприятия на другую, не тратя на это времени: клещ впивается в сочную плоть, дельфины играют в волнах, парит в голубизне кондор, земляные черви копошатся под пашней, но всюду разлито страдание в разных видах, претерпевание в многочисленных формах.

Меня словно размазало на невероятное множество кусочков, разорвало на клетки...

В следующее мгновение я вернулся под кухонный навес и дернулся, словно от удара, хотя никто меня не бил – просто остаточная боль от только что пережитого рассеялась не сразу. Вечерняя духота показалась мне в этот момент прохладой, а мир вокруг – ненастоящим, грубо нарисованной декорацией из нелепых строений, переплетенных стволов и ветвей.

– Что... что это было? – спросил я, пытаюсь справиться с дрожью в руках.

Пришлось даже отложить нож, с помощью которого я чистил морковь.

– Примерно так воспринимает мир бодхисаттва, – сообщил мне брат Пон. – Неприятно? Я кивнул.

– А это продолжалось всего лишь несколько секунд, он же живет в этом постоянно. Хотя ты видел только самый верхний слой – то, что в какой-то степени доступно твоему сознанию. Есть и блаженство, и восприятие истинной природы реальности, и чувство долга, и мудрость, которую ты пока не в силах ощутить.

Дрожь в руках прошла, и я снова взял нож, зная, что кухонную работу с меня никто не снимет.

– Зато теперь ты точно будешь помнить о том, что в этом мире есть другие существа, – добавил брат Пон. – И на какое-то время их наличие станет для тебя истиной.

– На время?

– Конечно. Все истины временные, правда некоторые живут очень-очень долго, – монах заулыбался, откровенно довольный собой.

Я же его хорошего настроения не разделял – я знал, что сегодняшнее переживание останется со мной на какое-то время, оно будет напоминать о себе, являться во снах. Такая перспектива меня, откровенно говоря, не радовала.

ЗАМЕЧАНИЯ ПО ПРАКТИКЕ

Созерцание смерти – упражнение очень полезное, и существует несколько его версий. Большинство из них по-настоящему опасно практиковать без присмотра опытного учителя, и я настоятельно не рекомендую обращаться к любой иной его форме, кроме той, что описана ниже.

Мягкая модификация используется для того, чтобы ослабить аффект алчности. Выполняется это упражнение в тот момент, когда вас одолевает сильное желание получить что-то – деньги, украшения, машину, квартиру, высокую должность, предмет искусства. В такой момент необходимо остановиться и, ни в коем случае не подавляя желания, а просто наблюдая за ним, размышлять о том, каким образом объект вожделения пригодится вам после смерти.

Имеет значение не вывод, к которому вы придете, он может быть сколь угодно практичным или смехотворным, а сам процесс. Если он осуществлен верно, то желание не просто угасает, а сменяется противоположностью – не отсутствием желания, а пониманием того, насколько бессмысленным было само желание.

В храме Тхам Пу у меня не было возможности заниматься этой практикой – я обратился к ней позже. Главная проблема обнаружилась в том, чтобы вспомнить о созерцании смерти в момент возникновения желания, ведь если оно достаточно сильно, то затмевает все остальное.

Тут может помочь техника «инструмента просветления», о которой рассказано в прошлой главе.

Первую неделю я вспоминал далеко не всегда, но я не отступал, поскольку упорство должно быть положено в основу любой практики. Потом дело пошло лучше, и примерно через месяц созерцание смерти начало выполняться автоматически, мое сознание настраивалось на него само, едва возникала необходимость, и я пользовался им, пока она не исчезла.

Упражнение не считается сложным, и я склонен полагать, что за несколько месяцев его способен освоить любой.

Сколько использовать?

Пока не станет ясно, что оно более не нужно, пока такие желания не прекратят возникать или пока сама практика не сделается настолько привычной, что исчезнет необходимость уделять ей отдельное внимание.

Вторая медитация также выполняется постоянно, а не в специально отведенное время, когда сидишь со скрещенными ногами и закрытыми глазами. Именуется она «памятование о даянии» и состоит в том, чтобы в каждом деле, любом занятии находить аспект отдачи – что именно в этот момент вы отдаете другим живым существам и миру. Варианты могут быть самыми разными, от хорошего настроения и улыбки, которые могут помочь другим справиться с собственными трудностями, до прямой общественной пользы или денег.

В некоторых случаях обнаружить такое «даяние» несложно, например когда вы наводите чистоту или создаете произведение искусства, принося в наш мир красоту. Другие выглядят труднее: скажем, какая польза другим может быть от того, что вы перемещаетесь на собственном автомобиле из дома на работу, попутно костеря на чем свет стоит «косоруких уродов, купивших права в подземном переходе»?

Но эти сложности должны лишь провоцировать ваше сознание на активную работу. Если некая активность выглядит совершенно лишенной даяния, то как ее можно изменить, что можно сделать, чтобы она приносила пользу не только вам, а еще кому-нибудь, пусть даже одному живому существу?

А если нельзя, то, может быть, от этого вида действий можно отказаться?

Главная трудность в этой технике, как и в предыдущей, – вспоминать о ней, причем уже не в единичных случаях, а почти постоянно. Материальный «инструмент просветления», описанный выше, может оказать помощь, но в конечном итоге нужно создать такой «инструмент» в собственном сознании, чтобы там постоянно «звенел звоночек».

При упорной практике он неизбежно появится, и через какое-то время вы начнете воспринимать все через призму даяния... Через какое именно – зависит от индивидуальных особенностей, но при постоянных усилиях несколько месяцев будет достаточно. А затем эта медитация перестанет быть упражнением, она станет частью жизни, такой же обычной, какой ранее были жадность, скупость или отчаяние.

«Памятование о даянии» показано всем, но особенно оно нужно тем, для кого алчность является ведущей страстью, а вот противопоказаний у нее нет совершенно. Созерцание смерти в этом плане много более избирательно.

Глава 6

Пламя ненависти

Метла в моих руках равномерно шаркала по полу храма, с мягкой улыбкой взирал на меня Будда, шею его украшали две свежие гирлянды, неведомо откуда появившиеся сегодня утром. Но даже под взглядом Татхагаты я не чувствовал себя спокойно, поскольку слышал еще кое-что – неразборчивый громкий шепот, доносившийся прямо из-за спины, точно бормочущий невидимка двигался за мной, не отставая ни на шаг. Полумрак святилища разрывало маячившее перед глазами яркое пятно, похожее то ли на груды углей, то ли на горстку светящихся драгоценных камней.

То и другое появилось некоторое время назад, исчезало и снова возникало, словно меня одолевали приступы неведомой болезни, и пугало меня, откровенно говоря, до полусмерти.

– Работаешь? – брат Пон возник в проеме входа совершенно бесшумно, и вопрос заставил меня подпрыгнуть. – А, вижу, опять тебя одолевает Голос Пустоты. Печально. Сделать ничего нельзя, это нужно лишь переждать... Ведь ты занимался спортом?

Я кивнул и вновь задвигал метлой.

Да, в детстве я играл в баскетбол и какое-то, очень недолгое время отдал легкой атлетике.

– Ты помнишь, как болели твои мышцы после серьезных тренировок?

Пришлось кивнуть снова; шепот за спиной, как мне показалось, стал громче.

– Так вот это примерно то же самое, – монах мягко опустил на пол, скрестив ноги. – Мы с тобой тренируемся с безумной интенсивностью, разве что речь идет не о мышцах, а о сознании, но реагирует оно примерно так же – болью, ломотой, растяжениями, маленькими надрывами. Все заживет и зарастет, но для этого требуется немного времени.

– Сколько? – поинтересовался я мрачно.

На этот вопрос брат Пон не ответил.

– Это значит, мы занимаемся бодибилдингом сознания? – еще более угрюмо поинтересовался я.

– Хорошее словосочетание, – одобрил монах. – Татхагате точно бы понравилось. Как говорится, «десять основных препятствий для развития сознания – жилище, семья, доходы, ученики, владения, путешествия, родня, болезни, книги, а также сверхъестественные способности». Ты же всего этого в нашем вате полностью лишен.

С мягкой улыбкой взирал на меня Будда, шею его украшали две свежие гирлянды.

«И многого другого» – хотелось добавить мне, но я сдержался.

– Еще говорят, что «развитие сознания должно пониматься в двух смыслах: во-первых, в смысле доступа, подхода, обеспечения условий, нужных для созерцания, и во-вторых, в смысле непосредственной фиксации сознания созерцателя на избранном для него объекте», – брат Пон развел руками. – И этим ты обеспечен так, как никто другой. Чем же ты недоволен?

Я засопел, но промолчал, вопрос был откровенно риторическим.

– А, понимаю... – монах закивал. – Вспоминая твою дикую страсть к женщинам...

Я гневно запыхтел и от возмущения забыл не только о подметании, но и о «памятовании о даянии».

– Какая страсть? О чем вы! – воскликнул я.

– А, в точку! – он захлопал в ладоши, точно малый ребенок. – Давай, садись ко мне. Настало время очередной истории. Она пригодится тому, кто полон гнева и ненависти. Кроме того, она повествует о том, как может использовать женщину мудрый.

Брат Пон издевался, мне же только и оставалось, что возмущенно таращиться на него и изображать забытый на плите чайник.

– Речь пойдет о Татхагате, который в одной из прежних жизней родился в почтенном брахманском роду, – начал он, когда я уселся на пол, и начал, надо сказать, банально, такое я слышал не раз. – Род сей обладал богатствами, славился мудростью и благочестием, с почтением относился к нему простой народ, любили его цари и боги. Татхагата вырос, в должный срок женился, слово его стало цениться на собраниях облеченных властью мужей, он прослыл знатоком обрядов и законов, а также щедрым утешителем страждущих.

Удивительно, но плавное течение рассказа, двинувшегося по накатанной колее, позволило мне немного успокоиться.

– Но прочно ставший на путь к истинному знанию, он не находил радости в жизни, – негромко вещал брат Пон. – Земные блага, что зависят от вражды, интриг, раздоров, привлекают воров, родственников и завистников, казались ему горше рапсового стебля. Так что в один день он решил их отбросить и удалиться в лес, где стать отшельником.

Что случилось дальше, я мог рассказать сам: уговоры родственников, которые ни к чему не привели, приятная жизнь аскетом в чащобе и явление Индры в виде странника-брахмана.

Но монах сумел меня удивить.

– Супруга же его из любви к Татхагате отказалась тоже от благ всех земных, – сообщил он. – Забыла притирания, ароматные настойки, украшения, обрезала волосы прекрасные свои и сказала, что ни за что не останется дома, а пойдет туда, куда и он. Татхагата же сказал ей: «О свет очей моих, я вижу преданность твою, любовь и нежность. Вознаграждены они будут, и нет тебе нужды идти со мной, а если хочешь все же мир ты оставить, то направь стопы туда, где подвизаются отшельницы другие».

Я хмыкнул – всегда почему-то думал, что аскетами были сплошь мужчины.

– Но она заявила, что пойдет с ним, и даже разбила любимое драгоценное зеркало, – продолжил брат Пон. – Татхагата же сказал ей: «Сложна жизнь в лесу, трудами тяжкими омрачена, опасности подстерегают того, кто на нее решился, пища скудна и сон неглубок. Обычно в одиночестве пребывают те, кто к нему всем сердцем стремится, вида же существ другого пола избегают, чтобы мыслей греховных не возникло».

Я хмыкнул – всегда почему-то думал, что аскетами были сплошь мужчины.

Но дамочка, как и следовало ожидать, упорно стояла на своем, заявила, что ее счастье может быть только рядом с ним и что если он ее с собой не возьмет, она повесится на ближайшей пальме. Даже всего красноречия Татхагаты не хватило, чтобы убедить ее, так что он вынужден был смириться.

– И вот они пошли босыми ногами по грязи и корням искать место для созерцания. Шли, пока не забрели в лес, лишенный не только людей, но даже и зверей, лишь птицы пели в кронах, огромные цветы качали венчиками, и легкий ветерок носил запах их дурманящий, – как всегда во время рассказа, я начал видеть картинку, и в этот раз они напоминали не кадры из мультфильма Диснея, а иллюстрации к житию: лес почти российский, крепкий мужик в рубище и так же одетая женщина сильно его моложе с короткой стрижкой. – Построили они по хижине себе, и там, по соседству друг от друга, поддерживая молчанием усилия взаимные, предались они сознания... бодибилдингу.

Я засмеялся, а брат Пон подмигнул.

– Но в тех лесах привык охотиться местный царь, любимой страстью было для него забраться в чащу, где меткой стрелой сшибать пернатых и наслаждаться смертью их, – поведения такого монах, судя по сведенным бровям, не одобрял, да и я, честно говоря, никогда не понимал охоту ради забавы. – Павлины, кукушки, лебеди – все его боялись. Словно тигр,

кровью опьяненный, по глухим местам он рыскал и однажды вышел к жилищу Татхагаты... Отшельнику он поклонился не без почтения и сел поодаль, чтобы дожидаться, когда тот из транса выйдет.

На этот раз, похоже, все обойдется без Индры, хотя...

– И в должный час к хижине мужа вышла супруга Татхагаты, прекрасная, несмотря на одеяние из травы и на то, что украшением ей было лишь то, что сама природа ей дала, – сказал брат Пон. – И царь был поражен ее внешностью, решил, что это ученица мудреца-аскета и что неплохо будет ее похитить, чтобы забавам непристойным предаться... Понимал он, что могущество подвижников велико, что гнев проклятья не отведут даже боги, и поэтому молчал и лишь смотрел, а про себя размышлял таким образом: «Разведать нужно, насколько силен он как отшельник, насколько дорога ему женщина. Если его сердце доступно для страсти к ней, то нет в нем силы и не стоит бояться мне проклятья. А если он равнодушен к ней, тогда могуч он и опасен, и лучше мне уйти».

Дальше, как и можно было ожидать, Татхагата открыл глаза, и царь к нему обратился.

– Почтенный отшельник, – брат Пон заговорил гнусавым, мерзким голосом, точно опереточный злодей, и я снова улыбнулся. – Много в наших краях злобных и лихих людей, ничего не боящихся, так что опасно жить тебе с прекрасной ученицей твоей в лесах этих. Если кто-то совершит насилие по отношению к ней, то и тебя за это осудят».

– Каков гад... – заметил я.

Если Индру хоть как-то оправдывало божественное происхождение, застарелая привычка к всемогуществу и засевшее в подсознании отношение к людям как к фигуркам на доске, то царь-охотник, судя по всему, был обычной похотливой и лживой сволочью, дорвавшейся до власти. Я видел таких и у нас, и на Украине, где имел дела в девяностых, и в Таиланде они водились тоже.

– «Смотри, – продолжал царь. – Ведь если кто-нибудь решил забрать ее себе, то подумал бы, что изнуренный подвигами отшельник руки ей на защиту не поднимет. Что сделал бы ты тогда?» – и брат Пон сощурился, изображая хитрую и злобную физиономию. – Татхагата же ответил: «Решивший стать противником моим непременно понесет кару. Его я сокрушу, обращу в пыль, да так, что не останется от него даже воспоминания». Услышав такое, царь решил, что его собеседник сильно привязан к красавице, а значит, лишен духовной мощи, и что опасности нет. Он стражников позвал и распорядился: «Заберите же эту отшельницу в мой дворец! В те покои, где наложницы живут!»

И вновь перед моими глазами оказалась картинка: поляна, сидящий в позе лотоса отшельник, и царь в богатых одеждах, с луком за спиной, вытаращенные глаза сверкают, воины с мечами на поясе смотрят на него ошарашенно, и на заднем плане заламывает руки дама в рубище.

– Что испытала тогда женщина несчастная, с глазами, водопады слез исторгшими? – спросил монах. – Вскричала она: «Что делать, если тот, кто справедливость должен насаждать, сам нарушает ее? Где боги великие? Или оставили они свои троны для игрищ? О ты, кого я не послушалась когда-то, скажи мне, отчего молчат они, хотя одним словом могут обратить в щепки дерево могучее и свет дневной закрыть облаками? О горе, горе мне!» Стражники понимали, что совершают неблагое дело, но деваться им было некуда, они посадили отшельницу на колесницу и повезли во дворец.

И он развел руками.

– А Татхагата? Даже ничего не сказал? – спросил я, думая, что ненасилие и выдержка – это хорошо, конечно, но если ты смолчал в такой ситуации, ты просто тряпка.

– Бесстрастный, он не изменился в лице, ни единый мускул не дрогнул в теле его, – сообщил брат Пон. – Смотрел он кротко и созерцанию, как и все время, предавался. Увидев это, царь с насмешкой произнес: «Ты кару обещал тому, кто на женщину отважно посягнет, на ту, что себя доверила тебе! Теперь же ты молчишь! Покажи же мощь свою! Могущество, которым должен обладать аскет, в лесу живущий, тот, во власти коего сами боги! Ведь тот, кто что-то обещает, а после слова своего не держит, тот вряд ли меж людей за честного слывет!»

Любитель охоты на птичек был не гадом, а мерзким садистом.

Царь-охотник, судя по всему, был обычной сволочью, дорвавшейся до власти.

– На это Татхагата изрек кротко: «Словами понапрасну не разбрасываюсь я», – рассказ шел своим чередом. – «Тот, кто решил противником моим стать, повержен. Лишенный силы и существования самого, он мной в ничто, в воспоминанье обращен». Услышав такое, царь испугался, решил, что вот-вот на него обрушится проклятье, от которого ни защиты, ни спасенья нет.

Естественно, он тут же лицемерно заявил, что и не думал похищать ученицу у аскета, а лишь испытывал его.

– «Скажи мне только, кто же твой противник, которого ты столь славно одолел?» – брат Пон ухитрился вложить в голос и заискивание, и страх, и вожделение, и ненависть. – Татхагата же сказал: «Тот, кто после рождения мешает видеть родителям своим, при появлении кого добрых дел не начинают, жестокому чудовищу подобный, огню свирепому, что целый лес сжигает, оставив только уголья и пепел, трупы и страдание». Царь, ослепленный эмоциями, не мог понять, о ком или о чем идет речь, и ощутил себя глупцом. «Гнев это был, – пояснил отшельник, – знаменосец ненависти, рождает который вражду, красоту уничтожает, покой и мир похищает, ведет людей путями кривыми и тернистыми».

Честно говоря, и я до последнего момента не мог осознать, какого такого врага имеет в виду аскет, если настоящий враг, похититель жены, стоит перед ним, целый и невредимый, да еще и глумится.

– Но царь не внял, решил он, что Татхагата издевается над ним, и засмеялся дико. Закричал он: «Убейте этого человека, а труп бросьте туда, где собираются слюнявые шакалы!» Но услышав такое, самые верные стражники отшатнулись и попадали на колени, моля избавить их от сего приказания. Ведь руку на святого поднять – что за металл расплавленный хвататься и молнию ловить! Царь же зарычал, как дикий зверь, выхватил меч и бросился на Татхагату, надеясь вред ему причинить. Тот же, движимый лишь состраданием...

Монах сделал паузу, и мне представилась сцена из боевика о кунг-фу: изможденный старик с белой бородой, облаченный в халат, бьет вооруженного мечом амбала ногой в голову.

– ... поскольку понимал, что пролитие крови бодхисаттвы есть грех тяжелейший, и свершивший его в ад Авичи попадет, где проведет во мраке и страданиях лет миллионы, – да, об этом приятном местечке брат Пон мне рассказывал, – уклонился так, что царь споткнулся, упал и насмерть голову расшиб о пень, что из травы торчал рядом с хижиной.

– Поделом таракану досталось, и усов от него не осталось, – вспомнил я с чувством глубокого удовлетворения, причем на родном языке и очень тихо.

– Стражники поклонились Татхагате, в могуществе которого убедились, подобрали тело. Вскоре они покинули лес и через какое-то время обратно привезли отшельницу прекрасную, благодаря победе мужа своего не пострадавшую от деяний врага свирепого.

– А если бы царь на него не бросился? – спросил я.

Я осознал, что истязавший уши Голос Пустоты стих, а я даже этого не заметил.

– Он не мог, – брат Пон наставительно поднял палец. – Им всецело управлял гнев. Одержимый этим аффектом человек не контролирует себя и действует определенным образом. Вспомни себя – что, ты в подобные моменты отличался какой-то особой разумностью?

Я неохотно кивнул.

Да, бывали, бывали стыдные моменты, когда я терял контроль над собой, и хотя не брызгал слюной и не кидался на людей с кулаками, действовал ничуть не более рационально, чем царь-охотник.

– Ну что, мораль сам выведешь? – спросил монах.

– Надо всегда держать при себе женщину, поскольку она может пригодиться, – ответил я с преувеличенной серьезностью. – Так что надо завести парочку в Тхам Пу. Немедленно!

Мы засмеялись вдвоем, и я испытал необычайно сильное родственное чувство к этому чужому мне на самом деле человеку, который по непонятным причинам взял меня под опеку и возится со мной, практически выхаживает, словно найденного в луже птенца со сломанным крылом.

– А если серьезно, – я потер лоб указательным пальцем. – То... лишь всякие страсти вроде ненависти могут быть врагом человеку, и не может другой человек, которого, если верить вам, к тому же и не существует. И того, кто имеет врагов, тоже не существует.

– Похоже, не зря я жую свой рис, – брат Пон погладил себя по макушке. – Отдельные вещи ты начал понимать... Твой же главный враг – как раз ненависть. «Никогда в этом мире ненависть не прекращается ненавистью, но отсутствием ненависти прекращается она», – цитату он выделил интонацией. – Теперь бери метлу и – за работу. Подметать храм кто будет, Татхагата?

А я с радостью осознал, что истязавший уши Голос Пустоты стих, а я даже этого не заметил, и терзавшее глаза видение кучки пылающих углей исчезло, даже не попрощавшись.

* * *

Этим утром мы впервые за все мое пребывание в Тхам Пу отправились пройтись по лесу. Только прогулка оказалась совсем не простой – брат Пон познакомил меня с «тихой радостью», от укуса которой человек отправляется на тот свет, и очень наглядно показал, как ограничивает человека его собственная карма.

Мысли копошились под сводами черепа, словно муравьи в муравейнике, но негативных эмоций я не испытывал.

– Странное дело, – сказал я, когда после ужина появилась возможность поговорить. – Вроде бы я подвергался серьезной опасности, но ничего по этому поводу не чувствую – даже обычного волнения.

– Просто ты в тот момент действовал как нужно, не думал о победе и поражении, – заметил монах и снова обратился к цитате. – «Победа порождает ненависть; побежденный окутан печалью. В счастье пребывает спокойный, отринувший победы и поражения». Ведь ты всегда хотел быть победителем, а проигрыш тебя сильно расстраивал.

И тут он снова угадал, даже второе место было для меня как острый нож под ребро.

– А это на самом деле тоже проявление ненависти. Ну, а она, – монах усмехнулся, – непременно себя покажет, не сомневайся в этом – если не гневом, то печалью по поводу того, что ты потерпел неудачу; злостью на того, кто посмел встать у тебя на пути; возбужденностью в тот момент, когда требуются спокойствие и выдержка; лицемерием, то есть желанием скрыть прегрешения, слабости и не самые благовидные поступки. Утаивание чего-либо в принципе бессмысленно, это попытка исказить реальность, нарочитое загрязнение собственного сознания, ведущее к тяжелым последствиям.

Все брат Пон говорил правильно, и все перечисленные вещи были мне хорошо знакомы: дикое желание, чтобы никто не узнал о моем вчерашнем косяке, ярость и раздражение, стремление уничтожить конкурента, даже не морально или финансово, а физически, лишить его жизни.

К счастью, я в свое время удержался, не стал устранять соперника таким образом. Обратись я к киллеру, вряд ли бы столкнулся на автостанции Нонгхая с неправильным монахом и оказался тут.

Так бы и сидел в Паттайе, варясь в трудностях и погружаясь в отчаяние.

– То есть каждый из основных корней, – я имел в виду невежество, алчность и ненависть, – разветвляется, порождая некоторое количество более тонких, а они переплетаются, питают друг друга, образуя нечто плотное, жесткое, почти неуничтожимое. Именно эта корневая система держит нас на месте, не дает меняться?

Брат Пон кивнул.

– Но есть же какие-то специальные упражнения, чтобы бороться с ненавистью? – продолжил я.

– Самое банальное – практиковать миролюбие ко всем живым существам, – предложил монах. – Только вот тебе это будет сложно делать, поскольку корень ненависти пророс очень глубоко.

В этот момент неведомое тайское насекомое ужалило меня в макушку – я дернулся. Хлопок по лысине получился звучным, но совершенно неэффективным: жужжащая мелочь успела смыться, зато я ощутил мгновенную вспышку гнева.

– Вот видишь? – взгляд брата Пона полнила мягкая укоризна, и я опустил глаза. – Можно помнить о семи вещах, которые доставляют удовольствие врагу, когда ты разгневан. Во-первых, сердитый человек становится безобразным, лицо его краснеет, черты искажаются. Во-вторых, гневливый плохо спит, ворочается из-за тяжелых мыслей. В-третьих, после смерти он обретает неблагое рождение, в теле животного, ненасытного духа или даже в аду. В-четвертых, под влиянием злости он неправильно ведет себя в делах и совершает ошибки. В-пятых, он лишается друзей и союзников, любой поддержки. В-шестых, он лишается доброго имени и получает такую репутацию, которую исправить очень сложно. И в-седьмых, искажается его голос – становится визгливым, пронзительным. Зачем радовать врага такими разными и многочисленными путями?

Жужжащая мелочь успела смыться, зато я ощутил мгновенную вспышку гнева.

Монах некоторое время помолчал, рассматривая меня, потом со вздохом заметил:

– Это тоже не для тебя. Человеку с мощным аналитическим разумом я бы предложил... – услышав это, я беспокойно заерзал: это что, у меня нет подобного разума? – ...разобрать его аффект по четырем уровням: «грубое», которое делится на «грубое грубого», соответствует миру желаний, и «тонкое грубого», соответствует миру форм; и «тонкое», которое в свою очередь распадается на «грубое тонкого», связанное с миром не-форм, и «тонкое тонкого», доступное лишь бодхисаттвам. Но и этот вариант не для тебя, я вижу.

Обида моя усилилась.

Это что, брат Пон хочет сказать, что я безнадежен, что вообще ни на что не гожусь?

– Но на самом деле ты уже делаешь нечто, способное помочь в победе над ненавистью, – сказал монах, и я нахмурился, пытаюсь осознать, о чем он говорит: практик я освоил не одну, и не две, и даже не четыре. – Неужели забыл, как по тебе ползали жуки?

А, созерцание дерева!

Наставник велел мне выбрать дерево и разглядывать до тех пор, пока я не перенесу его образ в сознание целиком – до последнего листочка на вершине и изгиба ствола. Задача потребовала времени, а когда я с ней справился, мне пришлось тарашиться на дерево еще несколько дней, чтобы оказаться на его месте, стать растением, которое воспринимает человека.

Поначалу я решил, что такое совершенно невозможно, но, к собственному удивлению, добился успеха. Как сказал тогда брат Пон, «Мы живем в мире образов. Создаем их сами и по собственной же воле в них заворачиваемся и отдаем им власть над собой. Один из этих образов – дерево, другой – твое „я“, якобы центр восприятия. Поменяй их местами».

И я поменял, ощутил, как меня раскачивает ветром, как трепещут листья, корни роятся в земле, отыскивая питательные вещества, как по ним ползают черви и как жуки щекочут лапками мои бока. И увидел... нет, не увидел, поскольку глаз у деревьев нет, но неким образом почувствовал себя со стороны как странное, уродливое и наверняка больное растение.

– Такое забудешь, – проворчал я.

– Теперь ты понимаешь, что все тобой воспринимаемое является частью тебя?

– Не понимаю, но знаю, – выпалил я и только потом сообразил, что именно сморозил. – Ну это, что я хотел сказать... Рассудком я не очень, но зато как бы... ведь...

– Не старайся, – брата Пона мои усилия позабавили. – Я понял, о чем ты говоришь. Вторая посылка – частью того, что ты воспринимаешь, являются люди?

Это я признал безо всяких оговорок.

– Отсюда согласно логике «люди, которых ты воспринимаешь – часть тебя», – монах уставился на меня с улыбкой, я же напрягся, пытаюсь сообразить, как и что можно возразить.

Вроде бы так и есть, но ведь на самом деле все обстоит не так!

– А можешь ли ты ненавидеть собственный глаз, тонкий кишечник или мошонку? – не дал мне времени брат Пон. – Почему тогда у тебя получается ненавидеть окружающих?

– Но это же разные вещи! – воскликнул я возмущенно.

– Нет, – он тряхнул косичками. – Понимаю, что принять эту позицию непросто. Несуществующее «я» так тщательно много десятилетий отделяло себя от других, доказывало свою особость, и вот такой поворот... Но тут поможет медитация на объекте. Только на этот раз ты будешь созерцать не дерево, а человека, которого ненавидишь.

Мне пришлось тарашиться на дерево несколько дней, чтобы оказаться на его месте.

– И где мы его возьмем? – в голове у меня помутилось, я представил, что из-за ближайшего дерева выходит хулиган Васька, из-за которого я натерпелся в школе, или почти теща, с первой встречи обходившаяся со мной так, словно я был кучкой собачьего дерьма на ее любимом ковре.

Во многом из-за нее я так и не женился на Маше.

– Сложный вопрос, – брат Пон взялся за подбородок и поворачивал глазами, изображая задумчивость. – Полагаю, что похищение человека нам не простит полиция его величества, не говоря уже о самом объекте похищения, хотя для учебных целей можно...

Он сыграл настолько убедительно, что я поверил.

Наверняка специально подготовленные люди отправились в Паттайю, Бангкок или даже Москву, выкрали кого нужно и сейчас мне предъявят его, связанного и с кляпом во рту, готового к «употреблению» в качестве объекта медитации.

– Но я полагаю, что тебе хватит и мысленного объекта, – сказал монах, и у меня словно гора с плеч свалилась. – Выбирай, кого именно ты будешь созерцать. Ненависть. Именно она должна повести тебя к тому, кто накрутил на себя больше всего ее нитей...

Я задумался.

Нельзя сказать, что я ненавидел кого-то сильно и непрерывно многие годы: едва человек переставал быть проблемой, как он тут же исчезал с моего мысленного горизонта, а чувства мои гасли. Хотя есть двоюродный брат, с которым мы в детстве сталкивались у бабушки, он был старше, постоянно издевался надо мной, отбирал игрушки и подставлял.

Удивительно, но его поведение не изменилось, когда мы повзрослели!

Он приезжал в Москву, в гости, и всякий раз доводил меня до белого каления ненужными советами и дурацкими насмешками, склонностью лезть не в свое дело и считать себя экспертом во всем. Естественно, он посещал меня и в Паттайе – в полной уверенности, что я жду его с распростертыми объятиями, – и отравлял мне жизнь с редкостной капитальностью.

– Годится, – одобрил брат Пон, когда я поведал ему о мерзком родственничке. – Интуиция подсказывает мне, что ты не привез сюда его фотографию.

Я помотал головой.

– Тогда тебе придется восстанавливать его облик мысленно. Приступай вечером.

– Но когда... – начал я, собираясь сказать, что мне и до туалета дойти некогда, все время занято работой, медитациями и беседами.

– Ночью. Ты же приехал сюда не отсыпаться? – перебил меня брат Пон.

И с этим спорить я не мог.

* * *

Но в первую ночь у меня не получилось ничего, я так умаялся за день, что уснул, едва уселся на свою лежанку. Успел только подумать о братце, а в следующей момент понял, что лежу носом в пол, дверь открыта и на фоне утреннего сумрака рисуется силуэт брата Пона.

– Отличная медитация, – сказал он.

Мне стало невыносимо стыдно, захотелось провалиться сквозь землю, и я дал себе слово, что вечером исправлюсь.

Сонливость атаковала меня снова, но в этот раз я оказался начеку и справился с ней. Расположился как надо, закрыл глаза и начал вспоминать: маленькие уши, орлиный нос, брезгливо оттопыренная нижняя губа, удивительно белые и ровные зубы, черные волосы, зачесанные на одну сторону, в последнее время в них появилась седина. Вскоре под опущенными веками повисло яркое изображение, словно маска, и я занялся фигурой, длинными руками, вечно обкусанными ногтями, намеком на брюшко под майкой.

На то, чтобы полностью воссоздать облик брата, мне понадобилось три ночи, и удивительно, я хоть почти и не спал, но не уставал.

– Я немножко добавил тебе сил, – заметил брат Пон, когда я поделился с ним ощущениями. – Задание сложное, времени у нас мало. Теперь сделай так, чтобы он у тебя ожил. Задвигался, сказал что-нибудь.

– Только не это! – я застонал и закатил глаза, изображая отчаяние.

С «оживлением» мысленного образа сначала все шло очень тяжело, изображение оставалось изображением, оно мрачно смотрело на меня, но ничего в нем не менялось. Нет, я прекрасно помнил и манеру брата откидывать волосы назад, и то, как он смотрит на часы на правой руке, да еще и циферблатом внутрь, как ковыряется в ухе мизинцем.

Вот только воплотить это у меня не получалось.

Прорыв случился после того, как я целый день в компании двух монахов помоложе корчевал деревья – не с какой-то духовной целью, а потому, что понадобилось место под новый сарай. Я даже не сел, а упал на ложе и не успел закрыть глаза, как передо мной предстал брат, и не просто картинка, а сам он как живой. На миг я забыл, где нахожусь, в голове все смешалось, и ненависть ужалила в сердце, как та же «тихая радость».

Я едва не подскочил на месте!

– Хорошо, – предсказуемо заявил брат Пон после моего рассказа следующим утром. – Дальше ты знаешь, что делать – ты должен оказаться на его месте, чтобы воспринять себя со стороны.

– Но там было реальное дерево, а тут лишь скопление мыслей, игра воображения, – проговорил я с сомнением. – Первое может что-то чувствовать и осознавать, второе – нет.

– На самом деле разницы нет, дерево – тоже скопление мыслей и игра воображения, – монах смотрел на меня с легкой улыбкой. – Твой глаз воспринимает набор волн разной длины, и твое сознание присваивает им различные цвета и формы. Ты ощущаешь запах листвы, ты можешь погладить кору, и в конечном итоге твое сознание сформирует образ некоего предмета, чтобы повесить на него ярлык «дерево», объявить его внешним по отношению к тебе и на этом успокоиться. Твое сознание действует в любом случае. Никакого значения не имеет, что становится материалом для него – чувственные ощущения или воспоминания, ведь то и другое состоит из одного и того же.

Не успел я закрыть глаза, как передо мной предстал брат, как живой...

– Из чего?

– А об этом мы будем говорить позже, – как обычно, брат Пон был непреклонен. – Сейчас меня больше интересует та ненависть, которую ты ощущаешь в процессе созерцания.

Я отвел взгляд.

Всякий раз, когда образ брата начинал двигаться, во мне и в самом деле оживали злость и раздражение, да с такой силой и яркостью, словно я имел дело с нелюбимым родственником во плоти.

– Татхагата во время одного из прежних воплощений был царем, – сказал брат Пон. – Так вот при нем водился министр, осмелившийся посягнуть на супругу господина, напропалую воровавший и в конечном итоге открывший ворота города врагу-завоевателю. Татхагату после этого закопали в землю по шею, выбрав местом казни свалку, и ночью пришли шакалы, чтобы сожрать его. Но и тогда он не ощутил ни малейшего следа гнева.

Я хмыкнул – где я, а где Будда!

– В другой жизни он был бродячим аскетом, у которого неразумный царь спросил, что тот проповедует. А когда тот ответил, что искусство терпения, его подвергли пыткам и затем отрубили пальцы на руках и ногах. Но он вновь не поддался ненависти и злобе! Дальше он был наследником престола, отроком прекрасным, словно драгоценный камень из короны Индры, но его собственный отец сначала отрубил сыну пальцы, затем кисти и ступни, а потом приказал отсечь и голову. Но Татхагата ни словом, ни мыслью не показал проявления аффектов, он только подумал: «Настало время обуздать себя и быть стойким». Даже когда он был белым слоном, в его разуме не возникло неприязни к охотнику, попавшему в благородное животное отравленной стрелой...

– Хватит-хватит! – воскликнул я, понимая, что воплощений у Будды много и перечисление может затянуться на весь день. – Но я на такое не способен! Куда уж мне?

– Ты на все способен. Я уже говорил, что ты потенциально равен Будде, – настойчиво проговорил брат Пон. – Подключай «это не я, это не мое» или лучше разглядывай ненависть как отдельный от тебя объект... уж какую он выберет форму, я не знаю.

Я попытался выведать подробности этой техники, но он заявил, что я сам все пойму и что времени на объяснения нет, что надо практиковаться, и все получится. Пришлось заняться делом тем же вечером, когда я во время медитации снова наткнулся на стену из пламенной ненависти.

Еще мгновение назад я был спокоен, а едва созданный мной образ брата посмотрел на часы, меня начало корчить, а руки сжались в кулаки.

Я задышал глубже, пытаюсь совместить два вида созерцания: объекта ненависти и собственно самой ненависти. И через некоторое время ощутил, что пытаюсь удержать равновесие на качающейся туда-сюда дощечке: едва я сосредотачивался на чувствах и они слабели, тут же картинка непутевого брата начинала блекнуть и исчезать, а как только я уделял ей больше внимания, ненависть вцеплялась в меня будто целая собачья свора.

Некоторое время я боролся, а затем выдохся.

На этот раз брат Пон прийти на помощь мне не захотел и этим здорово меня удивил и расстроил.

Даже когда Татхагата был белым слоном, в нем не возникло неприязни к охотнику.

– Есть вещи, которые ты должен выполнить сам, – заявил он. – Это как с плаванием. Никто не сделает за тебя твои собственные движения, что позволят тебе держаться на воде. Либо ты их освоишь и поплывешь, либо никогда не получишь этот полезный навык.

– Но как же... – начал было я и осекся, поскольку монах встал и ушел, оставив меня в одиночестве.

* * *

Несколько дней назад брат Пон продемонстрировал мне вырезанные из дерева статуэтки пяти великих бодхисатв: Амогасиддхи, Вайрочаны, Амитабхи, Акшобхьи и Ратнасамбхавы. Когда я вдоволь налюбовался ими, он заявил, что я должен изготовить нечто подобное, и выдал мне нож.

Протесты и заявления о том, что у меня кривые руки, эффекта не произвели.

Так что ко всем прочим занятиям добавилось еще и это – я строгал, резал, задевал собственные пальцы и пытался изобразить хоть что-то, но особенного успеха не добивался. Время находилось только вечером, перед ночной медитацией, и керосиновая лампа теперь горела у меня постоянно.

Сегодня я сосредоточился на Акшобхье и даже смог изготовить нечто похожее на сидящего человечка. Но затем лезвие соскользнуло, я заполучил очередную царапину и сунул палец в рот, изучая заготовку, на боку которой остался глубокий и длинный надрез. Убрать его можно, но тогда один бок у бодхисатвы получится кривым, с выемкой... проще выкинуть и начать снова.

И на сегодня хватит.

Я погасил лампу и остался в душной, пахнущей керосином темноте, в компании собственного дыхания. Некоторое время посидел, слушая ночной шум джунглей, ставший привычным, как рокот моторов и голоса для горожанина, а потом закрыл глаза и вызвал образ брата.

Он выпрыгнул как черт из табакерки, в любимой рубахе, с мерзкой ухмылочкой. Подмигнул мне, и ненависть вцепилась в сердце как большая острозубая змея, ноздри мои раздулись.

Опять мне балансировать между ее созерцанием и видом моего родственника.

Но тут в поле зрения неожиданно мелькнул бодхисаттва Акшобхья, такой, каким его изготовил брат Пон в молодости, будучи послушником, – синее тело, колокольчик в поднятой руке и молитвенный барабан в опущенной. Неужели я настолько долго и упорно тарасился на фигурку-образец, что она теперь будет являться мне и во снах. Однако бодхисаттва исчез, его место занял мой брат, а рядом с ним или, точнее, перед ним возникло кое-что еще.

Это было нечто вроде кома черных веревок или пакли, грязного, сочащегося жидкостью наподобие желтого гноя, с шипами и лезвиями типа бритвенных, торчащими во все стороны. Штуковина эта покачивалась из стороны в сторону, вызывала омерзение и одновременно... была прозрачной, она не мешала видеть то, что располагалось за ней.

Понимание пришло резко, как вспышка молнии: вот она, моя ненависть.

Я по-прежнему чувствовал ее внутри, но уже, скорее, как отголосок, след зубной боли, после того как резец, причинивший столько мучений, наконец-то выдрали, но при этом видел и снаружи, понимал, что это, и хорошо знал, что и как мне делать дальше. Если уж я мог посмотреть на себя «глазами» дерева, то с человеческим существом все будет проще!

Вскоре стало ясно, что я несколько переоценил свои силы.

В этот раз ничего не получилось, как и в следующий. Понадобилось около недели ежевечерних медитаций, чтобы дело сдвинулось с мертвой точки. Сначала пришло знакомое ощущение, тело потеряло чувствительность, начиная с конечностей и заканчивая шеей и головой. Следом начало очищаться сознание, одна за другой исчезли посторонние мысли – бодхисаттвы, с изображениями которых я продолжал сражаться, прыщ над правой бровью, выросший за одну ночь, беседа с братом Поном, вид на Меконг, Лаос на другой стороне.

Главное – смотреть на лицо под челкой, на длинные руки, цветастую рубаху, не вспоминая, кто это, не сосредотачиваясь на ненависти, которая все так же висела между нами и извивалась, точно комок из дюжины осьминогов, и даже вроде бы выпускала отростки в разные стороны.

Вспышка...

И я понял, что тарасюсь на мужика с обритой головой и мрачным выражением на загорелой физиономии, облаченного в нелепые шмотки, сидящего со скрещенными ногами, и что видеть мне его мешает какая-то ерунда, дрожание в воздухе, прозрачная занавеска. Понимание хлестнуло словно кнут – это же я, это лицо я видел в зеркале, которое мне давали раз в неделю, чтобы отскрести щетину со щек и подбородка!

Удивительно только, что глядя на себя глазами «брата», я не ощутил родственных чувств, даже не узнал себя поначалу.

Несколько раз перескочив из головы в голову, я не перестал четко фиксировать, кто я на самом деле. А вот отвратительный грязный комок безглазых змей, олицетворявший мою ненависть, сначала побледнел, а затем и вовсе растворился, забрав и все неприятные чувства.

Внутри меня воцарилась благословенная тишина, прохладная, радостная пустота.

Утром я ничего не сказал брату Пону, решив проверить, догадается он или нет, что я все сделал.

– Ну что, скучать ты сегодня не будешь, – заметил монах, когда мы после завтрака обсудили сегодняшние дела. – И вчера, как я вижу, тоже не скучал. Лицо совсем другое. Кое-что отсутствует...

Не пойдешь брат Пон по духовной тропе, вполне мог стать сотрудником спецслужб!

Но я удержался и смолчал, решив, что буду как партизан в лапах фашистов.

– Теперь ты понимаешь, что тот человек, которого ты ненавидел многие годы, – небольшая пауза, чтобы я до конца осознал смысл сказанного, – не более чем порождение твоего

собственного сознания, объект восприятия, что на самом деле его никогда не было. Ведь ты, глядя на себя его глазами, все равно не стал им настоящим?

– Да, – ответил я. – Это понятно. Удивительно, насколько лучше мне теперь.

– Не обольщайся, ненависть еще вернется, – брат Пон похлопал меня по плечу. – Окончательную проверку ты пройдешь в тот день, когда встретишь своего несуществующего брата во плоти.

И он засмеялся, глядя на мое вытянувшееся лицо.

ЗАМЕЧАНИЯ ПО ПРАКТИКЕ

Медитация на объекте-человеке – практика сложная и рекомендуется далеко не всем. Она показана тем, у кого ведущим аффектом является ненависть, и в особенности тем, у кого эта ненависть в значительной степени сосредоточена на фигуре конкретного человека.

Прежде чем ей заниматься, необходимо освоить медитацию на неодушевленном объекте².

Медитация на объекте состоит из двух этапов.

Сначала выбирается предмет, постоянно доступный для обозрения, не слишком большой и не слишком маленький (дом или спичечный коробок не подойдут), и созерцается до тех пор, пока его образ намертво не отпечатается в сознании – в идеале до мельчайших подробностей.

Торопиться, форсировать процесс не стоит, лучше посвящать этому упражнению пятнадцать минут в день в течение месяца, чем по часу в течение недели.

Когда выбранный объект можно представить в деталях, не глядя на него, характер созерцания меняется. Нужно воображать себя на месте этого объекта, в поле восприятия которого находится человеческое существо.

И тут опять же необходима осторожность, а спешка и излишнее напряжение противопоказаны. Если ничего не выходит, то упражнение лучше отложить и вернуться к нему через несколько месяцев.

К медитации на объекте-человеке можно перейти только тогда, когда освоена медитация на неодушевленном объекте. Но есть вероятность того, что уже первое упражнение ослабит корень ненависти, очистит сознание и изменит его структуру.

Поскольку разглядывать объект ненависти неограниченное время возможности нет, то восстанавливаем его образ мысленно: с закрытыми глазами кропотливо дорисовываем деталь за деталью, элементы облика, выражение лица, прищур глаз, прическа, одежда. Когда картинка становится четкой, пытаемся вдохнуть в нее немного жизни – движения, жесты, мимика.

Это может быть сложно, потребует некоторого времени, и главное не отступать, не сдаваться.

После оживления объекта есть шанс, что оживут и чувства, с ним связанные, – неприязнь, злость и раздражение вспыхнут с новой силой и будут мешать созерцанию. Бороться с ними бесполезно, нужно использовать либо «это не я, это не мое», либо объективацию, чтобы отстраниться от них.

Объективация сводится к тому, чтобы придать ненависти и прочим эмоциям форму и облик, вообразить их в качестве некоего внешнего по отношению к себе предмета. Выглядеть он может как угодно, не надо привязываться к тому образу, что возник у меня и описан выше, это может быть живое существо, предмет, нечто абстрактное, но в любом случае достаточно яркое и вызывающее однозначные ассоциации.

² Эта медитация подробно описана в тексте «Просветленные не ходят на работу», ниже я повторяю то, что было изложено там. – Прим. автора.

Ваше сознание вытолкнет его из себя, будто комок рвоты, и пропустить этот момент невозможно, он слишком физиологичен.

Если же оживление объекта не вызывает эмоций, то в объективации смысла нет.

С оживленным объектом работаем точно так же, как и с неодушевленным – созерцаем его до тех пор, пока восприятие не сменит фокус: то, что находилось в центре сцены, под софитами, станет фоном, а один из элементов того, что ранее было фоном, займет центральное положение.

Онемение в теле, которое испытал я, тоже не является обязательным, это индивидуальная реакция.

Успех возникает в тот момент, когда восприятие скачком перемещается и получается увидеть себя глазами объекта ненависти. Переживание это достаточно сильное, собственный облик может показаться неприятным, ведь даже глядясь в зеркало, мы обычно невольно разворачиваемся так, чтобы лучше выглядеть, и мысленно приукрашиваем себя.

Но тут опять же главное – не цепляться за эмоции, а просто смотреть.

Обычно единственного опыта такого рода оказывается достаточно, чтобы понять – тот объект, который мы избрали для ненависти, является не более чем порождением нашего сознания, а не объективной реальностью. Почва для ненависти таким образом исчезает, а сам аффект в значительной степени теряет силу.

Если есть другие объекты ненависти, то через некоторое время весь процесс можно повторить, но лучше сделать перерыв минимум в полгода и вообще этой практикой не злоупотреблять.

Глава 7

Тайный язык мироздания

В малолюдной обители среди леса я провел чуть менее двух месяцев и за это короткое время изменился так, как не менялся за годы, узнал о себе и мире вокруг больше, чем за десятилетия. Ушел целый ворох проблем, с которыми я ехал на север Таиланда, превратился в смутное воспоминание; изменился характер, я стал спокойнее, воспитал в себе дисциплину и отказался от многих привычек, без которых раньше себя не мыслил.

А Расскажи мне кто-нибудь еще зимой, что я увижу смерть и посмотрю на собственные прошлые жизни, я бы поднял его на смех!

Последний опыт вышел совершенно жутким, я едва не рехнулся, а приходил в себя неделю: тогда меня чуть ли не каждый день навещали «призраки», иные личности занимали мое тело и претендовали на разум, и я переставал понимать, кто я и где нахожусь. Зато я понял, отчего брат Пон постоянно отвечал «нет» на мои мольбы предъявить прошлые жизни.

Эмоциональной тяжести одной-единственной достаточно, чтобы сломать человека, а если их сотни, тысячи?

За это короткое время я узнал о себе и мире вокруг больше, чем за десятилетия.

Вчера я пережил необычное состояние – настолько же мощное, но совсем иного порядка. Я увидел то, что брат Пон назвал «истинным качеством реальности» – обычный и привычный мир словно растворился в потоке жидкости из тысяч пульсирующих фрагментов: одни были телесными ощущениями, другие – мыслями, третьи – эмоциями, четвертые – воспоминаниями, пятые – еще чем-то, чему я не знал названия; и все они будто кружились вокруг меня, несли меня куда-то, омывали струями радости, которые исходили непонятно откуда, но окутывали меня и пронизывали с такой лаской, какой я не знал никогда!

Если я и переживал счастье такой интенсивности, то очень, очень давно.

Приподнятое настроение от того момента сохранилось и сегодня, несмотря на бешеную жару, тяжелую работу с самого утра и отсутствие завтрака, плавно переходящее в лишение обеда. Время давно перевалило за полдень, но со стороны кухни не доносилось никаких звуков.

Но меня пустота в желудке ничуть не смущала.

Работа над бхавачакрой – требующее концентрации и аккуратности раскрашивание линий рисунка с помощью цветного песка – сегодня шла удивительно легко и плавно. Мне казалось, что я скольжу во времени, с бугорка одной секунды на бугорок следующей.

– Ну что, как дела? – спросил брат Пон, возникая из зарослей.

– Хорошо, – ответил я, не отрываясь от дела.

Довел линию до конца, поправил там, где получилось слишком толсто, и лишь затем посмотрел на монаха.

– Вижу-вижу, – он уселся рядом. – Но можно сделать перерыв. Задавай вопросы. Наверняка их у тебя накопилось много.

Раньше бы я выпалил первое, что пришло в голову, но за время в Тхам Пу я научился «фильтровать базар» внутри себя, отделять главное от второстепенного и сосредотачиваться на первом.

– Вы вчера использовали слово «дхарма», – начал я, подбирая слова, точно детали к огромному пазлу, – когда мы говорили о тех фрагментах мира, которые я воспринимал... слышал, видел, осязал, думал... Но Дхарма – это еще и Слово Будды, как я понял. Так? Что же это все же такое?

– О, сотни мудрецов многие века ломали копья, пытаюсь в этом разобраться, – проговорил брат Пон. – Это один из наиболее сложных элементов учения о свободе. Пойдем по порядку... во-первых, это грамматическое сказуемое...

Значения слова «*predicate*» я не знал, и ему пришлось объяснять.

– Во-вторых, это некое качество или атрибут; в-третьих – предмет, объект, явление; в-четвертых, это нечто абсолютное, истинное реальное, на самом деле существующее...

К этому моменту я взопрел и запутался.

– погодите! – взмолился я. – То есть этим словом можно назвать вообще все?

– Не все, но многое. В-пятых – это учение Будды и всех будд, что были до него, – неумолимо продолжил брат Пон. – И в-шестых, это элемент реальности, единица восприятия, с которой ты вчера имел дело.

– Но почему слово одно?

– А потому что все эти вещи связаны, – ответил монах, широко разводя руками. – Будда учил о дхармах, которые есть элементы описания реальности и в то же время явления, они в некотором смысле абсолютны, каждая из них несет четко зафиксированное качество, и любую из них можно представить как сказуемое в предложении, где подлежащим является сознание.

Тут ум за разум у меня зашел окончательно, и я погладил себя по макушке, где снова проклюнулась щетина.

– Абсолютны в некотором смысле? – уточнил я. – Так они существуют или нет?

– Ты меня об этом спрашиваешь? Тот, кто вчера воспринимал их всем организмом? – вопросом ответил брат Пон, и я смутился.

Ну да, что-то я не то сказал.

– Правда, они существуют очень краткий период времени, – добавил брат Пон. – Знаешь, насколько краткий?

Я помотал головой.

– Когда ты щелкнешь пальцами, проходит шестьдесят пять моментов существования дхарм, сто двадцать таких моментов составят одно мгновение, шестьдесят мгновений укладываются в отрезок, а девяносто таких отрезков образуют сутки.

– То есть... – я щелкнул пальцами и попытался сообразить, сколько это будет в привычных единицах.

– Примерно одну десятую секунды существует одна дхарма, чтобы исчезнуть и уступить место другим – слишком краткий срок, чтобы наше сознание могло ее зафиксировать, и именно поэтому мы обычно не замечаем дхарм, для нас все непрерывно, – и брат Пон снова развел руками.

– То есть пока мы беседуем, ну минут десять... – я произвел быстрый подсчет. – Сменилось примерно шесть тысяч эээ... «поколений» дхарм?

– Примерно так, – монах кивнул. – Но очень интересно при этом, что само время... – тоже дхарма, только второго порядка, обусловленная другими дхармами, и именно поэтому его можно считать в некотором смысле реальным.

Этот вывод, судя по выражению лица, очень его порадовал.

Время всегда одинаково... Хотя иногда оно мчится, а порой тянется, как резиновая лента.

Мое же недоумение усугубилось.

– Но ведь время всегда одинаково... хотя нет... – я сам понял, что сказал ерунду. – Нет, иногда оно мчится, порой тянется, как резиновая лента, иногда давит, иногда словно прищипывает, заставляет тебя бежать.

– Именно так, – поддержал мои умственные усилия брат Пон.

– Но мы же не воспринимаем его непосредственно, как все остальное! – выпалил я. – Если тепло-холод, вкус я могу ощутить...

– ...то воспоминания о вчерашнем обеде ты ничем не почувствуешь, кроме сознания, – подхватил монах, и к моему стыду, при слове «обед» у меня довольно громко заурчало в животе.

А совсем недавно размышлял о том, каким стал неприхотливым!

Хотя если мерить в дхармах, то не так уж и недавно...

Брат Пон улыбнулся и похлопал себя по животу, изображая нечто вроде солидарности.

* * *

На этом разговор о дхармах вроде бы закончился, но они не шли у меня из головы. Я время от времени вспоминал о них, пытаюсь сообразить, что же это такое и как можно свести к единому знаменателю все, что рассказал брат Пон.

Когда же я попытался расспросить, он покачал головой и заметил:

– Чтобы ты не лопнул от любопытства, придется рассказать тебе новую сказку. Пойдем-ка в тень...

Мы устроились под навесом, монах некоторое время помолчал, точно собираясь с мыслями, а потом начал:

– Жил некогда кормчий, очень искусный в своем ремесле, он водил корабли по всем известным морям и заходил даже в неизвестные. Он никогда не ошибался в ветрах и течениях, знал невероятно много о различных тонкостях морского промысла, о цвете воды, очертаниях берегов, полете птиц и видах рыб и по всему этому мог сказать, где находится судно. Энергия помогала ему одолевать сонливость, жара, холод и бури не пугали его, и благодаря умению был он очень востребован среди купцов.

– Еще бы, – заметил я. – И что, кормчий тоже пойдет в отшельники?

Брат Пон погрозил мне пальцем:

– Сегодня для тебя время слушать!

Дальше я узнал, что кормчий состарился, но к тому времени широко распространилась его слава, и его старались брать на корабль просто в качестве талисмана, человека, несущего удачу. Но в какой-то момент годы взяли свое, он потерял зрение и не мог больше покидать сушу.

– И собрались как-то несколько отважных купцов и решили снарядить экспедицию в далекую землю Суварнабхуми, – именно так назывался новый аэропорт Бангкока, но я никогда не задумывался, в честь чего или кого его так называли. – Заглянули они и к кормчему... «Слаб я стал, – сказал он им, – не вижу ничего, тело мое не носит меня... чем могу помочь я вам?» «Знаем мы об этом, – ответили купцы, – но трудиться тебе не придется, и мы будем о тебе заботиться – нам лишь присутствие твое нужно, чтобы счастье ты с собой принес, чтобы мы все назад вернулись».

Потом они еще немного поторговались, но в конечном итоге кормчий согласился.

– Все радовались бурно его явлению, и под крики людей корабль отошел от причала, – в голосе брата Пона звенела такая радость, словно он сам находился среди зевак на берегу. – Помчал попутный ветер их, и вскоре океан принял в свои объятия судно, рокочущий и мощный, глубокий, точно сострадание Будды, кишачий рыбами и чудесами. Через какое-то время они достигли вод, где волны были темно-синими, и украшали их гирлянды пены, напоминавшие цветочные... И тут их накрыла буря!

Дальше монах пустился в поэтический рассказ о волнах, словно горы, о тучах черных, пожравших дневное светило, о ливне, что сек поверхность воды и людскую плоть, о страхе,

что объял сердца мореходов, которые начали дружно творить молитвы. Несколько дней продолжалась непогода, и даже самые стойкие предалися отчаянию, принялись стенать и плакать.

– Только старый кормчий оставался спокойным и веселым, – сообщил брат Пон. – Тем же, кто к нему приходил, он говорил: «Держите снасти крепче, уныние вам выжить не поможет, от силы рук и стойкости зависит все. А в центре океана, куда нас занесло, такие бури, что ветерки на суше, то налетят, то рассеются, и ни один не задержится надолго». И точно, на следующий день буря улеглась, но страх не оставил сердца людей, поскольку за бортом увидели они существ, во всем на людей похожих, но только с плавниками и в броне золотистой, они ныряли и всплывали, играли между волн, резвились, как дельфины.

Старого кормчего не проняло и это: когда ему рассказали о демонах, он заявил, что это всего лишь рыбы и что это море ему известно, что их занесло далеко и нужно повернуть на восток.

– Но буря новая примчалась, корабль схватила она как скорлупку и дальше повлекла! – в этот момент брат Пон напоминал мне древнегреческого певца, может быть самого Гомера, поющего царям о богах и героях, о путешествиях и сказочных землях. – Примчала в море, где белоснежные валы, все в пене, катились ряд за рядом, словно стадо громадных овец, гонимое богами морскими, – протянулось оно от горизонта до горизонта... «Молочное это море, – сказал кормчий, понюхав воздух. – И надо срочно уходить. Забрались слишком далеко мы, опасность все ближе, и нужно повернуть корабль!»

Мореходы напрягли все силы, поставили парус и сумели двинуться в обратном направлении, но новый шторм пришел тем же вечером, и опять судно превратилось в игрушку стихии. Новое море, куда их принесло, оказалось багровым, и в глубине его словно горел исполинский огонь, алые сполохи металась в водной толще, и ощущался идущий от воды жар.

Ничего удивительного, что это море называлось Огненным.

Но на этом экскурсия по выдающимся регионам мифического океана не закончилась, следующая «остановка» порадовала «туристов» водой цвета свежей зелени – казалось, что волны покрыты травой, можно было различить даже отдельные стебли, а пена здесь была ярко-желтой.

– «Растущим море это именуют, – ответил кормчий на вопросы любопытных. – Немногие похвастались, что отсюда живыми выбраться смогли, ведь до края света рукой подать, и если мы не остановимся, то гибель ждет всех». Сам он смерти не боялся, за много лет странствий духом укрепившись, постиг он истинной реальности природу, но сердце его горело состраданием к спутникам, которые были обычными людьми.

Разума лишились почти все, одни плакали, другие молились всем богам...

Да, эта сказка отличалась от предыдущих, тут не встречалось ни отшельников, ни густых лесов, где так приятно заниматься медитацией, ни разумных животных, ни царей и ни богов. Только море, бесконечный океан, изменчивый и опасный, похожий на саму жизнь.

– Сумели остановить они бег корабля, – вдохновенно продолжал брат Пон. – Напрягая силы, против ветра развернули его и двинулись обратно, и радость уже обуяла их сердца, когда алые волны увидели они... но тут порыв коварный парус разорвал, и новый шквал погнал корабль обратно в зелень, туда, откуда рокот мощный доносился.

Помню, в детстве я видел в книге иллюстрацию, где с края плоской земли низвергался водопад, и на его гребне виднелся готовый упасть клипер. Люди были нарисованы мелко, крошечные фигурки, но мне нравилось воображать их лица, я почти видел искаженные страхом черты, представлял, что они думали, увидев под собой бездну.

– «Горе! Горе!» – закричали мореходы, пытаясь новый парус на мачте укрепить, но волны судно болтали и швыряли, так что никто стоять не мог, и ветра рев все заглушал, – ситуация ухудшалась согласно законам драматического искусства. – Но и его громче оказался новый звук, словно рычание миллиона тигров, донесшийся с той стороны, куда несло корабль. Тут разума лишились почти все, одни плакали, другие молились всем богам, которых знали, третьи оцепенели от ужаса, и лишь немногие разумные потянулись к старому кормчему, который был спокоен в диком светопреставлении, печален, ликом светел. «Спаси нас! – взмолился капитан. – Все знают, что ты постиг тайны всех трех миров, столь же глубокие, как целый океан, и что сама смерть не раз отступала перед тобой! Отведи же ее руку и сейчас!»

Колебания старика брат Пон изобразил с помощью мимики, и в этот момент он выглядел значительно старше, чем обычно.

– «Есть средство спастись» – ответил кормчий, – голос монаха даже дрогнул, – «Только молитесь все со мной, вставайте на колени и устремите помыслы свои к благому». Утихло все на корабле, мореходы пали ниц, и кормчий, чье сердце наполнило сострадание, обратился разом ко всем буддам и бодхисаттвам Вселенной, с таким словом: «Будьте свидетелями вы, могучие боги, волнующие пучину океана и просторы небес! Никогда не поднимал я руки на живое существо с тех пор, как достиг разумного возраста, ни словом, ни делом человеку не вредил, а помогал другим без счета. И если есть у меня заслуги духовные и если превосходят они грехи тех, кто собрался на этом корабле...»

Брат Пон замолчал, и мне показалось, что вместе с ним затих весь мир вокруг: лишились голосов насекомые, без устали стрекотавшие в зарослях, прижался к земле вечер, даже листья перестали шептать.

Я затаил дыхание.

– И буря замерла, волны улеглись, а течение остановилось силой великих духовных заслуг старого кормчего, – возвестил брат Пон, – а потом ветер задул в обратную сторону. Мореходы с радостными криками повскакали на ноги, принялись обниматься, петь и смеяться! По знаку капитана поставили они парус и начали благодарить старого кормчего, тот же в ответ сказал: «Будьте же бдительны, друзья, сейчас пойдём обратно мы через моря различные, и там, где мелко, черпайте вы в трюм со дна морского камни и песок». Команда удивилась совету такому, но послушаться никто не посмел.

Совершенно предсказуемым образом судно достигло сначала Растущего моря, где удалось подцепить немного камней, затем Огненного, где добыли некоторое количество булыжников со дна. Молочное обогатило их тонким песком, а не получивший имени район океана, где резвились похожие на людей существа в чешуе, – песком другого цвета.

– «Зачем нам это все?» – спросил капитан, когда нос судна вонзился в темно-синие волны, украшенные гирляндами пены, белоснежной, точно вершины гор священных, – продолжал разливаться брат Пон. – Кормчий же в ответ усмехнулся и сказал уверенно: «Опасен курс для легкого суденышка, твое же теперь сидит в воде низко, и редкая волна может его качнуть. А кроме того, эти частицы земли из тех мест, куда не ступал человек, принесут нам удачу». И действительно, корабль стал куда устойчивее, отлично слушался руля и спокойно бежал по волнам, словно мощный и выносливый конь волшебный.

Дальше я узнал, что синее море осталось позади, а вскоре показался берег, вьющиеся над ним птицы, и в конечном итоге город, откуда они не так давно ушли в плавание. Купцы погрузились в уныние, поскольку плавание их не удалось, до Суварнабхуми они не добрались, собственные товары не продали и ничего не купили.

Хорошо, что живыми вернулись.

– На берегу собралась толпа и восклицаниями горестными огласилась, когда вошел в гавань корабль, – стало видно, что корпус помят его и поврежден жестокими штормами. Опустился парус, некогда яркий, ныне же выцветший и потрепанный, упали на причал сходни, – брат Пон щелкнул языком, и я услышал глухой стук удара дерева о дерево. – Первым спустили на берег старого кормчего и хотели отнести домой, но он сказал: «Постойте, хочу я побыть здесь, когда начнете вы разгрузку, покажете, что в море вы добыли». Мореходы решили, что он над ними смеется, и в унынии глубоко отправились в трюм, зеваки же зашептались, что бесполезным было плавание, что ничего не привезли. И тут...

Новая пауза, несколько дольше предыдущей, и я нетерпеливо кашлянул.

Что там произошло дальше?

– Из трюма начали вылезать моряки, глаза их были выпучены, словно у рыб... Первого руки полнили изумруды, из Растущего моря добытые, второго – рубины, камнями представшие в волнах Огненного, третий нес кусочки серебра, четвертый – золота... «Обманчиво то, что можно видеть в море, – сказал старый кормчий, слыша голоса. – Несите же теперь меня домой, настало время мне оставить этот мир, ведь сделал я для него все, что мог». Его с почтеньем проводили, а на следующий день с плачем и криком провожали снова – теперь уже навсегда.

Корабль стал куда устойчивее, отлично слушался руля и спокойно бежал по волнам.

Брат Пон замолчал, а я остался сидеть в затруднении.

Мораль предыдущих сказок выглядела настолько очевидной, что с ней бы разобрался и ребенок – надо быть щедрым, твоими истинными врагами являются страсти... Сегодняшняя же история была несколько сложнее, и я ломал голову, пытаюсь понять, к чему все это: истинно святой человек вытащит тебя даже из самой глубокой задницы? Богатство кроется там, где не ждешь? Не стоит вестись на внешнюю красоту пейзажа? Земля плоская?

– Что, задумался? – ехидно спросил брат Пон.

– Ну да, – признал я. – Обещали, что спасете меня от лопнувшей головы, а сами надули ее еще сильнее! Раньше я не понимал ничего, а теперь это «ничего» стало больше!

Он засмеялся и потер руки.

– Давай порассуждаем с начала. Кто такой кормчий, к помощи которого прибегли люди? Искусный, мудрый, постигший истинную природу реальности.

Над этим мне думать долго не пришлось:

– Будда?

– Совершенно верно. А что за путешествие, которое предпринимают люди? Надеются на выгоду, полагают, что все в этом странствии под их контролем, но на самом деле становятся игрушкой в руках могущественных сил... Ничего не напоминает? Подумай.

– Жизнь! – выпалил я после нескольких минут размышления.

– Отлично! – воскликнул брат Пон. – Итак, ограниченные, но умные люди, принявшие руководство Татхагаты и его учения, отправились в путешествие к неизбежной гибели.

– А почему он слепой?

– Тот, кто видит истинную реальность, иногда теряет способность воспринимать обыденную, – ответил монах. – Только не вздумай бояться, в этой жизни тебе подобное не светит. В лучшем случае, если будешь вести себя хорошо, то воплощений через десять.

– И на том спасибо... – пробормотал я. – Теперь разноцветные моря с рыбами.

– Ты бывал в океане?

Я кивнул.

Нет, я не работал матросом и межконтинентальные круизы не входили в круг моих увлечений, но я посещал Мальдивы и несколько дней болтался на яхте вне вида берега.

– Все они разные, и такие же разные периоды нашей жизни, – сказал брат Пон. – Один можно назвать Огненным, в другом нас встречают рыбы с человеческими лицами, в третьем огромные волны, в четвертом мы любуемся красотами, но нигде мы не видим того, что окружает нас на самом деле.

– Те самые сокровища, которые укрывались на дне?

– Да, и добраться до них можно, только утихомирив ветер страстей и приняв помощь Татхагаты. – А если его нет рядом?

Брат Пон вытаращил глаза так, словно я предложил заняться людоедством.

– Там, где есть учение Татхагаты, есть и сам Татхагата, пока живо оно, жив и он, – эту фразу монах произнес очень торжественно, и я вспомнил, что нечто такое он уже говорил, давно, в самом начале обучения. – Но есть и другое толкование этой истории, связанное с дхармами... различные моря не более чем способы восприятия одного и того же океана.

Эта фраза поставила меня в тупик, разум мой словно с разгона налетел на стену.

– Одни иллюзорные, другие настоящие? – спросил я.

– Нет, все одинаково иллюзорные, и все одинаково настоящие, – монах поднял руку. – Смотри, это можно увидеть как храм в лесу, можно как набор теней и освещенных участков, как скопление строений, как узор из зарослей, в который вкраплены рукотворные объекты, как груды мусора.

– Но это всего лишь разные описания...

– Именно! А наше сознание может иметь дело только с описаниями!

– А как тогда дхармы? – вспомнил я недавний разговор.

– Дхармы – тоже описание, это тайный язык, на котором описывают мир мудрецы.

Эта фраза поставила меня в тупик, разум мой словно с разгона налетел на стену. Еще мгновение назад он мчался на полных оборотах и внезапно замер, ощутил полное бессилие.

– Отлично, – сказал брат Пон. – Самое время тебе напрячь иллюзорное тело. Лопата, как ты знаешь, находится в сарае...

* * *

Второй визит в Нонгхай прошел совсем не так, как первый – меня не тошнило среди людей, я чувствовал себя комфортно. Более того, я увидел нечто странное: окружавшие меня существа одного со мной вида превратились в излучающие тусклый свет объекты с «хвостами», как у комет, и неровными протуберанцами.

Это не выглядело жутко или неприятно, но послевкусие осталось странное.

На следующий день я отправился полоскать белье и, спускаясь к Меконгу, ощутил, как земля подо мной закачалась. Мелькнула мысль о землетрясении, но в следующий момент я понял, что сотрясение происходит внутри – снаружи царят покой и умиротворение.

Я ворочал тяжелые мокрые простыни, отжимал наволочки и одновременно чувствовал, что во всем этом чего-то не хватает.

– Можно вопрос? – спросил я, когда на мостках появился брат Пон.

Он мгновение смотрел на меня, а затем кивнул:

– Запрети тебе, как же.

Я рассказал, что ощутил недавно.

– Ну, я же говорил, что пустота в тебе проклюнулась и начала увеличиваться, – монах пожал плечами. – Ты потерял уверенность в том, что картина мира, предстающая твоим глазам, единственно верная, и это пугающее ощущение, как сейчас помню. Единственное спасение – именно теперь, пока ты не привык и не освоился, заполнить ее знанием, не теоретическим, а практическим.

– Но я и так сплошь практичен, – и я показал на огромную корзину с бельем.

– Конечно, но твои практики большей частью нацелены на борьбу с аффектами и очищение сознания, – сказал брат Пон. – Тут же требуется нечто иное, и для начала мы вспомним о дхармах, о том языке описания мира, о котором мы говорили уже не раз.

Я вздохнул и потянулся за новой простыней.

– Дхарма – это носитель определенного, принадлежащего ей качества, и определить ее можно только через него, это неделимый элемент опыта, точка его фундамента.

Я вспомнил момент, когда вокруг меня закрутилось колесо из тысяч «пятнышек», тогда я ощущал каждое из них очень хорошо, почти видел границы между ними – тепло солнечных лучей на лбу, мысль о разговоре с наставником, ссадина на пятке, вкус съеденного на обед риса, запах листвы, сомнение в том, что я справлюсь с вырезанием статуэток.

– Я вроде бы даже воспринимал их, хотя если вспомнить, как мало они существуют, то...

– Да, – перебил меня брат Пон. – Ты воспринимал последовательности схожих дхарм, каждая существует слишком недолго, чтобы запечатлеться в сознании, а вот если десяток-другой обладающих схожими параметрами, выстраиваются в цепочку, то их вполне можно зафиксировать. Есть дхармы универсальные и не универсальные, первые содержатся в сознании всех без исключения индивидов, они определяют то, что делает нас людьми, а вторые характеризуют индивидуальные психические особенности. Выделяют порой и третью группу, так называемые «неопределенные» дхармы, не относящиеся ни туда, ни сюда, но мы о них подробно говорить не будем.

– Но зачем мне все это знать? – влез я, но брат Пон остановил меня взмахом руки.

– Универсальные дхармы обеспечивают то, что все мы воспринимаем мир одинаково, – продолжил он, – что «дерево» для нас всех более-менее одно и то же, и услышав слово «огонь» или «вражда», мы воспроизводим приблизительно одни и те же образы. Лишенные же универсальности формируют особенности, субъективность восприятия.

Я понял, что в какой уже раз за последние несколько дней окончательно запутался.

– Так дхармы – это что-то внешнее по отношению к нам или нечто внутреннее? – поинтересовался я.

– Это язык, – повторил брат Пон, – с помощью которого можно описать реальность. Все дхармы изменчивы, бессущностны и несут страдание, – тут он употребил термин «духкха», который мы подробно разбирали, – часть из них является присвоенными, их мы называем собой, другая часть – неприсвоенными, и их мы называем внешним миром. Только одни ничем не отличаются от других.

Эту мысль я, кажется, усвоил.

– Сейчас, именно сейчас я должен напичкать тебя сложной информацией, – брат Пон посмотрел на меня почти с сочувствием, – которую ты, может быть, поймешь через много лет, если вообще поймешь... но я на тебя надеюсь.

Я развел руками и вздохнул, показывая, что сделаю все что могу, и взялся за очередную наволочку.

– Согласно некоторым вариантам учения, только непрерывный и правильный анализ дхарм является эффективным средством устранения страстей, – сказал брат Пон. – Сам я этого мнения не придерживаюсь, но для отдельных типов людей в отдельные моменты времени такая практика может быть полезной, поэтому нам с тобой тоже придется к ней обратиться.

– Анализ? – уточнил я.

Это слово вызывало в памяти смутные воспоминания о «математическом анализе», которому меня учили в студенческие годы, о сложных уравнениях и препода, сутулом, с белой головой и мощным голосом.

В следующий момент я понял, что сотрясение происходит внутри – снаружи царят покой и умиротворение.

– Все дхармы являются причинно-обусловленными, они возникают не сами по себе, а благодаря другим дхармам, – брат Пон не стал отвечать, он видел, что это не столько вопрос, сколько просто реплика. – И каждая из них определяется как минимум двумя, существовавшими ранее, и в свою очередь может определять не одну, а много новых. Понятно?

Я уныло кивнул.

– Дхармы обладают четырьмя базовыми характеристиками: формой времени, предметом высказывания, потенциальной способностью к прекращению и предметной реальностью...

Да, не зря я вспомнил лекции по матану, там я тоже мало чего понимал и зверски хотел спать. Разве что тогда меня никто не заставлял прямо в аудитории возиться с мокрым и тяжелым бельем. – Согласно одной из концепций, дхармы появляются парами, каждый элементарный феномен, который мы воспринимаем, представляет собой как минимум две дхармы, – униматься брат Пон, судя по всему, не собирался.

Передышку он мне дал, только когда осталась последняя простыня.

Я прополоскал ее, отжал, скручивая в одну сторону, потом в другую и с облегчением плюхнул в корзину.

– А теперь время для практики, – объявил монах. – Начинай прямо сейчас.

– Что именно? – спросил я.

– Анализ дхарм.

– Как? – наверное, в этот момент я смотрел на него как баран на новые ворота. – Делать-то что?

– Обычно мы воспринимаем любое событие в действующих лицах и их поступках, – сказал брат Пон. – Даже если вокруг нет никого, то в нашем распоряжении есть наша любимая личность. А уж когда людей несколько... вспомни хотя бы, как к нам приходили полицейские и что ты воспринимал тогда.

Момент был очень неприятным: явившись из джунглей, я обнаружил, что ват кишит тайскими стражами порядка в форме, наши хижины обыскивают, а брата Пона и его соратников допрашивают; меня, к счастью, тогда не тронули, лишь осмотрели жилище и выкинули пожитки на улицу.

– Ну да... толстый полицейский закричал, вы ответили... я напрягся... и так далее, – признался я.

– А можно было воспринимать все это в виде набора дхарм, следить за тем, как меняются их «созвездия», конфигурации. Понятно, что отдельные дхармы ты не заметишь, слишком мало они существуют, но за их цепочками тоже полезно наблюдать.

– То есть я должен вызвать состояние, в котором находился, когда видел истинную реальность? – уточнил я, думая, что не имею никакого представления, как этого добиться.

– Нет, у тебя не получится, – брат Пон усмехнулся. – Только пупок надорвешь. Пытайся описывать происходящее с тобой на языке дхарм, комментировать внутри, как мы обычно делаем, но на другом наречии.

Я открыл рот, собираясь задать очередной вопрос, но монах поднес палец к губам, намекая, что разговоры закончены.

* * *

Поднимаясь по склону, развешивая белье, занимаясь прочими делами, я честно пытался делать так, как велел брат Пон: оценивал, какие универсальные дхармы существуют сейчас, и какие персональные, старался поймать их парность, определить, как одни порождают другие. И при этом я чувствовал, что таскаю решетом воду или бегу за радугой – пытаюсь ухватить нечто не совсем реальное.

Явившись из джунглей, я обнаружил, что ват кишит тайскими стражами порядка.

Злости или раздражения я не испытывал, но легкая досада имелась, в основном на себя – за то, что чего-то не понял.

– Так я и думал, – заметил брат Пон, выслушав рассказ о том, что у меня ничего не вышло. Стоял жаркий полдень, и мы расположились в храме, где было чуть прохладнее. – Удивился бы я сильно, достигни ты успеха.

– Тогда зачем упражнение?

Еще месяц назад, услышав, что меня нагрузили бессмысленной задачей, я бы разозлился или обиделся, сейчас я лишь удивился, поскольку знал, что времени у нас мало. Но в глубине сердца все же немного кольнуло, как в детстве после несправедливого выговора мамы.

– Это подготовительная стадия, и через нее надо пройти, потренироваться как следует, – ответил брат Пон. – Сейчас мы перейдем к следующей стадии анализа дхарм. Воспринимать их по отдельности бессмысленно, как ловить сачком волны в океане... Поэтому обычно их анализируют по группам, которых выделяется пять.

Первая группа предсказуемо оказалась телесной, сюда монах отнес все, связанное с движением и ощущениями тела, его внутренними органами, дыханием, тем материалом, который поставляют органы восприятия, тем, что мы видим, слышим, осязаем, вкушаем. Концепцию второй я тоже ухватил сразу – чувства, не эмоции, а классификация всего окружающего на приятное, неприятное и нейтральное – группы рефлексивной и пассивной, недоступной контролю.

– Третья – это распознавание, восприятие различных объектов в окружающем мире, – сообщил брат Пон.

– То есть на самом деле через все три группы может проходить одно и то же? – уточнил я. – Вот я слышу обезьяний вопль: сам звук будет относиться к первой группе, ощущение того, что он неприятен, – ко второй, а идентификация его как произведенного легкими живого существа – к третьей?

– Совершенно верно, – монах кивнул. – Группы еще можно описать как некие слои. Они обернуты один вокруг другого, и в основе всего лежит первая, ее дхармы возникают чуть раньше, за ними следуют остальные, хотя это отставание мы не замечаем, оно слишком мало.

Ну да, одна десятая секунды.

Четвертая группа дхарм, или четвертый слой, имеет отношение к их комбинированию, к тому, что элементы реальности складываются в некую последовательность конструкций, обуславливают события, то, что с нами происходит.

– Именно тут реализует себя карма, – сказал брат Пон. – Действия и их плоды. Прошлое создает настоящее, то формирует будущее, и единственная наша свобода на этом уровне состоит в том, чтобы вкладывать в комбинации дхарм личное намерение: помочь соседу не потому, что за это похвалят, а ради того, чтобы оказать помощь, уменьшить страдания другого; прибить злодея не потому, что это приятно и можно будет обыскать его карманы, а потому, что этот поступок принесет благо многим.

Подобную точку зрения он озвучивал не первый раз, но я пока не мог принять ее до конца.

– И пятая группа – это сознание, направленное на все дхармы прежних уровней. Точнее, сознавание конкретных вещей и явлений, без них просто не существующее.

Поскольку английский был для меня не родным, потребовалось некоторое время, чтобы уточнить, в чем разница между «сознанием» и «сознаванием», и у меня остались сомнения, что я уяснил все верно.

– Вот пример: человек идет по лесу и натывается на лежащий в кустах алмаз, – сказал брат Пон. – Сам блестящий граненый объект в окружении травы – первая группа. Удовольствие от того, что он обнаружил нечто столь красивое и редкое – вторая. Опознавание, тот миг, когда он понимает, что именно находится перед ним и сколько оно может стоить, – третья. Сама ситуация и желание взять этот предмет себе – четвертая. Сознание всей ситуации, связанной с драгоценным камнем и его обнаружением, – пятая.

Теперь все более-менее встало на места.

– Ну, раз мы разобрались, то вспоминай момент, когда ты увидел полицейских, – велел монах. – Только разбирай его теперь иначе, по уровням, по группам дхарм. Начинаем, как положено, с органов чувств.

Я закрыл глаза и нырнул в прошлое.

Очертания фигур, облаченных в бежевую форму, лица, жаркое полуденное солнце, ощущение прилипшей к телу антараваски, вид моей хижины, дверь которой распахнута так, что видна дальняя стена и кусочек постели, запахи пота, речной воды и нечистот – первая группа. Неприятное ощущение, поскольку на территории Тхам Пу неожиданно объявились чужаки – вторая. Понимание того, что это полиция, что они могут устроить нам всем серьезные неприятности (и в первую очередь – мне, поскольку я белый, фаранг) – это третья. Желание рвануть в лес со всех ног и одновременно стремление находиться рядом с братом Поном, что бы с ним ни происходило – это, должно быть, четвертая. Сознание всего этого вместе, воспоминания о мире и покое, что царил в вате еще пару часов назад, мысли о том, что ждет меня завтра, – пятая.

А потом я ощутил эти группы как слои полупрозрачной пленки, накрученной на меня, и торопливо открыл глаза.

– Вижу, что получилось, – сказал брат Пон, – а затем явилось твое воображение... Обычное дело! Но разложить так любую ситуацию в прошлом достаточно легко. Ты же должен проводить анализ прямо по ходу жизни, с тем, что происходит с тобой прямо сейчас.

На этот раз я закрывать глаза не стал.

Ощущение прижатой к твердому полу задницы, полумрак, силуэт Будды, аромат от дымящихся палочек, улыбка на лице монаха, легкий ветерок из дверного проема... Приятное ощущение от того, что я в прохладном месте, ничего у меня не болит и ничего не беспокоит... Понимание, что я не нагружен тяжелой работой, занят интересным и полезным делом, что я продолжаю обучение у брата Пона, что я в храме... Стремление добиться успеха в той прак-

тике, которой я предаюсь, чтобы прийти к освобождению... Сознание происходящего, включение его в бесконечный поток, текущий из прошлого в будущее...

– Я смог, – сказал я, посмотрев на наставника. – Но это совсем другое.

Я ощутил эти группы как слои полупрозрачной пленки, накрученной на меня...

Восприятие было немного отстраненным, приятным, но мало напоминало текущий мир, в котором я плыл через колесо из вспыхивающих «пятнышек», ощущая их каждой клеточкой, частичкой организма.

– Там ты впитывал непосредственное качество реальности, – объяснил брат Пон, – здесь же ты видишь искусственно созданные грани этого качества, для чего тебе приходится напрягаться, работать, а любое напряжение несовместимо с истинной реальностью.

– Но... но... – я облизал пересохшие губы и затем все же поймал за хвост наполовину оформившуюся мысль. – Вот я заметил – мое сознание не изменяется! Оно выглядит одинаковым в любом случае – и когда я анализирую ситуацию из прошлого, и когда воспринимаю настоящее!

– Очень хорошо, что ты уловил этот момент, – монах благосклонно кивнул. – Дальше ты увидишь, что оно не меняется никогда, словно зеркало, которое отражает что угодно – прекрасное и уродливое, близкое и далекое, – не меняя при этом собственных качеств. Это свойство принадлежит истинному сознанию, о котором мы еще будем говорить, сейчас же возвращайся к практике. Анализ дхарм должен стать постоянным, из созерцательной практики сделаться образом жизни.

– Навсегда?

– Нет, на некоторый срок.

Через несколько дней практики стало ясно, что я могу разлагать элементы восприятия на пять слоев практически всегда – и работая над статуэтками у себя в хижине, и промывая рис на кухне, и разговаривая с братом Поном, – и забываю о нем, только когда сосредотачиваюсь на какой-то иной медитации, например на повороте бхавачакры, колеса судьбы. Я научился выделять под это упражнение как бы самостоятельный «ручеек» мыслей, не требующий отдельной концентрации.

* * *

Сегодня дневное светило жгло особенно сильно, но жара не доставляла мне неудобства. Крохотный огороδικ располагался на свободном от деревьев участке, чтобы посаженной там зелени доставалось побольше света, а прополка стала моей постоянной обязанностью.

Я сидел на корточках, аккуратно выдергивая сорняки, и стоявшее рядом со мной ведро постепенно наполнялось. Одновременно я анализировал элементы восприятия: колышущиеся зеленые пучки моркови, горячее прикосновение к спине и затылку, ломота в натруженных коленях и лодыжках – это первая группа дхарм, иначе именуемая скандхой; неприятное ощущение, связанное с тяжелым трудом, – вторая; распознавание огорода, окружающего меня леса и торчащей из него крыши храма, – третья; прополка, на которую меня отправили, – четвертая; и сознание происходящего, кроющееся в центре, словно косточка в вишне.

В какой-то момент мне показалось, что стало еще жарче. Я поднял руку, чтобы утереть пот со лба, и тут мне почудилось, что я на грани того, чтобы снова увидеть истинную реальность. Я замер, но нет, мир не распался на фрагменты, не растворился в волнах приятной пульсации.

Наоборот, у меня засосало под ложечкой, в желудке и выше я ощутил холод.

Совершенно автоматически я отметил и это, и только через несколько секунд сумел удивиться: что со мной происходит, я недавно поел, чувствую себя сильным, но одновременно кажется, что я голоден! Неужели я перегрелся? Да нет, совсем не похоже!

Стоило вспомнить о монахе, как он вышел из-под деревьев и посмотрел на меня.

Солнечный удар я зарабатывал дважды, один раз в детстве, и второй уже в Таиланде, не так давно.

Но на всякий случай я перебрался в тень, где и отдыхал несколько минут, обмахиваясь громадным листом с ближайшего дерева. Но там, в холодке мое состояние не изменилось, засевшее во внутренностях мерзкое чувство никуда не исчезло, тошнота – не тошнота, ощущение нехватки чего-то привычного, словно мне без моего ведома удалили один из внутренних органов.

Сегодня утром у нас с братом Поном снова зашел разговор о дхармах, и он утомил меня длинным и нудным перечислением, рассказав сначала об одиннадцати видах дхарм первой группы, затем о сорока видах дхарм четвертой группы и о тринадцати видах универсальных дхарм. После этого он заявил с невинным видом, что я должен радоваться, ведь он не заставляет меня, как это положено по канону, заучивать все это наизусть.

Я представил, как зубрю длинные списки, и холод пробежал у меня по спине.

Стоило вспомнить о монахе, как появился и он – вышел из-под деревьев и удивленно посмотрел на меня:

– Ты чего тут отдыхаешь?

– Да вот... – и я рассказал, что со мной происходит.

Брат Пон потер лоб.

– Я говорил уже, что Пустота понемногу растет внутри тебя, и растет быстро, – проговорил он. – Наша попытка заполнить ее новыми знаниями особого успеха не возымела. Если продолжить, то ты просто надорвешься, и ничего хорошего не получится.

Я слушал его с тревогой.

Удивительно, но если поначалу я принимал новые практики в штыки, то сейчас они мне нравились, а уж анализом дхарм я и вовсе мог заниматься непрерывно, получая от процесса удовольствие. И он у меня получался, шел легко, я видел, как прямо на глазах меняется мое восприятие.

– Нет-нет, – заявил брат Пон, выслушав мои возражения. – Это как раз плохо. «Нравится»? «Интересно и полезно»? При таком подходе от практики не будет пользы! Сделать из нее объект привязанности, нечто вроде развлечения – что может быть глупее?

Если бы я знал его хуже, то заподозрил бы, что монах разозлился по-настоящему.

– Кроме того, ты ни разу не столкнулся с необходимостью анализировать в по-настоящему сложных условиях, – добавил он, – во время конфликта с другим человеком, когда тебе срочно нужно чего-то добиться или справиться с неким серьезным препятствием. Вернешься к этому занятию через три месяца, когда будешь у себя дома.

Услышав слово «дома», я помрачнел еще больше.

Я знал, что мне придется оставить Тхам Пу, и сравнительно скоро, но я не хотел уезжать, с ужасом думал о том, что буду делать в Паттайе, и порой мечтал остаться здесь, в тихой обители среди густого леса.

Если придется стать настоящим монахом, то почему нет?

– Но я, но... забулькал я, но брат Пон повелительно вскинул ладонь, и я замолчал.

– Прекращай, – велел он. – И хватит сидеть, огород сам себя не прополет.

Я вздохнул и поднялся.

Само собой, я не удержался и тем же вечером попытался анализировать снов. Отлично провел время, строгая ножом изображение Ратнасамбхавы, и решил, что иногда, исподтишка, когда наставник не видит, все же можно.

Два дня все шло нормально, а на третий мне стало худо в тот момент, когда я отправился по нужде. Голова закружилась с такой силой, что я ухватился за деревянную стену будочки, в которой делал свои дела, и судорожно задышал, пытаясь справиться с поднявшимся ужасом.

Что происходит? Я отравился? Заболел?

Мерзкое ощущение холодной полости внутри подсказало мне, в чем дело, но справиться с ним самостоятельно я не смог и, промучившись до вечера, отправился с покаянием к брату Пону.

– Хорошо, что ты признался, – сказал он. – Если бы скрыл, то все было бы напрасно. Иди, работай.

– А это... как же? Оно не вернется? – спросил я, прислушиваясь к ощущениям: голова чистая, ясная, холод внутри не рассосался до конца, но уже не такой сильный.

– Не будешь делать глупостей – не вернется, – пообещал монах.

ЗАМЕЧАНИЯ ПО ПРАКТИКЕ

«Анализ дхарм» – комплексная и очень важная техника.

В некоторых случаях она бывает ключевой, позволяет действенным образом бороться с аффектами и очищать сознание. Для других людей она имеет второстепенное значение, используется как вспомогательная, третьим может не требоваться совершенно.

Крайне рекомендуется она в тех ситуациях, когда восприятие очень негибкое, шаблонное.

В любом случае она начинается с попыток осознать, что такое дхармы, элементарные частицы опыта, восприятия, описания психики, неразложимые, существующие лишь мгновение, порождающие друг друга и образующие сложные конфигурации. Воспринимать их по отдельности мы не в состоянии, слишком мало существует каждая дхарма, а вот их последовательности нашему сознанию доступны.

Анализировать дхармы по одной штуке, взяв их общий список, можно, но это техника сложная, и рекомендовать ее использование без присмотра наставника я не могу. Другой вариант – анализировать группы или слои дхарм, называемые в традиции «скандхами», которых насчитывается пять штук (они подробно описаны выше).

Обычно мы воспринимаем любую ситуацию с точки зрения действующих лиц и их поступков. В тех случаях, когда мы в одиночестве, таким действующим лицом являемся мы сами, во всех прочих – мы сами и другие люди, но принципиальной разницы нет, поскольку дхармы и скандхи и там и там одинаковы.

Начинают практику с того, что разбирают в терминах слоев ситуацию, произошедшую в недавнем прошлом, желательно с участием других людей и достаточно эмоциональную, чтобы она хорошо отпечаталась в памяти и содержала разнообразный дхармический материал. Пытаются взглянуть на нее другими глазами, описать в иных терминах – не в таких, в каких она описывалась непосредственно в момент возникновения.

Поначалу дело пойдет, скорее всего, со скрипом, все будет путаться и смешиваться.

Тут главное не отступать, и если отработана одна ситуация, браться за вторую, потом за третью, четвертую, и так до тех пор, пока анализ не будет происходить автоматически, очень быстро.

Только после этого нужно переходить к «анализу дхарм» в настоящем.

Сначала берутся ситуации, где вы в одиночестве, события развиваются медленно или вообще статичны. Если предыдущий этап отработан хорошо, то затруднений не должно возникнуть, все проходит легко.

Затем об «анализе дхарм» нужно вспоминать, взаимодействуя с другими людьми, и пытаться отстраниться от обычного восприятия. Этот шаг дается тяжело, поскольку в динамичной ситуации мы сваливаемся к тому способу осмысления, который близок нам, использовался до того много лет.

Чтобы отойти от него, требуются усилия, требуется бдительность.

В Тхам Пу у меня было немного возможностей для освоения этого этапа, и я занимался им позже, в Паттайе, где хватало и людей, и конфликтов, и непредвиденных осложнений. Дело шло очень туго, и в какой-то момент я даже думал, что отступлю, не справлюсь.

Но месяца через три случился прорыв, и все пошло как по маслу.

Практику следует прекратить в тот момент, когда новый способ восприятия и осмысления сделается таким же привычным, как и обычный, и переключение между ними не будет вызывать сложностей. Добравшийся до этого места практик получит очень мощный инструмент работы с сознанием, расширит гибкость и объем восприятия. Неудачный, второй вариант прекращения – когда «анализ дхарм» стал привычным развлечением и выполняется просто для того, чтобы выполняться.

Любые же неприятные ощущения, возникающие при «анализе дхарм», говорят о том, что упражнение необходимо прекратить (по крайней мере, временно), а если они возвращаются, когда анализ начат снова после значительного перерыва (минимум – месяц), то, значит, от него не будет пользы, следует отложить его и заняться другими видами созерцания. Попытки справиться с ними «силой», упрямством опасны, проблема лишь усугубится, поэтому такую стратегию я не могу рекомендовать.

Глава 8

Единство пути

Компанию вечеру составляла приползшая со стороны реки прохлада, но сегодня она меня совершенно не радовала. В груди сипело, одолевали приступы кашля, такие сильные, что начинали течь слезы, а в голове болезненно екало.

Днем меня заставили «дышать дымом» для того, чтобы ликвидировать застрявшие в теле аффекты.

– Ну хватит, хватит, – сказал брат Пон, заглянувший ко мне в хижину после очередного приступа кашля. – Ты прямо всю душу вкладываешь в эти звуки, но я же вижу, что все у тебя замечательно.

– Так уж и замечательно, – буркнул я. – Вот-вот кровь горлом пойдет.

– Даже не мечтай, – монах уселся на пол и принялся смотреть, как я орудую ножом: управлялся я с ним гораздо лучше, чем ранее, и теперь не выкидывал по пять заготовок в день. – На самом деле ты достиг очень много, удивительно многого за этот короткий срок. Опасная переполненность сознания ликвидирована, базовые страсти значительно ослаблены... – он принялся загибать пальцы, – колесо судьбы приведено в движение...

Днем меня заставили дышать дымом, чтобы ликвидировать застрявшие в теле аффекты.

Несмотря на слова брата Пона и его уверенный тон, я вовсе не ощущал, что добился успеха. Да, я мог выполнять упражнения куда лучше, чем раньше, я оставил в прошлом те проблемы, которые казались грандиозными, в некоторой степени изменил характер и привычки, но в то же время я ощущал внутреннюю неустойчивость, напоминал сам себе воздушный шарик на тонкой ниточке.

Налетит ураган – и все.

– Ну да, – сказал я, когда монах замолк. – А мне кажется, что в доме моей жизни... нет стен, и фундамент тоже развалился, и вообще непонятно, что осталось.

– Так это же прекрасно! – воскликнул брат Пон, и вечерние джунгли поддержали его далекими птичьими воплями. – Теперь ты видишь мир вокруг себя на все четыре стороны и можешь вместе с домом двинуться в любую из них! Туда, где интереснее!

– Двигаться... куда и как?

В Тхам Пу мне оставалось не так много времени, скоро наступит срок явиться в иммиграционный офис, чтобы отметить, и если я этого не сделаю, тайские власти обеспечат мне проблемы. Да и монах прямо говорил, что вот-вот отправит меня домой, что мне тут больше нечего делать и что дальше я буду практиковать в одиночку, в привычном окружении, среди людей, а не в спокойной обстановке лесного монастыря.

Меня эта перспектива доводила до мокрых штанов... точнее, мокрой антаравасаки.

– Как я буду делать это все там, где шум и суета? – меня прорвало. – Невозможно! Телефон, друзья...

Брат Пон дождался, когда мой словесный понос иссякнет, после чего заявил:

– Все очень просто: суть учения сводится к принципу «все, что возникает, обречено на уничтожение». Помни о нем, и ты никогда не уклонишься от верного пути.

Я посмотрел на него с сомнением.

– Кроме того, как мы с тобой говорили, время является дхармой, одной из многих, и поэтому оно пустотно и лишено сущности, на самом деле его нет, – продолжил монах. – События твоей жизни происходят одновременно. Все существует всегда, в любой момент. Сейчас

ты находишься и здесь, со мной, и еще не встретился со мной, и мы уже расстались. И там, где меня не будет, ты на самом деле тоже будешь все время со мной.

Брат Пон улыбался, и я не мог понять, шутит он или говорит серьезно.

– Времени не существует, – проговорил я, откладывая нож, чтобы ненароком не повредить почти законченного Вайрочану. – Других людей тоже не существует, но о них надо раздумывать, когда вспоминаешь о даянии... Как совместить одно с другим? Невозможно!

– Очень просто, – в том, что касалось споров, брат Пон дал бы фору любому древнегреческому мудрецу. – Весьма легко, погружившись в анализ дхарм, поверить в то, что помимо твоего собственного сознания, ничего вообще больше не существует и что все создано им. И в качестве противоядия используется воспоминание о других, которому я тебя как хороший наставник... – он карикатурным жестом погладил себя по груди, – обучил.

– Но ведь вы и вправду говорили, что не существует ничего, кроме сознания!

– Да, но не твоего личного, персонального, а сознания вообще, – поправил меня монах. – Кроме того, есть одна вещь, находящаяся за его пределами, а именно нирвана. Хотя, как сказано в одном древнем сочинении, «Сущность всех вещей на самом деле свободна от привязанности, качеств и желаний, поэтому они чисты. А поскольку они чисты, мы знаем, что все вещи на самом деле – сущность нирваны и что сущность нирваны – есть все вещи». Можешь заменить слово «вещи» на «дхармы», так понятнее.

Я заморгал, в очередной раз пытаюсь ухватить концепцию:

– Дхарм нет, они пустотны, и в то же время они составляют нирвану?

– Да, – радостно согласился брат Пон. – Люди существуют, это непреложный факт. Необходимо всегда помнить, что ты даешь другим, чем бы ты при этом ни занимался. Одновременно людей не существует, есть только лишь сознание, и мы придаем ему разные формы.

У дома моей жизни, о котором я вспоминал не так давно, в этот момент не осталось и крыши, ее унесло ветром.

– Только... – я начал заготовленную фразу о том, что я вообще ничего не понимаю, но тут мне вдруг стало все равно, понимаю я или нет, есть у меня фундамент или нет, оставаться мне в Тхам Пу или ехать в Паттайю.

Раньше я, ощутив такую перемену, решил бы, что брат Пон меня заколдовал, сейчас же воспринял все как должное.

– Сначала пройди через хаос обучения, затем обдумай смысл того, чему выучился, и в конечном итоге созерцай суть, как предписано, – это наверняка тоже была цитата из умной книги, но ее монах произнес совсем не так, как предыдущую, а с легкой грустью. – В качестве объекта созерцания можешь выбрать истину об исчезновении, которую я уже озвучил, или что-нибудь более мудреное – например, качества истинной реальности, которая не является наделенной свойствами, не является лишенной свойств, не является не наделенной свойствами, не является не лишенной свойств и не является одновременно лишенной свойств и наделенной ими.

И он захихикал, откровенно наслаждаясь моим замешательством.

– Ладно, хватит с тебя мудростей на сегодня, – изрек брат Пон, отсмеявшись. – Поднимай Вайрочану и продолжай работать, а я поведаю тебе очередную сказку... Некогда Татхагата был рожден в знаменитом царском роду у достойных родителей, наделенных всеми качествами. Среди ровесников он выделялся не только крепостью и сноровкой в воинских делах, но и умом, и добродетелью, и знанием всех возможных наук.

Ну, покатали по накатанной дороге, сейчас уйдет в лес, станет отшельником, а потом к нему явится Индра.

– Любовь народа он снискал щедростью и добротой, готовностью помогать другим, – монах разливался соловьем. – И отец, видя в сыне подобное изобилие достоинств, определил его наследником престола, назначил свиту, охрану и наделил обязанностями. Поэтому редко

отдыхать удавалось юноше, но он не жаловался, со смиренным ношу нес и исполнял все, что должен кшатрий из царского рода. И вот однажды выпала ему возможность отправиться в лес на прогулку, с придворными, танцовщицами и музыкантами, чтобы порезвиться на свежей траве, меж цветов, под сенью деревьев. Уселся царский сын на месте почетном и стал наблюдать за играми остальных, а когда на шум из чащи вышел странствующий брахман, то место лучшее ему тут же уступил Татхагата, еды, питья велел доставить и собрался уже развлечься с ним беседой...

Раньше я, ощутив такую перемену, решил бы, что брат Пон меня заколдовал...

Но тут заросли огласил жуткий рев и грохот, донесшийся из чащи, и царевич отправил воинов, чтобы разобраться, что там происходит, но никто из них не вернулся. Тогда послал он еще несколько стражников и придворных, и на этот раз ветер принес жуткие вопли.

– «Что там творится?» – с изумлением воскликнул Татхагата, – голос брата Пона стал юношески тонким. – И тут заговорил брахман, до времени сего молчавший. «Ужасный людоед Калмашанада, сын львицы, пожиратель людей, бродит в этих лесах. Привычен он губить людей без счета, жесток он и силен, как ракшас, он воплощение ужаса и никого на этом свете не боится».

Это было что-то новое, такие персонажи в сказках монаха раньше не встречались.

– «Поэтому пусть государь быстро решит, что делать, – продолжил брахман, – сражаться с людоедом или отступить поспешно за стены города, могучие и крепкие», – старческое пришепетывание рассказчик изображал так же мастерски. – Но царский сын, который знал все обо всем во владениях отца, был поражен, что о Калмашанаде не слышал никогда. Спросил он: «Что значит „сын львицы“, как может быть такое?»

И брахман рассказал совершенно неправдоподобную, на мой взгляд, даже для сказки историю – как некий царь во время охоты потерялся и сошелся со львицей, отчего у той родился мальчик, его поймали лесники и привели диковину во дворец, где царь признал отпрыска и воспитал; когда же он умер, то полуживотное заняло место на троне и начал удовлетворять склонность к человечине, пожирая обитателей своей же столицы.

– Вот это ничего себе! – воскликнул я, не удержавшись.

– Но горожане собрались, вооружились и решили, что прикончат негодяя, – сообщил брат Пон, – сожгут прямо во дворце, чтобы в прах и пепел черный обратился он. Однако львицы сын нашел из той ловушки выход, он демонов призвал, о помощи воззвал и о спасении. Пришлось ему тогда дать обещанье сто благородных юношей злу в жертву принести, но невредимым вышел он из огня, и хоть лишился трона, силы не утратил. Нашел жилище он себе в лесу густом на горном склоне и начал похищать царевичей, одного за другим... И многие уже попали ему в безжалостные лапы, чтобы погибнуть!

На месте Татхагаты я бы немедленно дал деру к папе, в город.

– Царя сын благородный состраданье ощутил к тому, кто мучается тяжело, – проговорил брат Пон. – Сказал он: «Лишившийся всего из страсти к пище запретной, словно пьяный, не способный владеть собой, в дружбу вступивший с теми, с кем дружить нельзя, достоин он сожаления. Но гость он, пришедший в мои владения, а гостя надлежит с почетом встретить, и верю я, что Калмашанаду излечу!» Поэтому велел он стражникам, чтобы танцовщиц и музыкантов они в город проводили, и старого брахмана тоже, а сам пошел туда, откуда звуки жуткие неслись. А там ему навстречу шел львицы сын, в одеяниях роскошных, но грязных, обросший волосами и бородой, громадный, залитый кровью, страшный, точно демон, с мечом в одной руке, с мечом – в другой!

– Убьет же, – сказал я.

– Нет, – возразил брат Пон. – Ведь обещал он жертву покровителям своим. Чудовищно взревел сын львицы: «Ага, ты-то мне и нужен, тебя я и ищу, красавец!» Словно коршун налетел он на Татхагату, бросил на плечо и поволок прочь, и сын царя даже не подумал сопротивляться, хотя в искусствах воинских он был один из первых.

Эта история выглядела еще более странной, чем предыдущая, о кормчем, и я пока не мог сообразить, как ее толковать: вряд ли брат Пон решил дать мне наставление в том, что есть человеческое мясо нехорошо.

– И в горы дикие, где зазубренные черные вершины с затопленными тьмой провалами чередовались, сын львицы пленника принес, туда, где земля вся кровью залита была, валялись кости и крылись в зарослях мелкие и злобные шакалы, готовые доесть, что им оставят... – эту фразу монах закончил зловещим шепотом, и тут я вспомнил, что должен работать над статуйкой: рассказ так увлек меня, что про Вайрочану я забыл. – Деревья чахлые с листвою желтой там склонялись над кострищем, где жертвы демонам сын львицы приносил, и вороны мрачнее ночи на ветках сидели, и карканье их било по ушам; и призраки носились с воем жалобным, заламывая руки и моля освободить их. Любой бы устранился там, но не Татхагата, чей ум остался ясным, взор открытым. «Немного подожду, когда хозяин отдохнет, – решил он, – и там с ним поговорю».

Затем я узнал, что людоед и вправду утомился, и поэтому не стал резать пленника, а только привязал того к дереву.

– Царский сын спокоен был, но вспомнил он брахмана, с которым беседой мудрой наслаждаться не успел, и сожаление такое охватило его, что он слезу невольно уронил, – брат Пон говорил размеренно, но не механически. – И львицы сын, увидев ее, захохотал! «Прекрасно! Прекрасно! – воскликнул он. – О чем же ты ныне слезы льешь, красавец? Неужели о жизни беспечальной в отцовском дворце, о яствах вкусных, девах податливых или о детях собственных, о царском сане и троне?» Но Татхагата ответил: «Нет, не так. Привязанность родных и наслажденья, власть и богатства не тревожат сердца моего. Однако шанс был у меня сегодня со старцем мудрым беседу повести, пришедшим издалека, обильным подвигами, знающим такое, что в наших краях неведомо... Увы! Упустил возможность я!»

Людоед и вправду утомился, поэтому не стал резать пленника...

Закончил он эту удивительную речь просьбой отпустить его, чтобы разговор с брахманом все же состоялся; а к ней добавил обещание вернуться в пещеру к людоеду сразу после этого разговора, когда «мед прекрасных изречений и тайных знаний будет выпит». Естественно, что сын львицы и блудливого во всех смыслах царя не поверил.

– «Кто ж, невредимым убежав из пасти смерти, к ней добровольно явится опять? – брат Пон добавил в голос рыка. – Какая может быть тому причина, что ты оставишь дворец отца своего, прекрасный и безопасный?» Татхагата же покачал головой и твердо заявил: «Обещание мое – достаточная причина! Не приравнивай меня к обманщикам. Только глупец оскверняет уста таким образом, ибо непременно обманет он сам себя. Карму же обмануть невозможно, и если суждено нам встретиться, то мы встретимся. Кроме того, нет страха во мне перед тобой, ведь если бы был он, разве отдался бы я тебе в руки сам? Разве встретил бы я тебя один, без верных и отважных соратников, панциря и оружия?» И людоед, выслушав такие речи, подумал, что неплохо бы гостя испытать, что у него на счету уже есть девяносто девять царевичей, принесенных в жертву демонам... Последнего можно и подождать.

Сюжет этой сказки напоминал фильм какого-нибудь дель Торо.

– «Хорошо, иди же тогда, а когда насладишься разговорами о высоком, обратно возвращайся. Посмотрим, какова твоя верность слову. А я все приготовлю для ритуала». Татхагата, поклонившись хозяину, пустился в путь...

Дома его встретили радостью, брахман сказал много умных слов, за которые сын царя решил вознаградить его золотыми слитками. Тут вмешался сам царь, решивший, что отпрыск слишком вольно распоряжается казной и что пора напомнить – расточительность не является достоинством правителей.

– «Тот металл прекрасный, с которым так легко ты расстаешься, еще тебе послужит, ведь двор и воинов тебе пристало содержать, и лишь богатство – в беде союзник верный», – изрек царь, на что Татхагата почтительно ответил с поклоном: «Наполненные мудростью реченья рождают стойкость в сердце и разум очищают, их взять с собой получится туда, куда не захватить ни золото, ни драгоценные камни, на сторону другую смерти», – брат Пон сделал паузу, наверняка чтобы перевести дыхание. – Потом же он добавил, что собирается вернуться к сыну львицы, и у него есть заботы поважнее, чем золото из казны.

– Легко догадаться, как отреагировал папаша! – заявил я.

И точно, царь излил на отпрыска потоки слов, пытаясь убедить того, что идти на верную смерть глупо, что данное людоеду слово не стоит ничего, что от судьбы наследника зависит благополучие всей страны и что вообще есть готовая к бою армия, и ее можно взять с собой, чтобы поклонника демонов поймать и повесить вниз головой на городских воротах...

– «Коли наследник царства лжец, то стоит ли давать ему в правление государство?» – сказал Татхагата. – «И людоед по отношению ко мне повел себя достойно – отпустил. Неужели хуже окажусь я, чем он? А кроме того, есть силы у меня его речами одолеть». Отправившись в обратный путь, он прибыл к логову сына львицы, отчего тот пришел в чрезвычайное изумление, и новые чувства озарили его мрачное сердце – уважение и восхищение... – брат Пон вытаращил глаза и оттопырил губы, изображая нечто жуткое. – «Сдержал свое я слово, так что можешь ты готовить меня к жертве или съесть, как тебе угодно».

Разумеется, людоеда одолело любопытство по поводу того, что рассказал сыну царя брахман. Татхагата же отказался передавать речи мудреца, заявив, что дикому существу, живущему без закона в душе, слова истинного знания не могут принести никакой пользы.

Препирались они на удивление долго, так что нетерпение сына львицы только возросло.

– Впервые в жизни ощутил он трепет, желание коснуться неземного, того, что выше всех; и понял Татхагата, что час пришел, что нужные слова окажут нужное воздействие, – монах выразительно глянул на меня, точнее на мои неподвижные руки, и я поспешно вернулся к работе: да, ноги нужно подровнять и с головой еще возиться и возиться. – «Ты спрашивал, отчего правдивость предпочел я лжи трусливой? Вот тебе ответ!»

И сын царя преподнес хозяину те истины, которые услышал от брахмана: о гнилых плодах обмана, о дурных последствиях страха, о неблагих путях страстей.

– «Прекрасно! Прекрасно! – воскликнул львицы сын и с отвращением осмотрел логово смрадное. – Хотел бы я слушать твои речи дальше, но здесь для них не место. Пусть прекратится зло, пусть яд или раскаленное железо выпьет тот, кто вред осмелится тебе причинить! И в благодарность за учение я дам тебе любые дары, какие ты захочешь! Проси». «Тогда прими обеты правдивости, ненасилия, от мяса ты людского откажись, – сказал Татхагата. – Вот те дары, которых я хотел бы от тебя. И живи среди людей. Простителен тот грех, в котором искренне раскаялся грешивший». Людоед, услышав это, пал ниц, из глаз его полились слезы, и объявил он, что покорен будет воле победителя...

И брат Пон озвучил неизбежный хеппи-энд: злодея отвели в столицу, где вымыли, постригли, причесали, а после того, как стало ясно, что он теперь благочестив и тих, словно аскет, ему выдали половину царства, ну а он справедливо ей распоряжался до самой смерти.

– Да, – сказал я, когда монах замолк. – После такой сказки не уснешь.

– Как же не уснешь, – он усмехнулся. – Скоро от твоего храпа стены затрясутся. Давай, ложись... – А как же мораль?

– Утром, – брат Пон встал. – Есть шанс, что ты сам до всего додумаешься.

* * *

Но я не додумался, хотя битый час не мог уснуть, так и смяс тасуя в голове только что услышанную историю.

Сыну львицы выдали половину царства, ну а он справедливо ею распоряжался до самой смерти.

На рассвете брат Пон неожиданно сказал, что за водой сходят без меня.

– Для тебя сейчас важнее знание, – пояснил он, – поэтому вернемся к сказке. Говори, что понял. – Да особо ничего, – признал я.

– И чему только я тебя учил? – с притворной суровостью проворчал монах. – Помнишь, что все три мира есть сознание? – и дождавшись моего кивка, продолжил: – Значит, все царевичи, брахманы и прочее, о чем я говорил, – тоже есть только сознание, разные его части, вступающие в отношения между собой, изменяющие друг друга... Татхагата – та его часть, которая стремится к освобождению, сын львицы – часть, состоящая из низменных стремлений и страстей.

– Точно, – я хлопнул себя ладонью по лбу. – Они же оба сыновья царей!

– Брахман – та мудрость, к которой волен обратиться или не обратиться каждый. Одни ее отвергают, другие пользуются ее плодами.

– А царь?

– Часть сознания, привыкшая к обычной, мирской жизни, наше любимое «я». Обычно мы располагаем его выше всего, отождествляем с собой, холим и лелеем. Попробуешь дальше сам?

– Ну, стремление к освобождению, – начал я, вспоминая детали вчерашней сказки, – поначалу находится под контролем отца, то есть обыденного сознания, и только когда оно... э, взрослеет... то получает возможность выйти на свободу и встретиться с мудростью.

– Верно, – брат Пон кивнул. – Только взрослеет не само, а развивается благодаря нашим осознанным и постоянным усилиям, становится чистым, развитым и умелым. Дальше.

– Благодаря мудрости оно узнает о своей измененной части, – продолжил я, – встречается с ней и в конечном итоге побеждает... не силой, а знанием... и все три они объединяются, чтобы стать единым целым.

Тут я ощутил некий прилив гордости, поскольку расшифровал все логично и понятно. Жаль только, что сразу ничего не понял, увлекся красочными и кровавыми деталями.

– Вот тебе описание пути, на который ты уверенно вступил, – брат Пон развел руками, – очень четкое, подробное и логичное – настоящая инструкция, их так любят фаранги! Уверен, что ты не раз вспомнишь эту историю и откроешь в ней не один и не два слоя смысла.

– Возможно, – не стал я спорить. – Но что в конце пути, к чему я иду?

Я ожидал, что услышу очередные рассуждения о нирване, об освобождении, но монах начал декламировать нечто похожее на стих:

– Бытие я есть и небытие я есть, Будда я есть, тот, кто обладает совершенным знанием всех дхарм. Глупые не понимают меня, живущего в лоне собственной мудрости. Я есть проповедующий, и я есть закон, который я проповедую, я – весь мир и все вещи в нем. Моя собственная природа – в высшем блаженстве, что скрыто в зародыше мудрости. Только в божественной тайне возможно раскрытие наивысшего...

Некоторое время мы сидели в тишине, только птицы необычайно чисто пели в кронах на берегу.

– Можно описать путь так, – нарушил тишину брат Пон, и тихий голос его показался мне раскатом грома, пронзившим меня до самой сердцевины, так что я даже задохнулся: что-то сделало со мной его стихотворение – нечто такое, чего я даже не заметил. – А можно описать совершенно иначе: состояние первого движения к пробуждению аналогично рождению, появлению на этот свет; состояние постоянной и неусыпной практики, ведущей к освобождению, аналогично возмужанию; поворотный шаг постижения истинной природы реальности свободы аналогичен переходу от зрелости к старости; и полное обретение свободы по мощи воздействия аналогично смерти.

Некоторое время мы сидели в тишине, только птицы необычайно чисто пели в кронах.

– То есть я иду к смерти? – последняя аналогия мне совершенно не понравилась, только что я был спокоен, и вот не пойми откуда взялся пессимизм, точно опарыши из протухшей рыбины, полезли мысли о том, что все бесполезно, что я никогда ничего не достигну, как бы ни упирался.

– Мы все идем к ней, и при этом она находится на расстоянии вытянутой руки, – брат Пон положил ладонь мне на плечо, и я поежился, ощутив, насколько она холодна. – Вопрос в том, чем она станет – губителем или освободителем?

Мне до чесотки в ладонях захотелось повернуть голову, чтобы посмотреть на черное облако, клубящееся ниже затылка, выше лопаток, хотя я понимал, что ничего, скорее всего, не увижу. Борьба с этим желанием я не стал, проследил, как оно пересекло мой мысленный небосклон и исчезло.

– Но ведь получается, что я теперь отличаюсь от остальных людей, я знаю то, чего они не знают, я занимаюсь тем, о чем они представления не имеют, и рассказать не могу! – отчаяние прорезалось в моем голосе.

Ну да, признайся я кому-нибудь из друзей или родственников, что балуюсь медитацией, анализирую дхармы и вырезаю из дерева изображения бодхисаттв... засмеют! Начнут угрожать бросить эту «ерунду», вернуться к зарабатыванию денег, глупым развлечениям и мелким проблемам, из которых состоит жизнь обычного человека. Отдельные персонажи могут решить, что я сошел с ума, что меня нужно срочно предьявить психиатру.

– Как говорили мудрецы, «если путешественник не встретит подобного себе или лучшего, пусть он укрепитесь в одиночестве: с глупцом не бывает настоящей дружбы», – сказал брат Пон. – Кроме того, ты же знаешь теперь, что всегда был в одиночестве. Каждый из нас заперт в собственной трубе восприятия и никогда непосредственно не сталкивается с другими людьми, видит лишь их искаженные образы, порожденные сознанием.

– Знать-то знаю, но до конца поверить не могу, – признался я без особой охоты. – Понятно, что образы, но один мне когда-то нос разбил, от другой я болезнь дурную подхватил, так что потом лечиться пришлось... да, вы сейчас скажете, что и болезнь была образом, но толку-то что!

Брат Пон укоризненно посмотрел на меня.

– Я ничего тебе не скажу, поскольку любые слова ничем сейчас тебе не помогут, – сообщил он. – Да и дела не помогут. Ты сам загнал себя в такой уголок собственного ума, где только сумрак, тени и липкая паутина застарелых унылых мыслей, такая уютная... Выбраться ты тоже должен сам!

Он поднялся и ушел, оставив меня в одиночестве, и тут я понял, что впервые за два с лишним месяца не получил конкретного задания, что меня не нагрузили работой или духовной практикой... Осталось только смрити, полное осознание, но его я выполнял постоянно, построил в себя так, что отдельно на нем не концентрировался.

Накатило ощущение неприкаянности, полной ненужности, такое сильное, что я стиснул зубы и едва не застонал.

* * *

В угнетенном состоянии я провел несколько дней, мрачное настроение только ухудшилось после того, как рядом с ватом объявилась группа бэкпекаров. После разговора с братом Поном они установили палатки и даже затеяли для нас «концерт». Глядя на этих молодых людей, свободных и мирных, не изнуряющих себя созерцанием, но при этом лишенных алчности и ненависти, я ощутил легкий приступ зависти.

Естественно, монах увидел, что со мной происходит, и у нас с ним состоялся не очень приятный для меня разговор.

– На словах ты меня понял, но посмотрим, каковы будут дела, – заметил брат Пон, когда мы закончили. – Ведь хорошо сказанное слово того, кто ему не следует, так же бесплодно, как и прекрасный цветок с яркой окраской, полностью лишенный аромата. Разве не так?

Я выдавил из себя унылое согласие.

– Четыре признака истины о пути освобождения, – продолжил он, не обращая внимания на мой мрачный вид, – сам путь, знание метода, достижение, освобождение. Если же сводить его к уровню практики, то это правильное знание и правильное намерение: истинные познания о том, как устроен мир, и устремленность не к мирским удовольствиям, а к высшим целям, отказ от ненависти и алчности...

Нечто подобное он мне говорил, хотя и достаточно давно.

– Второй момент – правильная речь, правильный образ жизни и правильное поведение, – и брат Пон изложил что-то вроде десяти христианских заповедей (Моисей наверняка подписался бы под ними без раздумий): – Третий же включает правильное усилие, правильное запоминание и правильное сосредоточение... Иначе говоря, практика, о которой ты теперь знаешь достаточно.

– Иногда мне кажется, что слишком много, – заметил я.

– Будда говорил, что ему ведомы восемьдесят четыре тысячи различных видов сосредоточения, – монах паузой обозначил важность сказанного, а я только в затылке почесал: восемьдесят четыре тысячи, в то время как я освоил несколько десятков. – Понятно, что из такого множества легко выбрать то, что подойдет человеку с определенным состоянием сознания в определенный момент времени... И я выберу. Сейчас. Для тебя.

Я не сразу понял, что мне предстоит освоить новое упражнение, а когда понял, то это меня совсем не обрадовало.

– Закрой глаза, – велел брат Пон, не давая мне времени на то, чтобы потешиться собственными эмоциями. – И представь реку, чистую, прекрасную, широкую, могучую...

Волгу я видел не раз, поэтому картинка возникла мгновенно.

– Река эта – течение сансары, в которой барахтаются все живые существа, пытаюсь добраться с одного берега на другой, из обители страданий в мир покоя и освобождения.

Изображение поменялось, волны, только что прозрачные, окрасились багрянцем, дымка окутала берега, один из них отдалился, стал темной линией на горизонте, и над ним встала знакомая мне гора Меру.

Брат Пон изложил мне что-то вроде десяти христианских заповедей...

– Для того чтобы одолеть эту преграду, у тебя есть плот, сложенный из знаний, – продолжал брат Пон. – Представь его, рассмотри каждое бревнышко и то, что их держит. Спешить не надо.

Плот, что удивительно, у меня получился далеко не сразу, поначалу не вышло ничего – я словно забыл, как выглядит этот предмет, будто не плавал на такой штуке в детстве. Явилась злость на себя самого, потом удивление, и я решил сменить тактику – для начала вообразил лежащие на песке бревна.

И только после того, как они предстали мне во всех деталях, задумался о плоте.

– Ты пыхтишь так, что в Лаосе слышно, – заметил брат Пон. – Не напрягайся... Расслабься... Помни, где ты находишься, чем занимаешься и к чему именно стремишься.

Я несколько раз глубоко вздохнул, понял, что тело мое напряжено: затылок, спина, предплечья, даже ноги и живот!

Какое-то время ушло на то, чтобы распустить узлы в мускулах, но когда я с этим справился, дело пошло значительно лучше: рядом с бревнами появилась веревка, толстая, надежная, и я едва не ощутил на пальцах ее шершавые волокна, когда начал связывать бревна. Процесс этот оказался почти телесным, я уловил тепло солнечных лучей на спине, запах влаги и гниющих водорослей, ноги мои словно погрузились в песок.

Я окунулся в это состояние так глубоко, что мне пришлось напоминать себе: Таиланд, ват Тхам Пу, медитация.

– Готово, – прошептал я, когда плот из трех бревен шлепнулся в воду, брызги полетели в стороны, точно сверкающие бусины.

– Отлично, – судя по звуку, брат Пон потерял руки. – На плоте знаний ты готов отправиться в путь через реку сансары, опасную, полную мелей и водоворотов, в недрах которой обитают чудовища-страсти, готовые проглотить неосторожного и уничтожить!

Я ощутил себя героем сказки.

– Начинай, – велел монах. – Оставь привычное и безопасное бытие за спиной.

Я понимал, что это существует лишь в воображении, но на мгновение мне стало так страшно, словно я на самом деле решил на утлом плоту пересечь какой-нибудь Енисей в устье, там где река впадает в Ледовитый океан. Ежась, я уселся на бревна, и земля начала удаляться, холодная вода дотронулась до лодыжек.

– А теперь подумай, что из собственного имущества готов ты взять в этот путь, – раздельно проговорил брат Пон. – Имущества в широком смысле: из вещей, представлений, воспоминаний, мыслей, привычек и ценностей, людей и черт характера. Перебирай осторожно, без спешки, а когда выберешь что-то, вообрази этот «предмет» и загрузи на плот. Я не знаю, что в каком облике тебе предстанет, – это решит твое сознание.

Первым делом мне в голову пришел мой бизнес, лежащий в руинах, но еще не совсем мертвый. И тут же на плоту объявился громадный несгораемый сейф, бревна захрустели, вся шаткая конструкция наклонилась, и я увидел под волнами гигантскую рыбку морду с распахнутой пастью.

– Нет! – воскликнул я и от удивления открыл глаза.

– Судя по всему, ты настроил себя нужным образом, – монах одобрительно кивнул. – Возвращайся туда, работай дальше...

На то, чтобы вернуться на плот, у меня ушло некоторое время, и, к собственному изумлению, я увидел на бревнах глубокие зарубки, оставленные острыми углами сейфа. Второй «предмет» я выбрал мгновенно, и им стали воспоминания о родителях: увы, они ушли почти одновременно и достаточно давно, так что общаться с ними я мог только в памяти.

Нечто прохладное коснулось шеи, сладкий аромат пощекотал ноздри.

Земля начала удаляться, холодная вода дотронулась до лодыжек...

И я понял, что на шее у меня появилась цветочная гирлянда вроде тех, что в Таиланде используют в качестве приношения: невесомая, неосязаемая, от запаха которой прибывает сил.

И даже плот мой задвигался быстрее. «Друзья», – подумал я. На этот раз прошло некоторое время, прежде чем на плоту и вокруг него принялись возникать деревянные статуи, похожие на языческих идолов из учебника истории. Приглядевшись, я узнал лица – те, с кем я общался в Паттайе, с кем дружил на родине и сохранял контакт; а еще я обнаружил цепи, которыми эти тяжеленные штуки крепились к моему плоту.

Скорость упала, и сколько я ни напрягал воображение, пытаюсь ускориться, ничего не вышло.

Через какое-то время я услышал шум за спиной и, оглядевшись, увидел неспешно двигающуюся ко мне волну, иссиня-черную у основания и с ослепительно белой верхушкой. Если это цунами накатит на меня, то наверняка опрокинет угловое плавательное средство, не оставит от него даже щепок.

«Нет! Это я не беру!» – мысленно закричал я, и статуи мигом исчезли.

– Достаточно, – прервал мою практику брат Пон, и я понял, что взмок от пота, а устал так, словно не один час орудовал веслами.

Открыв глаза, я понял, что душный вечер превратился в ночь.

– Ну что, увидел, как это работает? – поинтересовался монах.

– Ну да... Но это же всего лишь фантазии, не более того! – возразил я.

– «Всего лишь», – передразнил он. – Фантазией управляет твое эго, фальшивое «я». Здесь же все происходило независимо от тебя, словно в обычном мире, ведь так?

Я поскреб лоб, укушенный непочтительным комаром, и неохотно согласился.

– Именно по этому признаку можно оценить, выполняешь ты упражнение или просто развлекаешься иллюзиями, красивыми, приятными и совершенно бесполезными, – сказал брат Пон. – А теперь оцени, как изменилось твое отношение к тем явлениям, которые ты успел загрузить на плот.

Ну, воспоминания о родителях... все было так же, как и ранее.

Бизнес... раньше, с самого первого дня в Тхам Пу я мечтал о том, что вернусь в Паттайю с новой энергией и идеями, ринусь в бой, восстану из пепла, уничтожу конкурентов, захвачу рынок.

Сейчас я мог вызвать эти мечтания, но они потеряли яркость и силу, будто принадлежали не мне, а другому человеку.

– Но не будет же ничего плохого, если я попробую воплотить планы в жизнь? – спросил я, рассказав брату Пону обо всем.

– Нет, – отозвался он. – Никто не ждет, что ты начнешь жить сбором подаяния. Зарабатывать на жизнь – необходимость, и весь вопрос в том, как ты будешь к этой необходимости относиться, не затмит ли она для тебя весь мир и не превратится ли в самоцель.

На это я мог ответить с полной определенностью: нет, не превратится.

В этот момент я знал, что, даже работая над продажами, оформляя сделки и воюя с тайскими чиновниками и контрагентами, я никогда не забуду, ради чего я живу, от чего я отказался и к чему стремлюсь. Хорошо знакомых объятий алчности и ненависти я совершенно не хотел и понимал, как их избежать.

Друзья... они всегда были для меня ценностью, остались и сейчас, вот только...

Теперь я мог смотреть на них трезво, видел, кому я интересен лишь как собутыльник, кому как источник бабла, а кому могу доверить последние деньги и все тайны. Наверное, я и раньше это чувствовал, но предпочитал не думать на эту тему, жить по принципу «не имей сто рублей, а имей сто друзей».

– Да, изменилось все... – я снова почесал лоб. – Всего несколько часов.

– На самом деле ты сам не видишь и не понимаешь, насколько сильно и глубоко ты изменился за проведенное здесь время, – в словах брата Пона звучало нечто вроде гордости. – Из озабоченного собой, нервного, измученного типа, наполненного ощущением собственной важности, готового укусить всякого, кто окажется рядом, ты превратился в немного растерянного, но живого, способного удивляться и искать ученика.

– Только лишь ученика? – спросил я с улыбкой.

– Поверь, для такого срока – это колоссальное достижение, – монах вздохнул. – Сохранись у меня способность приходить в ужас, я бы немедленно в него пришел, вспоминая собственное ученичество... Я год не мог понять, чего наставник от меня хочет!

Поверить в это было трудно, но я знал, что ложь и брат Пон несовместимы.

– Да, ты в начале пути, но фишка в том... – он посмотрел на меня, хитро прищурясь, – что где бы и когда мы ни находились, мы всегда в начале пути, и это на самом деле прекрасно!

Не знаю почему, но эту истину я принял сразу и целиком, без рассуждений.

ЗАМЕЧАНИЯ ПО ПРАКТИКЕ

«Медитация с плотом» является дополнительной, в обычных условиях без нее можно с легкостью обойтись. Она используется, когда возникают сомнения в собственном пути, в том, что вы идете верно, что взяли с собой то, что надо. Описанные выше в тексте конкретные ощущения и переживания, с которыми столкнулся я, вовсе не обязательны, это индивидуальные реакции, не более того, у вас все может проходить совсем иначе.

Обязательные элементы практики следующие.

Во-первых, необходимо представить реку сансары, широкую, опасную, через которую пытаются переправиться ищущие спасения от страдания живые существа; и поместить себя на одном из берегов, другой же сделать символом спасения, нирваны, просветления.

Во-вторых, требуется представить плот знания, способный перенести вас через реку: во всех деталях, начиная с особенностей материала и заканчивая формой и цветом. Если он не явится вам в готовом виде, то придется вообразить процесс изготовления, достаточно трудоемкий.

В-третьих, необходимо погрузиться на этот плот и отправиться в путешествие через реку, размышляя о том, что именно из нынешней жизни вы готовы взять с собой.

Каждый этап может потребовать не одного сеанса медитации, а нескольких, день за днем, и всякий раз начинать надо с того места, где вы остановились вчера, или чуть ранее. Попытки перескочить, ускорить процесс, вонзить шпоры в бока воображению ни к чему не приведут.

На третьем этапе необходимо поочередно выбирать один из «предметов», имеющих для вас ценность. Кавычки я поставил потому, что слово «предмет» здесь означает и нечто нематериальное (хобби, любимое дело, отношения, идеал, планы, надежды, воспоминания – что угодно), поскольку для сознания нет разницы между тем, что воплощено в материи, а что – нет.

После того как он выбран, должна проявиться картинка, развиться ситуация, отражающая то, как этот «предмет» влияет на ваше движение к свободе, нужен ли он на пути. Если ничего не происходит, то это значит, что на каком-то из этапов медитации допущена ошибка – сознание не зацеплено в достаточной степени для того, чтобы реагировать на концепции, и вы находитесь в чистой фантазии, где все случается исключительно по сознательной воле.

От тех «предметов», которые отягощают плот, мешают ему двигаться, необходимо отказываться, после чего они исчезнут. То, что не мешает, можно признать истинной ценностью (на данный момент) и оставить при себе. Так нужно постепенно, без спешки перебрать весь список своего «имущества», по крайней мере важнейшие его пункты. Затем для интереса можно оценить и сравнить свое отношение к ним с тем, что было ранее.

Ничто не мешает повторить медитацию через несколько лет, когда изменится ситуация, а проблема с сомнениями возникнет снова.

Послесловие. Наставления практикующему

В тексте приведены девять упражнений, по одному в каждой главе – кроме пятой, где их два.

Шесть из них образуют комплекс: если браться за дело, то нужно осваивать их все, постепенно, по одному, и применять в совокупности, хотя с акцентом в зависимости от ведущего аффекта. Две последние практики, «анализ дхарм» и «медитация с плотом», являются дополнительными и выполняются только при определенных условиях; созерцание смерти» совершенно факультативно, нужно не всем, а кое-кому и вредно.

Описанные техники вполне хорошо работают сами по себе, но их можно использовать вместе с тем, что изложено в «Просветленные не ходят на работу». Последовательность освоения должен подсказать здравый смысл – вполне очевидно, что проще, а что сложнее, за что может взяться человек совсем неподготовленный, а что по зубам практику с опытом.

Сказки, а их в тексте девять, тоже могут использоваться как основа, как источник материала для медитаций, но с ними нужно работать совершенно творчески, изучая истории и делая выводы самостоятельно. Поэтому я не даю рекомендаций – тот, кому нужно, поймет все сам и придумает собственные, уникальные виды созерцания.

Удачной и плодотворной практики, друзья.

Всегда осознавайте, что именно и зачем вы делаете.

* * *

КОГДА ВЫ ДАРИТЕ КНИГУ, ВЫ ДАРИТЕ ЦЕЛЫЙ МИР

ХОТИТЕ ЗНАТЬ БОЛЬШЕ?

Заходите на сайт:

<https://eksmo.ru/b2b/>

Звоните по телефону:

+7 495 411-68-59, доб. 2261

ВАШ ЛОГОТИП
НА ОБЛОЖКЕ

ВАШ ЛОГОТИП НА КОРЕШКЕ

ОБРАЩЕНИЕ
К КЛИЕНТАМ
НА ОБЛОЖКЕ